

X
0752

Средневековое
ропоское право
XII - XIII
веков

Средневековое городское право XII—XIII веков

Сборник текстов

Под ред. проф. **С. М. Стама**

Средневековое городское право XII—XIII веков // Сб. текстов / Сост. Т. М. Негуляева, Л. И. Солодкова. Изд-во Саратов. ун-та, 1989. 180 с.

Представлены хартии вольностей и грамоты городов Германии, Австрии и Швейцарии, что позволяет проследить процесс городского развития на довольно обширной территории. Некоторые хартии даны в двух (Шпхейер, Страсбург, Мелебах, Вена) или даже в трех редакциях (Вормс, Кельн). За исключением страсбургских, все хартии на русский язык переведены впервые. Каждая хартия сопровождается комментариями.

Для студентов и преподавателей исторических факультетов университетов и пединститутов. Публикуемые тексты могут быть использованы в работе семинаров и спецсеминаров, при подготовке курсовых и дипломных работ, для разработки спецкурсов по истории средневекового города.

Рекомендуют к печати:

кафедра истории средних веков Саратовского государственного университета,
кандидат исторических наук *Т. В. Мосолкина*.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД И ГОРОДСКОЕ ПРАВО

История средневекового города составляет важнейший раздел медиевистики. Без ее серьезного изучения невозможно правильно понять основные закономерности развития феодального общества в целом; мало того, без осмысления городского развития нельзя выяснить предпосылки возникновения капиталистического уклада в недрах феодальной формации.

Между тем, многое и в экономической, и в социальной истории средневекового города все еще остается неясным и спорным. Для разрешения спорных проблем есть единственный верный путь: обратиться к источникам.

Особенно важный материал по истории раннего города содержат памятники городского права, однако именно эти памятники в хрестоматиях и практикумах по истории средних веков представлены крайне скупо. По немецкому городу, например, дается только Первое право Страсбурга. Давно стал библиографической редкостью сборник «Средневековые в его памятниках» (Под ред. Д. Н. Егорова, М. 1913), содержащий не только Первое, но и Второе право Страсбурга, а кроме того, права Любека, Стендаля, Гамбурга, Магдебурга. Почти такая же редкость сборник «Средневековый город» (Под ред. В. Ф. Семенова, М. 1949), где напечатаны Первое право Страсбурга и Древнейшее городское право Трира в переводе Ю. А. Корхова.

В данном сборнике публикуются переводы городских хартий XII — начала XIII века; это, по преимуществу, хартии городов средневековой Германии, а также Австрии и Швейцарии. Оригиналы хартий — на латинском языке. Первое право Страсбурга дается в переводе Ю. А. Корхова, Второе право Страсбурга — в переводе Д. Н. Егорова. Остальные хартии на русский язык переведены впервые.

Для изучения средневекового города, особенно в начальный период его существования, городские хартии вольностей — незаменимый, бесценный источник. Разумеется, очень важно широкое привлечение и актового материала. Но ведь актовый материал, отразивший деловую и социальную жизнь германского города,

стал множиться только со второй половины XIII века; не раньше этого времени возникают и первые городские хроники; уставы городских цеховых корпораций стали фиксироваться тоже в лучшем случае с конца XIII века, основная масса их приходится на XIV и XV века.

Между тем, для выяснения роли города в развитии феодального общества очень важен ранний этап городской жизни — XI—XII века, когда процесс складывания поселений недеревенского, ремесленно-торгового типа делает первые шаги и когда эти поселения самым фактом своего существования и борьбой с сеньорами-землевладельцами заставляли последних идти на уступки и оформлять эти уступки специальными грамотами. Подвергнутые анализу, эти юридические источники могут открыть многое в тех экономических противоречиях и в противоборстве социальных сил, которыми двигалось развитие средневекового города.

Германские города оставили достаточно богатое документальное наследие: именно в XII и в первой половине XIII века было составлено много записей городских вольностей, прав горожан, ограничивавших их обязанности по отношению к сеньору. Само обилие этих источников свидетельствует об интенсивности городского образования и о значительной социальной активности формирующегося сословия средневековых горожан. Следует отметить, что документация подобного рода отложилась не только в архивах тех городов, что стали затем крупными экономическими, политическими и культурными центрами Германии (и Европы), но и в городах, которые остались второ- и третьестепенными пунктами, значение которых никогда не выходило за пределы узкого округа (Анвейлер, Дибург, Липпштадт и др.). Очевидно, независимо от размеров города, условия городской жизни, прежде всего экономические, выдвигали сходные запросы и требования, поэтому в различных хартиях обнаруживается очень много общего.

Как и следовало ожидать, большая часть городских хартий составлена в канцеляриях церковных сеньоров (хартии Страсбурга, Кёльна, Трира, Шпейера, Вормса и др.), однако немало городов возникало и на земле светских феодалов, поэтому многие хартии даны от имени императоров, герцогов, графов (таким городам, как Гослар, Берн, Стендаль, Фрейбург в Брейсгау, Хамм) и даже от имени сеньоров, не имеющих титула (Липпштадт). Сопоставление хартий городов крупных и мелких, светских и церковных позволяет выявить как специфику условий развития отдельных городов, так и общие черты того явления, которое мы называем городским правом, — черты, обусловленные общностью экономических и социальных интересов горожан.

Принимаясь за анализ содержания городских хартий, следует учесть некоторые существенные особенности этого рода историче-

ких документов и, прежде всего, их социальную природу и социальную направленность. Внешне составителем хартии выглядит феодал, хартия дается от его имени и скрепляется его печатью, всячески подчеркивается, что это — акт сеньориальной милости и благоволения. Однако все содержание явно свидетельствует, что активная сторона здесь — не сеньор, а горожане: это они предъявляли свои требования, в борьбе добивались записи хартии, и «милостиво» урезая свои права и аппетиты в пользу горожан, сеньор совершал это вынужденно, под давлением экономическим, а то и вооруженным.

Далее, городская хартия — документ нормативный; в ней записано то, что было необходимо горожанам, к чему они стремились. Однако далеко не всегда эти записанные, гарантированные имперской печатью привилегии воплощались в жизнь полностью; записанное в хартии могло и не стать реальной нормой. Достаточно, например, проследить судьбу торговой пошлины, отмена которой в некоторых городах (Кельне, Фрейбурге и др.) зафиксирована уже в самых ранних грамотах и которая неизменно «воскресала» в практике сеньориального режима.

Дело в том, что городская хартия, как правило, была документом компромиссным: она составлялась сеньором, но почти всегда по требованию горожан, следовательно, в ней неизбежно отражалась борьба интересов обеих сталкивавшихся социальных сил. Их реальное соотношение в конкретный момент решало, чьи интересы отразятся в данном документе с большей четкостью и в большем объеме, будет ли записанное в хартии соблюдаться и когда долго.

Наконец, следует учитывать конкретную политическую обстановку, в которой составлена хартия или ее новый вариант. Феодальная раздробленность Германии, усиление территориальных князей, борьба германских императоров с папством и немецкими князьями — все это создавало сложные ситуации, в которых города, играя на противоречиях внутри класса феодалов, используя заинтересованность королей в союзе с городами, добивались порой немалых успехов (Страсбург в 1110 г., Вормс, Шпейер и др.).

В нашей литературе, особенно в учебной, укрепились мнение, что в Германии процесс отделения ремесла от сельского хозяйства, а следовательно, и процесс возникновения средневекового города совершался значительно позднее, чем в странах романского региона или в Англии. Знакомство с хартиями германских городов XII века вносит некоторую коррективу в сложившееся представление. Если Италия действительно опережает общеевропейские темпы городского развития, то северная Франция, Фландрия, Англия обгоняют Германию ненамного; процесс наиболее интенсивного городского развития в этих регионах, как и в Германии,

приходится тоже на XII век. Отдельные же города по Рейну начинают оживать еще в X, а кое-где, видимо, даже во второй половине IX столетия. В конце X века начинают возводиться и первые (после римских) городские стены в Кёльне, затем в Страсбурге вокруг торгово-ремесленных поселков, предместий, возникших рядом с резиденциями местных епископов. В XII в. эти стены уже не могли вместить быстро растущее население, и горожане строили новые.

Обращает на себя внимание материал, содержащийся в преамбулах многих хартий. Составители их часто ссылаются на уже существовавшие прежде установления или иные юридические акты, которые до той поры в какой-то мере регулировали жизнь этих растущих раннегородских поселений. Так, по свидетельству хартии Хагенау (1164 г.), этот город «блистал своим правом» еще при жизни отца императора Фридриха I, то есть еще в первой половине XII века. Аугсбург жалуется, что он потрясен «мрачным забвением его права», и хартия 1156 г. призвана это забытое и поправное «некими людьми» право восстановить, «не ущемляя права всех сословий», в том числе и горожан. Аналогичные сведения содержат вводные разделы хартий Бремена (1186 г.), Медебаха (1144 г.), Берна (1218 г.), Гослара (1219 г.). Госларская хартия к тому же содержит интересное замечание: она призвана «собрать воедино права, рассеянные по старым рескриптам», в цельный свод законов.

Дотошность писца-составителя дает здесь хорошую пищу для размышлений. Очень возможно, что городское право зачастую формировалось именно так: по крохам собирая (выговаривая, выменивая, выкупая, отвоевывая) отдельные привилегии, горожане в определенный момент ощущали необходимость свести эти частные пожалования и установления в цельный свод. Если это удавалось, составлялась запись хартии, которую ныне называют Древней, Первой и т. д. Возможно, что в Вормсской хартии 30-х годов XIII века сведены воедино привилегии, полученные жителями этого города в 1074 г. от императора Генриха IV и в 1190 г. от Генриха VI. Разумеется, хартия подробнее и гораздо полнее, но ядро ее заложено в этих грамотах. Грамоты же, следует отметить, были вырваны у императоров, когда те в связи с очередным политическим конфликтом остро нуждались в поддержке городской общины.

Еще более яркий пример дает право Кельна. Грамота 1169 г. недвусмысленно говорит, что до времени ее составления горожане хранили некую запись своих привилегий, настолько давнюю, что к 1169 г. ее, по словам епископа, «источили черви», и грамота 1169 г. была, по сути, новой редакцией прежних городских установлений, причем инициатором составления новой редакции был

именно архиепископ, горожане же согласились на это весьма неохотно, опасаясь (и не без основания!), что их судебные и торговые привилегии могут быть урезаны сеньором.

Одна из самых содержательных и интересных из всех известных городских хартий Германии, Древнейшее, или Первое, право Страсбурга, по общепринятой традиции датируется 1189 годом. Но сохранились грамоты 1105, 1113, 1129 гг., в которых записаны важные судебные привилегии горожан. Учреждение собственно городского суда, определение круга его полномочий и порядка назначения судей сформулированы здесь далеко не так четко и полно, как в хартии, но преемственность этих документов не вызывает сомнений. Каждая из этих грамот — результат борьбы горожан с сеньором-епископом, недаром в их преамбулах неизменно отмечено, что сеньор «склонился к горячим просьбам своих горожан» или «пошел навстречу мольбе народа города».

Возникающие города росли за счет постоянной иммиграции сельского люда, поэтому почти все хартии так много внимания уделяют переселенцам из поместий, беглым чиншевикам-держателям, сервам. Хотя из поместий выплескивалось, так сказать, излишнее население (бежали, как правило, крестьяне, недостаточно обеспеченные землей), однако земельные собственники были весьма обеспокоены утечкой рабочих рук и всячески старались ей препятствовать. Но в то же время сеньоры сравнительно быстро сообразили, что растущий у стен бурга или монастыря торгово-ремесленный поселок приносит немалый доход и что содействовать его росту — выгодно. Эта заинтересованность в городских доходах обычно побуждала феодала в какой-то мере идти навстречу требованиям горожан и поощрять приток беглых крестьян из сельской округи. Однако, боясь оскудения собственных вотчин, сеньор чаще всего разрешал оседать в городе сервам других сеньоров, а своим собственным либо запрещал, либо требовал от них уплаты выкупа, как было, например, в Хагенау.

Социальная активность этих поселков обнаруживается с первых шагов их существования. Новопоселенцы просят (а то и требуют) льгот в занятиях ремеслом и промыслом, выделения земель для застройки и для удовлетворения насущных хозяйственных нужд (водоемы, выпасы, участки леса для строительства и сбора оплива), права на регулярно действующий рынок, гарантии соблюдения имущественных прав, безопасности на дорогах и рынках. Так товарное производство и товарное обращение с первых же шагов своего существования вступали в противоборство с системой феодальной несвободы, феодального произвола и обирательства.

Об интенсивности городского развития и о том, что это развитие происходило в острой социальной борьбе, свидетельствует и

тот факт, что первые восстания горожан против сеньориального произвола в германских землях вспыхнули очень рано. О восстании 1074 г. в Кельне известно давно, но, во-первых, никто до сих пор не связал это событие с социально-экономическими процессами в раннем городе, а, во-вторых, редко вспоминают, что аналогичные события имели место в 1073 г. — в Вормсе, в 1075 г. — в Майнце, в 1111 г. — в Шпейере; в 1107 г. назревало восстание в Страсбурге, а в 1113 г. снова восстали кельнцы. Есть даже и еще более ранняя дата: в 906 возникла распря между епископом и «народом Страсбурга», и уладить ее удалось лишь после вмешательства императора. Как правило, разного рода «милости», привилегии, грамоты о смягчении сеньориальных поборов появляются после очередного волнения в городах — без инициативы «снизу» сеньоры не изменяли систему эксплуатации ни в деревне, ни в городе. Сколько бы ни клялись императоры и короли, архиепископы и епископы, герцоги и графы в «особом расположении» к горожанам, в «вящей любви и уважении» к ним, в «сострадании и многообразному угнетению», царящему в городах, — даже на минимальные льготы они соглашались, во-первых, не добровольно а под нажимом, и, во-вторых, за мзду, и порою очень значительную.

Возникая в обстановке постоянного противоборства горожан и сеньоров, отражая его этапы, городские хартии дают богатый материал для изучения коммунального движения — его причин, целей, форм и характера, а также для выяснения той системы феодального обирательства и произвола (то есть сеньориального режима), против которой коммунальное движение велось.

Складывание сеньориального режима в средневековом городе было предопределено господством феодальной земельной собственности: город возникал и рос на чьей-то земле, и собственник земли считал своей собственностью и город. Герцог Конрад Церингенский в хартии Фрейбургу в 1120 году подчеркнул в первых же строчках, что сие место принадлежит ему «по праву частной собственности». Его наследники в 1200 году в новой редакции права высказались еще более определенно: «Установлено..., чтобы впоследствии сеньор владел этим городом по праву наследства». Кельнский архиепископ Арнольд в грамоте городу Медебаху 1144 году напоминал, что «почтенный город Медебах» издавна «служил алтарю кельнского архиепископа в качестве свободной полной собственности». Но если и не было в тексте такого четкого обозначения, суть дела не менялась. В Страсбурге, по праву 118 года, «все должностные лица подчинены власти епископа» силу его прав земельного собственника. Герцог Леопольд обещает не инфеодировать Вену какому-либо сеньору на том же основании. Аналогичный материал можно извлечь из каждой хартии.

Объектом сеньориальной эксплуатации были городские ремесла и торговля. Вот почему сеньоров прежде всего интересовал рынок, они этого почти не скрывали. Доходы же от рынка можно было не только присваивать самому, но и отдавать на правах феодала вассалам, последнее имело место в Стендале, в Гамбурге, в Дибурге, в Штаффельштейне.

Рынок и ведущие торг купцы на первых порах заслоняли сеньору все остальное в формировавшемся городе. Зачастую для сеньора понятие «купец» (меркатор) и «горожанин» (бюргер) почти идентичны. Ведь, во-первых, любой горожанин так или иначе был вынужден пользоваться рыночным обменом, покупая продукты питания и сырье, продавая ремесленные изделия и полуфабрикаты, а часто овощи и фрукты, выращенные на приусадебном участке. Во-вторых, что еще важнее, именно купцы могли выложить значительную сумму денег за хартию вольностей, поскольку в торговле накопление средств совершалось гораздо быстрее, чем в ремесле. Так, например, хартия Фрейбурга 1120 г. формально обращена к купцам. Именно купцам герцог Конрад Церингенский разрешил «начать и использовать» рынок в Фрейбурге, купцам разрешено занимать участки под застройку, купцы освобождены от торговой пошлины. Следует, конечно, учесть, что постоянный рынок не мог бы функционировать только для купцов, без ремесленников, повседневные нужды которых требовали регулярного рыночного обмена. Но купцы, видимо, возглавили то «присяжное сообщество», существование которого признал герцог Конрад, составив хартию в 1120 г. «согласно их просьбе и желанию».

Интересы торговли и купечества проступают и в других хартиях: феодалы вынуждены их учитывать, исходя из собственных интересов. Так, епископ Страсбурга в конце XII в. имел право посылать страсбургских купцов с различными поручениями, но, во-первых, только в пределах диоцеза, во-вторых, не всех, а только двадцать четыре из них, и, в-третьих, ежели в этих поездках купцы терпели ущерб, епископ должен был его возместить. Мало того, хартия вменила в обязанность епископу заботиться о «чести купцов» (для XII в. это почти беспрецедентный случай) и запретила вызывать в суд горожанина, «уже входящего на корабль или сядущегося на коня или в повозку», — горожанину (и прежде всего, купцу) нельзя было мешать в деловой поездке даже из-за судебной тяжбы. Хартии Зёста и Медебаха говорят о существовании (уже в XII веке!) простейших купеческих объединений — компаний, регулируют распределение доходов и взаимные обязательства их участников. Венские купцы добились от австрийского герцога, чтобы он запретил иногородним купцам, с одной стороны, проезжать через Вену в Венгрию транзитом, не выставляя говары на продажу, а с другой, — торговать в Вене более двух

месяцев и торговать в розницу. Тем самым выгодная розничная торговля оставалась в руках местного купечества, а сравнительно сжатый срок, отведенный иноземному купцу, побуждал его снижать цены, опять-таки в пользу венских торговцев.

Следует учесть, что и купцам, этой наиболее богатой и организованной прослойке городского населения, не всегда удавалось отстаивать свои интересы, особенно если противником был император или могущественный церковный князь, вроде кельнского архиепископа. Долгой и упорной была борьба против торговой пошлины. Почти каждая хартия содержит статью об отмене или ограничении этой пошлины. Но поскольку именно она составляла львиную долю доходов с города, терять ее сеньоры не хотели, и многократно убиенная в актах различного рода, она так же многократно воскресала. Так, полная отмена торговой пошлины была обещана Фрейбургу в самой ранней хартии 1120 г. Однако редакция 1200 г. недвусмысленно утвердила: «Пусть каждый в этом городе должным образом платит торговый сбор», — кроме клириков и министериалов герцога! В Кельне архиепископы еще в первой половине XII в. отменили торговую пошлину, но на протяжении всего XIII в. попытки сеньоров взимать этот побор в самом Кельне и на подступах к городу не прекращались. Горожане Медебаха в 1144 г. жаловались на введение новых поборов с мясного рынка и с купеческих рядов, «отчего рынок пришел в упадок и почти весь покинул это место». Архиепископ Арнольд «ради успокоения народа города» решил возратить ему прежние законы и обычаи, однако четкой записи об отмене торговой пошлины в грамоте нет; нет ее и в праве 1165 года.

О ремеслах и ремесленниках из этих источников узнавать труднее, чем о торговле и о купцах. На их фоне Древнейшее право Страсбурга, где весьма подробно говорится о ремесленниках и их профессиональных организациях, просто уникально. Важнее даже само перечисление ремесел (15) — это позволяет ощутить реальность ремесла как экономической основы городской жизни. Кроме того, выясняется дифференциация ремесел: четыре промысла связано с обработкой кожи, оружейный промысел отделился от кузнечного. Многие ремесла имеют свои организации (начало цеховых союзов), и это — важное завоевание ремесленников Страсбурга, ведь в XII—XIII вв. далеко не в каждом городе ремесленный люд получил право на такую организацию, поскольку для сеньоров любая форма сплочения горожан была нежелательна. Так, хартия Гослара в 1219 г. запрещала не только купеческие гильдии, но и ремесленные объединения. Конечно, страсбургские ремесленные организации еще пребывают в зависимости от сеньора, и весьма обременительной: все ремесленники обложены оброком в пользу епископа, обязаны ему пятидневной барщиной, под-

удны его суду. Магистры почти всех ремесленных корпораций назначаются бургграфом епископа и, видимо, далеко не всегда и мастеров данного ремесла, — об этом можно судить по кельнским грамотам 1258 и 1264 гг. Но сам факт внесения в хартию специальной статьи о том, что именно бургграфу принадлежит право назначать магистров ремесленных объединений, свидетельствует, что эту сеньориальную прерогативу ремесленники нарушали уже во второй половине XII века.

Хартии других городов впрямую о ремесле говорят скупо. Но из них можно узнать о существовании тех или иных ремесел и промыслов — так, почти в каждой упоминаются монетчики, мельники, пекари, виноделы, мясники, засольщики мяса и рыбы, трактирщики, кузнецы, оружейники. Упоминаются они в связи с тем, что обязаны чем-либо сеньору (платят или выполняют работу) или, напротив, от каких-то повинностей освобождаются, — никаких иных сведений о ремесле, ремесленниках, их организации, как правило, нет. Однако, если госларская хартия запрещает все ремесленные объединения в городе, кроме сообщества монетчиков, значит и другие ремесла в городе самочинно создают свои корпорации, и следует подумать, в чьих интересах император Фридрих II поставил подпись и печать под такого рода запретом. Если борщик торговой пошлины во Фрейбурге контролирует (и, очевидно, обирает) ввоз шерсти и пряжи, кожи и шкур, необработанного дерева, металлов в слитках, красителей, значит этого сырья в городе ждут ремесленники соответствующих специальностей. Если под хартией города Хамма в 1213 году поставили свои подписи в качестве первых консулов города четыре мельника, винодел и сапожник, то это свидетельствует не только о существовании в городе виноделия, мукомольного и сапожного промысла, но и о том, что социальный статус горожан-ремесленников был уже достаточно высоким.

Город — прежде всего центр мелкого товарного производства; новый экономический уклад возникает в производстве, а не в сфере обращения. Торговля была неотъемлемой составной частью городской экономики, но сама по себе не обеспечивала нового социально-экономического качества городской жизни. Купцы были богаче, но большинство городского населения составляли ремесленники, даже в таких торговых центрах европейского масштаба, как Кельн или Страсбург. Именно деятельность ремесленников, их экономические и социальные потребности как самостоятельных товаропроизводителей вызвали к жизни городское право. Конечно, анализ о ремесле и ремесленниках в хартиях фрагментарны, изложить их трудно, но делать это необходимо.

Чего же добивались горожане прежде всего? На первом месте всегда — мир и безопасность, по возможности не только в ры-

ночные дни и не только в пределах городских стен, но и на дорогах, ведущих к городу. Страсбургская хартия в первой же статье провозглашает: Страсбург основан «по образу других городов на том почетном условии», чтобы «как чужой, так и местный уроженец, имел бы в нем мир во всякое время и от всех». Обеспечение мира — истинно «почетное условие» для социально-политической практики XII века, когда мир был исключением, а война — правилом, тем более в Германии, где не прекращалась борьба князей и императора, императора и папства, помимо местных феодальных распри. Следует отметить: составителям хартии ясно, что Страсбург следует «образу других городов», что и другие города требуют обеспечения мира. В самом деле, в хартии Фрейбурга 1178 года 15 статей (из 55) так или иначе охраняют, гарантируют мир, предотвращают насилие и карают за него; в пражской Венны 1221 года таких статей 10 (из 28), в Госларе — 6.

Материал этих статей ярко рисует обстановку, в которой жили горожане XI—XIII вв.: частые, если не постоянные войны и смуты, разбой и грабежи, господство кулачного права и грубого произвола, небезопасность жизни, особенно тех, кто не принадлежал к сословию феодалов-землевладельцев.

В борьбе за охрану мира особенно остро проявлялся антагонизм между городским товарным производством и феодальным господством. Даже если феодалы воевали между собой, эти войны мешали нормальной работе ремесленников, передвижению купеческих караванов, подвозу сырья и продовольствия, функционированию рынка. Но и помимо военных невзгод по экономике города больно било вольное хозяйничание вооруженных феодалов, их вассалов и слуг, сеньориальный произвол: реквизиции в мастерских и на рынке были возведены в ранг закона (их масштабы явно обнаруживает вторая редакция фрейбургского права, позволявшая слугам герцога забирать у каждого сапожника «столько сапог, сколько пожелает» всякий раз, когда герцог собирался в поход с императором). Сеньор мог без суда и следствия схватить горожанина и держать в заключении, требуя выкупа; потребовать с купца уплаты долга за того сеньора, из владений которого он приехал, — об этих фактах сообщали третейскому суду кельнские горожане в 1258 году, и кельнский архиепископ, по сути, отвергнув эти жалобы не смог. Красноречивы в этом плане «Установления епископа Буркхарда» городу Вормсу» (1023—1025 гг.). Отметив, что в городе «почти ежедневно совершаются зверские образы человекоубийства», в результате чего в течение только одного года были «без вины убиты тридцать пять сервов», епископ Буркхард установил систему жестких наказаний (вплоть до клейма раскаленным железом) и денежных штрафов, сама высота которых (более двухсот шиллингов за убийство) свидетельству

т, что убийцами, как правило, были вассалы и министриалы епископа.

Обычное феодальное право практически никак не защищало ни жизнь горожанина, ни его имущество, ни его достоинство. И главный враг, главный нарушитель городского мира сидел в замке, в городской курии, — это был сам сеньор, его вассалы и его многочисленная челядь. Поэтому если сеньор обещал в хартии мир и безопасность в пределах своей власти и владений всем, прибывающим на рынок Фрейбурга, и даже обещал заставить насильника вернуть награбленное или заплатить ущерб из своего армана, то он хорошо понимал, что главный насильник «в пределах его власти и владений» — он сам, или его вассалы, или его луги. Это они имели право носить оружие и не задумывались его применять, они привыкли рассматривать имущество и труд крестьян как собственное достояние и сохранили такое отношение к горожанам. Для феодалов, церковных и светских, город был объектом систематического грабежа.

Поэтому все статьи городских хартий, охраняющие мир, носят резко выраженный антисеньориальный характер. Например, право г. Вены 1221 г. требует, чтобы «дом каждого из горожан служил защитой и местом обитания ему самому и какому угодно... ришельцу». Неприкосновенность жилища — гарантия безопасности. Против кого? Против тех, кто имеет обыкновение «вторгаться в дом другого» с луком, копьем или обнаженным мечом, — речь идет о сеньоре, его вассалах или челяди, а «пришелец» в данном случае, скорее всего, беглый крестьянин. Вряд ли горожане средних веков отличались голубиной кротостью, но они предпочитали разрешать свои споры через законный суд, путем разумного судебного разбирательства, а не путем разбоя, драки или даже судебного поединка. Запрет обнажать в городе «острое оружие», запрет входить в город с натянутым луком, запрет носить на поясе или в сапоге кинжал — все это антидворянские запреты.

Охрана мира нужна была городу, как воздух. Материальная возможность этой охраны поначалу была только у сеньоров (войско, суд и т. д.). К тому же мало-помалу сеньор и сам начал понимать, что без обеспечения мира город (то есть городское товарное производство и обращение) желаемых доходов ему даст. Недаром Буркхард, епископ Вормса, сокрушаясь по поводу «убитых без вины сервов св. Петра» (числом тридцать пять!), метил: «И эти убитые заслуживали большей похвалы, чем кто-либо из раскаявшихся убийц». Еще бы! Тридцать пять ремесленников, обязанных оброком и службами епископу, тридцать пять воев, которые неминуемо должны были выйти на рынок (ремесленнику без него не прожить) и уплатить торговую пошлину,

убиты «из-за ничего, или во хмелю, или из-за гордыни» в безрас-
судном гневе, а сеньор-епископ не досчитался весьма заметной
дохода и поневоле берет под охрану городской мир.

Мало того, защита мира и порядка в городе и в его окру-
жающей местности сама по себе становилась источником дохода. Трудно сказать,
сколько раз довелось герцогу Церингенскому самому распла-
чиваться за разбой в округе Фрейбурга, скорее всего — ни раз,
но вот штрафы за нарушение мира он, как высший судья, пол-
учал немалые: за убийство — 60 солидов, за драку с чужеземцем —
60 солидов; если кто-либо из горожан «лишался покровительства
сеньора», он терял дом и «все, что имел в городе», — все это до-
ставлялось сеньору-герцогу. Аналогичные примеры дают почти все
городские хартии.

Не менее острой потребностью, чем охрана мира, была для го-
рода личная свобода, эта потребность проистекала из самой су-
щности городского товарного производства, которое не может но-
мально функционировать без свободы товаровладельца в рас-
поряжении своей личностью, временем, имуществом. Сеньориальное
обирательство и крепостная зависимость приходили в вопиюще
противоречие с потребностями городского товарного производ-
ства, поэтому борьба горожан за личную свободу начиналась с то-
го самого момента, как на земле какого-либо сеньора возникал
ремесленно-торговый поселок, то есть с первых шагов городской
торговли. И, поскольку приток убежавших из поместий крестьян
прекращался на протяжении столетий, городской общине важ-
но было отстоять личную свободу этих иммигрантов ныне и в бу-
дущем. В результате редкая хартия не содержит статьи, по ко-
торой любой человек, прожив в городе год и день, становился «св-
бодным в сообществе других горожан», если его в течение этого
срока не настигала поместная полиция. Если же сеньор наход-
ился в городе своего серва, он мог требовать с него причитающие-
ся платежи, как было в Хагенау, или вернуть его в поместье, как
было в Берне. Однако сначала сеньору надо было доказать, что
этот человек — его серв, а процедура доказательства была до-
статочно сложной. В той же Бернской хартии сказано: если се-
ньор, отыскавший в городе своего серва и доказавший свои права
на него, не уводил серва тотчас же, то серв все равно обретал
свободу. Городская община была заинтересована в том, что-
бы в ее рядах было больше людей, но лично зависимых не было,
даже если сеньором оказывался император (как в Берне), он
нужден был удовлетворить это настоятельное требование го-
рожан.

Борьба за личную свободу в городах тесно переплеталась
с борьбой против поборов и служб сервильного происхождения,
против поголовного и посмертного поборов, против права пост-
ражения,

уражных сборов. В ходе этой борьбы сервилльные повинности в германских городах отменялись (или существенно ограничивались) без какого-либо возмещения сеньору, во всяком случае ни одна хартия не содержит даже намека на какой-либо выкуп за их. Тем не менее этот процесс не был прямолинейным и гладким, сеньор и здесь не сдавал позиции сразу и навсегда. Поэтому, например, посмертный побор в хартии Фрейбурга, отмененный еще в 1120 году, в редакции конца XII века отменяется снова, видимо, после 1120 года его, вопреки хартии, то и дело взыскивали с горожан, несмотря на то, что фрейбуржцы считались личностно свободными, по крайней мере, с 1120 года. Еще более поучительный пример Шпейера. В 1111 году император Генрих V освободил горожан от «наихудшего и непосильного побора», который назывался посмертным побором и из-за которого «весь город находился под угрозой крайней бедности». Привилегию эту горожане закрепили в кровопролитной борьбе против епископа и записали золотыми буквами на фасаде собора. Но и запись не помогла. В 1182 году горожане жаловались, что епископ Ульрих снова требует с них посмертный побор, правда, под другим названием, но суть осталась прежней. Фридрих Барбаросса подтвердил привилегию 1111 года (надо полагать, жалоба шпейерских горожан одобривалась денежным подношением), предписав, чтобы впредь никогда какая бы то ни была персона да не осмелится тревожить их (горожан) по сему случаю», то есть требуя уплаты посмертного побора под каким бы то ни было названием. Но насколько соблюдали это предписание преемники епископа Ульриха, трудно сказать. Упорное стремление сеньоров сохранить сервилльные поборы с горожан проглядывают почти во всех хартиях.

Жалуя в 1219 году городское право Анвейлеру, император Фридрих II отменил поголовный побор, но сохранил посмертный. Городское право Дибурга (1194 г.) освобождало новопоселенцев от сервилльных повинностей в пользу бывших сеньоров, но сеньоры этого города, братья де Боландия, при желании могли требовать от горожан выполнения того же в свою пользу, причем став повинностей в хартии даже не конкретизируется. В Аугсбурге, по хартии 1156 года, епископ удержал за собой посмертный побор с тех горожан, которые были женаты на крепостных женщинах.

Весьма обременительным для горожан было сеньориальное право постоя — приходилось обеспечивать ночлегом, едой и всем необходимым феодала, его свиту, слуг, лошадей. Недаром каждая статья, отменявшая или ограничивавшая это право, упоминает, что на постоя надо располагаться «мирно и без ущерба для горожан» (Хагенау, Берн); добиваться размещения «посредством просьбы», а не занимать дома и конюшни насильно (Страсбург).

Шнейерская хартия 1111 года предписала, чтобы никто из слуг какого-либо сеньора не смел «для обслуживания своего сеньора забирать в городе у пекарей, или у мясников, или у людей иного рода какую либо утварь против их желания». Хартия 1182 год этот запрет повторяет, следовательно, сеньоры и их слуги его нарушали.

Во всех хартиях, независимо от величины города, заметно стремление горожан к максимальной свободе в распоряжении своим имуществом, оно диктовалось условиями товарного производства. В одних городах устанавливалась полная свобода продавать все, что горожанину принадлежит, и уезжать, куда вздумалось; в других для такой продажи (особенно недвижимости) нужно было еще доказать в суде, что «нужда одолела» и продажа необходима.

Горожане добивались права заключать залоговые сделки; предусматривались способы для того, чтобы кредиторы могли получить долг с должников, даже если должником оказывался сам сеньор. Хартия Хагенау установила срок выплаты долга и выкуп за залога даже для императора: 6 недель, и не более того, а в истечение этого срока кредитор имел право присвоить залоговое имущество. Такого рода статьи очень важны. Они еще раз свидетельствуют, как быстро (по сравнению с поместными темпами) шло развитие городской экономики и городского накопления, если в середине XII века императоры и князья, в том числе и князья церкви, регулярно берут у горожан займы под залог. Ведь в хартию попадало то, что в жизни случалось часто, не единичные, и частые казусы. И внесена в хартию эта статья по инициативе горожан, а не императора. Император разве что льготный срок предоставил до шести недель, горожане, возможно, требовали покороче.

Немалый ущерб имущественным интересам горожан, особенно купцов, наносил феодальный обычай репрессалий, по которому купец в любом городе мог быть схвачен местной сеньориальной полицией и принужден к уплате за долги или иные преступления своего сеньора. Горожане боролись против этого обычая всюду, но добиться его полной отмены не смогли. Во время войны города Кельна с архиепископом Конрадом кельнские горожане, в частности, обвиняли своего сеньора в том, что его слуги отбирали у приезжих купцов серебро и не оплачивали его, даже бросали их в темницу, и не только приезжих, но и своих.

Во всех городских хартиях много внимания уделяется свободе брака. Здесь в сложном узле сплетались имущественные интересы, проблемы личной свободы и юридического статуса горожан. Особенно ярко высвечены эти проблемы в хартии Вормса 1141 года. Император в ответ на «горестный вопль» горожан и жалобу «на бесконечные извращения, каковым они подвергались в сво-

браках», установил: откуда бы ни были родом муж и жена, откуда бы они ни пришли в Вормс, в городе они «имеют одно и то же правосудие», и никакой фогт не имеет права расторгнуть их брак и требовать брачной пошлины. В случае смерти одного из супругов их имущество достается тому, кто остался в живых. Если оба умрут бездетными, имущество отходит ближайшим родственникам, и пусть «ни фогт какой-либо, ни иная персона не строят козни по поводу этого имущества». Свободными или крепостными были пришедшие в город супруги, их прошлое оставалось по ту сторону городских стен; здесь, в городе, они оказываются в одинаковом социально-правовом статусе свободных людей, при котором с них не взимается брачная пошлина, брак не может быть расторгнут по прихоти сеньора или его фогта, крепостнический посмертный побор отменен. Император Генрих V сделал весьма щедрый жест, но щедрость была за счет вормсского епископа. Возражать открыто императору епископ поостерегся, но, видимо, хартию 1114 года нарушал, и в 1184 году новый император, Фридрих Барбаросса, «разъясняет и подтверждает» эту привилегию горожанам.

В хартии Берна 12 статей регулируют процедуру брака и имущественные права супругов, но главное и здесь можно свести к следующему: никто не может принуждать к супружеству; никто не имеет права его расторгнуть; имущественные и юридические права супругов равны; после смерти одного из супругов второй не платит посмертного побора; после смерти обоих наследство получают дети или ближайшие родственники, и они тоже не платят посмертного побора. То же в хартии Вены и в других.

Свобода браков, закрепленная законом, серьезно урезала сеньориальный произвол: феодалов заставили считаться с интересами горожан и в этой сфере.

Прежде чем стать горожанином, заняться каким-либо промыслом, в городе надо было поселиться, получить на это разрешение сеньора и найти в нем жилье, а это было далеко не просто. Подаром в тех случаях, когда сеньор был особенно заинтересован в быстром росте города, он начинал с того, что, идя навстречу городским требованиям, жаловал под застройку земельные участки, освобождая новопоселенцев от уплаты за них «во веки веков» (Стендаль, Хагенау) или на определенный срок (Дибург — «пока не будут завершены городские укрепления»), или устанавливая строго фиксированный денежный платеж, как правило, относительно невысокий: во Фрейбурге он составлял 1 солид, в Берне — 12 денариев (то есть тоже солид), в Хамме — 4 денария, в Дибурге — 6 денариев и т. д.

Хартии некоторых городов содержат данные о том, что многие горожане, особенно недавно осевшие в городе, брали в держание

не усадьбу, не участок под застройку, а только дом или даже часть дома (Страсбург, Кельн). Совершенно очевидно, что возведение дома было далеко не всем по карману. В то же время обладание собственным домом во многих городах было непременно и главным условием для того, чтобы стать полноправным членом городской общины. Во Фрейбурге, по праву 1200 года, если человек покупал двор, он не считался горожанином, пока не застраивал его. В Госларе в качестве свидетелей можно было привлекать лишь тех, кто имел собственный дом.

Денежный налог с дворов, усадеб и домов составлял немалую часть сеньориальных доходов, хотя, конечно же, уступал по размерам доходу от торговли. В этом отношении интересные сведения дает право города Аугсбурга 1156 года: епископ получал год 6 талантов от торговой пошлины и 4 таланта — со всех дворов. Торговая пошлина весомее, но и 4 таланта — немало! Тем более, что с притоком новых жителей число домов росло. В глазах сеньора дом был своеобразным имущественным обеспечением горожанина, когда, совершив провинность, тот должен был внести в казну сеньора штраф.

Горожане были крайне заинтересованы обратить дома и приусадебные участки в свободную собственность, не обремененную никакими поборами в пользу сеньора, — иными словами, распространить на недвижимость те отношения собственности, которые уже сложились в ремесле и торговле. Как правило, это им удалось позже, к концу XIII века, но тенденция эта проступает уже ранних хартиях, ибо во многих из них зафиксировано появление свободного городского держания, то есть держания за относительно невысокую денежную плату, не влекущую за собой никаких форм личной зависимости (Фрейбург, Гослар, Берн, Зёст и др.).

Когда со временем городу удавалось освободиться от власти сеньора и отобрать у него большую часть городской территории, обладание собственным домом и тогда зачастую оставалось главным условием приобретения полноправия в городе: городской патрициат, сложившийся к тому времени и прибравший к рукам городской совет, был заинтересован иметь в составе городской общины возможно больше зажиточных домовладельцев — штрафов и конфискации теперь шли в городскую казну, а распоряжался патрицианский совет. Недаром третья редакция фрейбургского права установила: «Горожанином является тот, кто имеет в городе свободную собственность, не обремененную повинностями в одну марку». «Свободная собственность, не обремененная повинностью», то есть, не держание, не бенефиций по феодальному праву, а недвижимость (скот, утварь или ткацкий станок повинностями не облагались), свободная от всяких пут. Такая собственность редко бывала по плечу рядовому ремесленнику

ти мелочному торговцу, обычно ею обладали купцы или предводители ремесленной цеховой верхушки.

Помимо дома и усадьбы, горожане были кровно заинтересованы иметь право пользоваться угодьями, им были необходимы во-лосы, пастбища, луга, леса. Ведь товарное производство в городах только становилось на ноги, в деревне преобладало натуральное хозяйство, подвоз продовольствия и сырья долгое время был нерегулярным, и горожане нуждались в подсобном хозяйстве: держали скот, разводили птицу, возделывали огороды, сады, виноградники. Это подсобное хозяйство часто принимало товарный характер. Так, Древнейшее право Страсбурга разрешает торговать без уплаты торгового сбора капустой, репой, прочим, что горожане «вырастили своим трудом» и продали на сумму, не превышающую 5 солидов — речь явно идет о мелкой торговле. Кроме того, горожанам был нужен строительный материал, дрова. Альтменда редко доставалась городу бесплатно, например, Фридрих II уступил городу Берну обширный лес без всякой платы, помимо, рассчитывая на поддержку города в очередной политической интриге. Обычно же за альтмendu приходилось платить, и юмилло (Хагенау, Страсбург, Дибург и др.), и только победа городской общины в долгой борьбе с сеньором освобождала ее от этого платежа. Так, Страсбург получил право бесплатного использования альтменды только после победы в войне с епископом в 1263 году.

Значительную часть хартии любого города занимают статьи, посвященные суду. Это не удивительно: в руках сеньора суд был инструментом власти и извлечения доходов, и естественно, что город был крайне заинтересован вырвать это орудие из рук феодала. Кроме того, городу с его активной деловой жизнью, неведомой натурально-хозяйственному поместью, с постоянно действующим рынком, кредитными и залоговыми операциями очень был нужен суд, отличный от поместного, — более гибкий и скорый, более гласный и справедливый, с иной формой судопроизводства, более рациональной, чем ордалия или судебный поединок. А для этого в суде должны были заседать и судить свои же горожане, а не сеньор и его чиновники.

Хартии и некоторые предшествующие им грамоты позволяют выявить, как непросто складывался городской суд, как первоначально в сеньориальном аппарате появились чиновники, для обслуживания новых, специфически городских потребностей — пультгейс, префект, бургграф и т. д., и каждый из них так или иначе кормился за счет горожан. Не случайно с 1156 года епископ Лувенского «по просьбе министриалов, горожан и всего народа» обязывался назначать только одного префекта. Оговаривались условия назначения или избрания судей. Важным завоеванием

горожан становилось право участвовать в выборе и других должностных лиц.

Еще в пору безраздельного сеньориального господства, когда все судьи назначались самим сеньором, горожане добились крайне важного для них правила: суд над ними мог производиться только в их городе, никакая тяжба не могла быть перенесена куда-либо, в том числе и в курию сеньора, если она располагалась за пределами города. Даже если в тяжбе принимал участие сеньор, он не имел права вызывать горожанина в чужой, негородской суд (см. хартии Страсбурга, Фрейбурга, Гослара, Медебаха, Мюнстера, Липпштадта). Смысл этой привилегии прост и ясен: добиться справедливости в сеньориальном суде горожанину (зачастую вчерашнему крестьянину, беглому серву) было в любом случае трудно, в чужой же курии вне города (или в курии бывшего сеньора, из поместья которого этот горожанин убежал) это было вообще невозможно. Да и временем своим ремесленник и купец дорожили.

Важно проследить, как постепенно усиливалось влияние горожан в суде по мере укрепления их экономических и социальных позиций. Сеньор все еще своей властью назначает судей, но по согласию «всего народа города». Или судьями могут быть люди настолько уважаемые в городе, чтобы горожане «не утрачивали своей чести», представая перед ними в суде (Страсбург). Ведь в судах заседали министерялы епископа, именно перед ними горожане (особенно купцы) не хотели ронять свое достоинство. Достоинство горожанина тоже имело явно антисеньориальную окраску! Затем горожане добились права быть избранными в число судей наряду с министерялами. Наконец, горожане стали сами избирать судейскую коллегия (коллегия шеффенов, скабинатов и городской совет (коллегия являлась, как правило, частью совета)).

Этот путь характерен, главным образом, для епископских городов, таких как Страсбург, Шпейер, Трир, Кельн, Майнц, Вормс. В городах же, принадлежавших светским феодалам, особенно если эти города не были вотчинными центрами и там не успел сложиться аппарат сеньориального управления, судебные должности раньше попадали в руки горожан. Так, герцог Конрад Церинген, желая укрепить растущий на его земле Фрейбург, уже в 1120 году разрешил купцам самим избирать совет «присяжных рынка», который к середине XII столетия превратился в совет консулов города. Красноречиво замечание сеньора Бернарда д'Линшона в хартии городу Липпштадту от 1194 года: «А поскольку этот новый город был еще слаб жителями и укреплениями, я пожаловал жителям свободное право избирать в судьи честнейших и лучших, кого они пожелают». К тому же смекалисты

шпор Вернард отказался в пользу городского суда от некоторых весьма важных и доходных прав, в том числе от низшей уголовной юрисдикции. Эта привилегия в самом деле должна была привлечь в новый город жителей и способствовать его укреплению, а следовательно, и обогащению сеньора.

Следует только учесть, что и этот процесс вытеснения сеньора городского суда вовсе не был мирным и плавным, он осуществлялся в постоянном противоборстве городской общины и феодала. Феодал мог отобрать уже пожалованную привилегию и разрушить ее. Особенно ярко это противоборство отразилось в Мильном договоре Кельна с его архиепископом от 1258 года, но подобными примерами изобилует история любого средневекового города, и не только в Германии. Каждая хартия была итогом длительной борьбы.

При изучении средневекового города неизбежно возникает проблема социальной структуры его населения. Аспектов у этой проблемы много. Главный из них: кто же они, средневековые горожане, откуда взялось городское население, в чем его экономическая и социальная специфика? Для выяснения этих вопросов хартии городских вольностей дают немало материала. Помимо рассмотренного выше (развитие ремесел и торговли, приток беглого сельского люда из поместий), хартии XII—XIII вв. позволяют также выяснить (пусть не в полной мере) социальный статус цехов и ремесленников, выяснить, как городское право защищало интересы этих групп населения, деятельность которых создала им город и его право. Особенно яркий материал дают две хартии Страсбурга, права Кельна и Фрейбурга, но содержится он и в других хартиях. Затронуты другие вопросы: имущественная и социальная дифференциация в среде горожан и в то же время перемешивание различных элементов и групп в сословие горожан, противостоящее правящим сословиям феодального общества; возникновение патрицианской прослойки в составе горожан, полномочия и неполноправие внутри городской массы и т. д. Для их всестороннего изучения нужно привлекать разнообразные источники помимо городских хартий, ибо хартии в этом отношении скупы, как правило, чем старше, тем скупее. Однако некоторые сведения есть, и порой весьма выразительные.

Почти все хартии, говоря о совокупности городского населения, употребляют словосочетания «как богатые, так и бедные», «как меньшие, так и старшие». Статьи, определяющие порядок назначения или выбора горожан на какую-либо должность, подкрывают: назначать (выбирать) следует «достоинейших», «починейших», «самых уважаемых», причем вся известная практика городской жизни убеждает, что в этих определениях моральный критерий в лучшем случае играет подчиненную роль. Даже сви-

детелем по какому-либо делу может быть только горожанин «имеющий собственный дом», или тот, кто в состоянии сразу же уплатить фогту 5 солидов «на судебные издержки». Так что трудно представить, чтобы судьей или консулом мог стать бедняк, снимающий угол или каморку.

Грамота 1171 года, в которой архиепископ установил новый порядок избрания шеффенов (членов судебной коллегии) в небольшом городке Андернахе, содержит выразительный материал о том, как происходила патрицианизация органов городского управления. Долгие годы, записано в грамоте, шеффены избирались из простолудингов и бедняков, которые попросту боялись выносить правильные приговоры «перед лицом и угрозой силы». «Ущерб не возмещался», преступления оставались безнаказанными. Посему архиепископ распорядился впредь скабинов избирать из «наиболее благоразумных и могущественных» и отстранять тех, кто, «впавши в бедность», будет не в состоянии исполнять эту должность. При этом оговорено, что избранные скабины могут быть задержаны торговыми делами и не явятся в суд. Ясно, что был в конце XII века в Андернахе в числе «благоразумных и могущественных» граждан, — купцы. Видимо, в начале XII века, когда горожане добились права избирать коллег-шеффенов, богатое купечество там еще не сложилось, и шеффенов, естественно, выбирали из ремесленников. В течение XII века город быстро рос и богател; обслуживая местное ремесло и рынок, поднялось купечество и потянулось к власти, прежние демократические формы избрания судебной коллегии ему стали мешать, и вот явно под напором купцов и, несомненно, за немалую мзду епископ изменил систему выборов в их пользу.

Факты имущественного и социального расслоения в средневековом городе содержатся и в других хартиях. Весьма показательна Страсбургская корпорация монетчиков не была замкнутой, приняла в свои ряды любого, но любого — способного уплатить за том половину марки епископу, пять денариев магистру монет и двадцать солидов — в казну корпорации. А в XII—XIII вв. руководящие из этой корпорации занимают почти все судебные и административные должности в городской общине. Второе при Страсбурге (1214 год) пытается ограничить роскошь, которой отличаются некоторые городские семьи; оговаривается количество гостей за свадебными столами и характер подарков, а ведь это было начало XIII века! Яркую картину имущественного и социального неравенства в среде горожан дает право Вены 1221 года. Его статьи отмечают такие категории: «добрый человек и почтенный муж»; «добрый человек, но не почтенный муж»; «человек, чья жизнь оценивается в 50 талантов»; «человек, обладающий пределами городских стен имуществом до 30 фунтов»; «домовла-

иц, который не принадлежит к почтеннейшим и богатым»; «ничтожная персона, например, слуга или жонглер»; «человек зависимый или незначительный». За один и тот же проступок представители этих групп караются по-разному и по-разному возмещается их ущерб. Правда, такое открытое правовое неравенство среди горожан было скорее исключением, чем правилом.

Имущественное и социальное неравенство в среде городского населения возникало неизбежно в условиях мелкотоварного производства, рыночного обмена и постоянного притока сельских иммигрантов, среди которых преобладали бедняки. Но, тем не менее, на первом этапе городского развития, в XII—XIII веках не оно определяло социальную атмосферу в городе — недаром так сложно искать сведения о нем в ранних хартиях. Городская община скорее выглядит единой и сплоченной, когда речь заходит о ее основных экономических, социальных и политических интересах. Необходимость оградить от феодальной эксплуатации и феодального произвола городское товарное производство, городской рынок, обеспечить ремесленнику и купцу личную свободу, свободу распоряжения своим временем и имуществом — именно эта необходимость объединяла, сплачивала горожан. Главным противником, главной опасностью был сеньор, все остальное отступало в тень и обнаруживалось редко. Это единство и позволило горожанам добиться вольностей, зафиксированных в городском праве. Эти вольности и борьба за них носили антисеньориальный характер. Даже там, где в праве провозглашалась полнота власти сеньора, а само право больше напоминало список его доходов (Страсбург, Трир, Аугсбург), получаемых с горожан, даже там можно обнаружить, что власть эта уже не полна, что сеньор стал и наложить систему поместной эксплуатации на непоместное общество и непоместный труд. Дабы извлечь в свою пользу часть городских доходов, он вынужден был считаться с потребностями своего, товарного, хозяйства и с интересами его носителей, самостоятельных, экономически от него не зависимых, ремесленников и торговцев. В этой постоянной борьбе сеньориальных и городских интересов, в борьбе за коммунальные вольности складывалась и видоизменялась сама система сеньориального режима в городе, вынужденного приспособливаться к новой экономической и социальной ситуации. В этой борьбе спланивалось и набирало силу новое сословие феодального общества — бюргерство.

ПРАВО Г. ВОРМСА

ОГРАНИЧЕНИЕ СУДЕБНЫХ ПОБОРОВ С ГОРОДА (29.VII.1014 г.)

Генрих, божьим предопределением римский император, ... Пусть усердие всех признает, как почтенный муж Буркхард, епископ св. Вормсской церкви, под общий плач прелатов и аббатов этой области, обратился к нашему величеству, жалуясь на частую несправедливость и слишком суровый закон, наложенный нашим графами на общину (*familie*) его церкви, с таким требованием, чтобы, если кто из той общины будет схвачен в воровстве или драке, или по иному уголовному делу, будет ли проступок великим или мал, виновный обязан был платить графу 60 солидов. Между тем, в правилах иммунитета (*precepta immunitatis*), которыми христианнейший король франков Дагоберт впервые подарил богу и святым его апостолам Петру и Павлу, записано, как сам Дагоберт установил, что никакой граф не имеет власти над той церковной общиной в судебных делах.

Согласившись с этой просьбой, мы постановили, чтобы это право нашей области (*hoc nostri culminis preceptum*) принадлежало этой церкви, для чего мы предписываем, чтобы названный епископ Буркхард и его преемники, как учреждено и подтверждено вышеназванными королями и императорами, спокойно распоряжались бы всеми делами (*omnem rem sue ecclesie quiete possideant*), и после этого наши графы не осмеливались бы причинять никакого ущерба или несправедливости общине этой церкви.

Далее, мы учредили такое имперское правило, что если затем кто-нибудь из общины вормсской церкви учинит воровство, драку или иное преступление на территории этой общины, пусть он будет передан в руки епископа в присутствии его фогта (*suo advocato*). Если же кто затеет ссору с чужаком вне территории общины, пусть фогт передаст его правосудию графа. А если причинит ущерб какому-либо свободному человеку (*libero homini*

и затеет драку с тем, или ограбит кого-либо вне общины (*extramilliam*), пусть форт судит его подобным же образом. Если же украдет что-либо внутри ограда (*infra septa*), пусть вернет что унес, или возместит ущерб и сверх того уплатит 5 солидов графа; если же вне ограда, опять-таки возместит то, что унес, сверх того уплатит 1 унцию, но штраф уплатит не более, чем 5 солидов.

Графы же пусть не имеют никакой власти над общиной назинной церкви, и кто-нибудь в ней может быть уличен в воровстве только в законном судебном заседании (*in legali placito*) судом алибинов и присягой свободных людей. А если будет явно застигнут в воровстве, пусть пребывает в узилище графа, пока не будет законно рассужден в своем судебном собрании судом скапнов.

Те же 60 солидов, каковые доселе взимались по несправедливому и перазумному закону, мы запретили полностью, разве что в интересах горожан...

ИЗ УСТАНОВЛЕНИЙ ЕПИСКОПА БУРКХАРДА (XII.1023 — VIII.1025 гг.)

20. Если кто в городе Вормсе будет уличен в драке, пусть будет оштрафован на 60 солидов; если же в драке будет убит в городе кто-либо из вормсской церковной общины (*infra familiam*), тот, кто учинил драку, пусть выложит своему суду второе драку, несправедливо учиненную, епископу уплатит побор алибинов, форту отдаст 20 солидов или пусть будет высечен и грижен (*cutem et capillos amitat*).

20. Закон горожанам (*lex erit concivibus*): если кто в городе не имеет наследственное земельное владение (*hereditalem censum*), оно не может быть отсужено (*diiudicari non poterit*) епископу (*ad manus episcopi*); разве что он в течение трех лет платит чинш (*censum*) и его прочее правосудие (*iusticiam*); после этих трех лет пусть он будет вызван на три законных судебных заседания (*ad tria legitima placita*), и если захочет полностью вернуть свое верховное право (*si supersessum ius plenter condage*), пусть тот (*ipse*) владеет им, как прежде; а если простет дом в городе, пусть утратит участок (*ageam*).

27. И будет закон: если кто в городе кого-либо так ударит, что упадет на землю, пусть уплатит суду епископа (*ad bannum*) 60 солидов; если же кого-либо ударит кулаком или легкой плетью, что называется *bluathram*, и не свалит на землю, уплатит только 5 солидов.

28. Будет закон: если кто в городе обнажит свой меч, чтобы

поразить кого-либо, или натянет лук и положит стрелу на тети или выставит для удара копье, уплатит 60 солидов.

29. Будет закон: если епископ захочет привлечь к выполнению сервилльных служб (*ad servitium*) человека королевского фиска (*fiscalis hominum*), то чтобы он не смел принуждать его к какой-либо службе, за исключением службы казначея (*camerarium*) или виночерпия (*pinernam*), или стольника (*infertorem*) или конюшего (*agasonem*), или министеряла. А если такую службу он не захочет нести, пусть уплатит в качестве побор за пользу королевской власти (*ad regale servitium*) 4 денария и 6 денариев военного сбора (*ad expeditionem*); пусть посещает три законных судебных собрания (*tria iniussa placita*) в год и сам, кому пожелает.

30. Также в общине св. Петра (т. е. в городе Вормсе) постоянно совершаются зверским образом человекоубийства (*perge belnino*), так как часто из-за ничего (*pro nichilo*) или во хмеле (*pro ebrietatem*), или из-за гордыни (*superbiam*) в безрассудном гневе один другого так отделает, что в результате в течение одного года были убиты без вины (*sine culpa*) тридцать пять серв св. Петра, и эти убитые заслуживали большей похвалы, чем какой-либо из раскаявшихся убийц; поэтому мы решили, чтобы сей великий ущерб нашей церкви советом наших верных был бы исправлен: если кто из общины убьет своего соотечественника (*consolium suum*) без нужды, то есть без такой необходимости, что тот его самого захочет убить, или станет защищать свое имущество от разбойника (*latro*), но если убьет без выше названных обстоятельств, то мы постановили: пусть будет бичом острижен, и обе его челюсти пусть будут прожжены железом (*comburetur ferro*) за содеянное, и пусть уплатит вергельд (*wergeldum*) и ближайшим родственникам убитого предложит мир по обычаю, и родственники обязаны это предложение принять. И далее, если родственники убитого захотят покарать родственника убийцы, пусть те родственники очистят себя клятвой от обвинения, если смогут, и пусть имеют вечный и крепкий мир с родственниками убитого. Если же родные убитого задумают преступить это постановление и станут преследовать кого-либо из родных убийцы, но ничего не причинят ему, а будут только устраивать козни (*insidiantur*), пусть будут биты и острижены, но без ожогов. Если же они кого-либо из тех убьют или ранят, пусть будут бичом острижены и подвергнуты выше названному ожогу. Если же убийца убьет и не может быть схвачен, все, что он имел, пусть отдано казне (*ad fiscum redigatur*), а родственники его, если они виновны, пусть живут с миром. Если же человекоубийца не жив, но пожелает доказать свою невиновность родным убийцы через поединок и победит, пусть уплатит вергельд и заклю

ир с родными убитого. Если же никто из родных убитого не захочет биться с убийцей, пусть тот очистит себя кипящей водой в присутствии епископа, уплатит вергельд, и заключит мир с родственниками, а те обязаны мир принять. Если же из-за боязни ред этим установлением они уйдут в другую общину (*ad alienam villam*) и станут подстрекать ее против своих сограждан, и если не найдется никого, кто бы принял вызов на поединок против одного из тех, пусть они очистят себя в присутствии епископа только кипящей водой, и тот, кто будет уличен таким образом, пусть будет наказан, как записано выше.

Если же кто из общины убьет кого-либо в городе из этой же общины без необходимости, пусть будет высечен и острижен, и подвергнется обжиганию вышесказанным образом, и уплатит судебный штраф (*bannum persolvat*), и вергельд отдаст, и предложит мир родственникам убитого, а те обязаны согласиться на мир. Если же подобным образом поступит кто-либо из чужой общины на земле св. Петра, то есть убьет кого-либо из нашей общины без вышеозначенной необходимости, пусть или будет наказан, как выше сказано, или будет передан нашей земле (*postum terram perdat*) и тогда будет иметь защиту (*insidias*) общины форта (*advocati*). Если же подобным образом дерзнет совершить наш слуга с нашего двора (*noster servitor, qui in nostra vite est*), или наш министернал (*noster ministerialis*), мы же хотим, чтобы это подлежало нашей власти, и он будет наказан в присутствии с виной советом наших верных (*consilio nostrorum bellum*).

УЧРЕЖДЕНИЕ ЦЕХА РЫБОТОРГОВЦЕВ

(1106 или 1107 гг., июль)

Для будет известно... что Адальберт, достопочтенный епископ Вормсской церкви, по просьбе графа Вернера и по совету и уговору других его знатных утвердил 23 рыботорговца, а именно: Сириха, Зетвина, Затмара, Генриха, Этмана, Дитмара, Зигфрида, Людвина, Готшалка, Вольфрама, Ульриха, Гунтера, Вонпепина, Лютфрида, Герхарда, Люзо, Бертольда, Люзо, Бернхельма, Рутхита, Рутхарда, Хильдебранта, Готшалка. И эту привилегию им пожаловали с таким условием: если кто из них будет сражен смертью, его должность (*officio suo*) наследует его ближайший родственник по обычаю наследования (*hereditario more*); если же и наследник умрет, замещение должности (*restitutio numeri*) будет совершаться с общего согласия горожан (*urbanorum*). Сей епископ далее установил по совету тех же мужей, что если кто дерзнет приобрести рыбу для продажи в деревнях (*inter villas*) Ислинхайм и Альтдрупен и в самый момент купли будет пойман

вышеназванными рыботорговцами, пусть рыба у него будет оубрапа и поровну разделена между горожанами (inter urbano) тот же, кто был пойман на этой покупке, пусть будет опозор перед судьями (prostituatur ante iudices) и отдаст суду (iudici) 3 таланта: 2 главе (presuli) суда, третий — графу, котори они назначены. Сами же те, которые поймали, не имеют пра продавать, но вышеназванным двадцати трем рыботорговца торговать не запрещается. Поэтому для подтверждения этого дла, дабы оно не могло быть разрушено намеренно или вследствие раздора, уже названный епископ своей властью (bap suo) установил, чтобы оные двадцать три рыботорговца во вреи Rogationum всегда представляли трех лососей: два — главе су (presuli), гетьего графу, — и этим платежом (tali oblation) каждый год подтверждали свою привилегию.

ПРИВИЛЕГИИ ГЕНРИХА V. (30.XI.1114 г.)

*ГЕНРИХ V БЕРЕТ ПОД ЗАЩИТУ БРАКИ КРЕПОСТНЫХ ГОРОЖАН,
ЗАПРЕЩАЕТ ПОСМЕРТНЫЙ ПОВОР
И УЛУЧШАЕТ ПОЛОЖЕНИЕ СБОРЩИКОВ ПОШЛИНЫ С КОРАБЛЕЙ*

Генрих, божьим благоволением римский император. Поскольку мои предшественники, короли и императоры, сообразно с императорской властью и достоинством, часто одаривали особой почестью (speciali honore) перед прочими города и народы (urbes et populos), которые особо возлюбили, пожелали и мы такой же властью известить всех князей нашей империи, что мы дарова привилегию честным горожанам (honoris concivibus) города Ворса. А именно, на их горестный вопль и жалобы на бесконечны извращения, каковым они подвергались в своих браках (insup concubiis suis), мы, по их просьбе и с согласия моих князей, рсудили так, чтобы отныне они не имели повода жаловаться этой причине. Ибо мы пожелали, установили, приказали (volumus statuimus, iubemus), что кто бы и откуда бы ни был муж, который взял жену из своего ли сообщества или из другой общины (de consorcio suo sive de alia familia), или женатый пришед сюда из какого-либо иного места, пусть имеют здесь одно и то же правосудие (iuram eandemque iusticiam) в равной степени во все навечно, чтобы никакой форт (advocatus) не мог расторгнуть брак, взимая деньги за присягу (iuramenti coactione — брачны пошлину).

Или никакая власть, большая или малая, в случае смерти мужа или жены пусть не взыскивает что-либо из оставшегося имущества (de rebus relictis) по какому-либо праву взимания, но, как и определили в нижеследующем, это имущество пусть остается

путым. А именно, если муж умрет раньше жены, пусть сама ни с ее детьми, которых она имеет от этого мужа, без всяких препятствий владеет всем, что бы ни оставил муж. И тот же закон для жены: если она умрет первой, имущество отойдет к мужу. Если же они оба умрут без потомства, пусть оставшееся имущество получают ближайшие родственники (*proximi heredes*). И, как сказано выше, пусть ни фогт какой-либо, ни иная персона не имеет козни по поводу этого имущества.

А также, согласно нашему праву, я вознаградил сих наших должников привилегией, а именно тем, что ни один из магистров города (а *magistris urbis*) не должен устанавливать какой-либо налог с кораблей сверх торговой пошлины (*super theloneum*). Но чтобы в дальнейшем не умалялась служба, нами установленная (*illud nobis constitutum*), когда каждый не осмеливался бы принимать эту должность (*hoc officium*) из боязни убытка, мы считали этой должности для восполнения установленную торговую пошлину с черных и грубых шерстяных тканей (*de nigris et raris lanceis pannis*); размер этой торговой пошлины установлен половиною денария от каждого куска ткани...

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЦЕРКОВНЫХ МИНИСТЕРИАЛОВ ОТ УПЛАТЫ ГОРОДСКОГО НАЛОГА В ПОЛЬЗУ ИМПЕРСКОЙ КАЗНЫ (31.V.1182 г.)

Фридрих, божьим благоволением римский император... Мы постановили, чтобы стало известным, что каноники Вормсской церкви, обратившись к нашему величеству, передали нам свою жалобу на то, что горожане Вормса (*civis Wormacienses*) несправедливо беспокоят министриалов своей церкви (*ministros sue ecclesie*) жестоко принуждают их к уплате сборов с их имущества (*ad vendam de suo peculio collectas*), которые взимаются в городе Вормсе. Поэтому, когда, собравшись в Майнцской курии, в присутствии как каноников, так и горожан Вормса, мы приняли решение по поводу этой жалобы, наш приговор был таков: все слуги церкви должны быть свободны от взимания подобного рода, и болны (*imptines*) именно те, кто прислуживают братьям и всем каждый день собственной персоной, но не производят товаров и мастерской, не занимаются торговлей на рынках и не снимаются от наших поборов под предлогом обслуживания церкви (*nec pro subterfugio nostre collectae obsequio fratrum se libent*). Мы также освободили нашей императорской властью и слуг Вормсской церкви подобного рода, которые не являются частными и публичными торговцами (*certi et publici mercatores sunt*), от всех почтовых и гужевых повинностей (*ab omnibus*

angariis et parangariis), от взиманий и сборов (ab exactioni et collectis), дабы они могли свободно и преданно служить церкви и братьям...

**ФРИДРИХ I ПОДТВЕРЖДАЕТ И РАЗЪЯСНЯЕТ
ПРИВИЛЕГИЮ ГЕНРИХА V
ОТ 30.XI.1114 г. (3.1.1184 г.)**

Фридрих, божьим благоволением римский император... Так до нашего сведения было доведено установление (constitutio) разумно предоставленное горожанам Вормса Генрихом V, славной памяти римским императором Августом, то мы, желая сохранить то, что сей император, от которого мы ведем свой род, хвальным образом установил и укрепил своей привилегией ради любви к горожанам Вормса, подтверждаем для наших верных горожан Вормса по договоренности и с согласия нашего с Генриха, короля римлян, Августа, по совету князей и по совету верного нашего Конрада, епископа Вормса, Титора, старшего стоятеля, Леопольда, надзирателя (custodis), по благоусмотрению управляющего Буркхарда и прочих, которые, как очевидно, имеют право и власть (ius et potestatem) над горожанами, и устанавливаем: любой горожанин Вормса и живущий в этом городе если возьмет жену своего или иного социального статуса, придет сюда откуда-либо женатым, пусть вечно пользуется ее милостью, чтобы никакой форт не мог расторгнуть брак как бы то ни было горожанина Вормса насильем или измышлением, какого-либо иного рода. Никакая власть, большая или малая, после смерти мужа или жены пусть не взыскивает в свою пользу по какому-либо праву оставшееся имущество или что-либо вещей. Если же муж умрет раньше жены, все наследство мужа как движимое, так и недвижимое (tam mobilia quam immobilia) без препятствий пусть получит жена и ее потомство от этого мужа. Подобным же образом, если первой умрет жена, все имущество умершей супруги пусть получит муж и его потомство от этой жены. Если же один из супругов умрет без наследника, пусть оставшийся в живых свободно владеет всем наследием умершего пока будет жив; если же оба супруга умрут без потомства, их имущество пусть перейдет к ближайшим наследникам: наследие мужа — к наследникам мужа, наследие жены — к наследникам жены, так что никто не мог бы предъявлять какое-либо право на имущество умерших по обычаю раздела, что в просторечии называется *buteil*.

Также желая вознаградить верность и благочестие сих горожан Вормса и ради их покорности, мы милостиво разрешили

ней имперской властью, чтобы они милостью древней привилегии были свободны от побора по праву, которое называется *exactione optimi animalis sive preciosioris vestimenti*), который просторечье называется *houbitrecht*, впредь были освобождены.

Подобным же образом, мы милостиво заверяем, что никто из нас не будет принуждаем магистрами города к уплате с корабельных товаров торговой пошлины. А чтобы служба по сбору торговой пошлины, установленная нами или епископом Вормса, не умалялась из-за того, что все отказываются эту должность исполнять, одобряем и подтверждаем данное для восполнения этой должности право сбора торговой пошлины с грубых и черных рясных тканей; размеры этой пошлины установлены в половину денария с каждого куска ткани...

ИЗБРАНИЕ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ (1190 г.)

В привилегии Генриха VI, данной в 1190 г. в Гейленахаузене, перечислены обязанности должностных лиц того времени: «Те, кого в просторечии называем хеймбюргерами (*heimburgeri*) должны согласно божьему закону, присягнуть, что они будут блюсти по справедливости меру (*iustam mensuram*) для купли и продажи, каждый в своем округе (*parrochia*) того города, и никто из них не дерзнет давать настоятелю (*preposito*) или архипресвитеру хоть скольконибудь масла (*olei*), денег (*denarionum*) или иных вещей (*re*). Пусть пекари (*pannifices*) ежегодно назначают двух старост (pidellos), и бюргеры (*burgensis*) пусть только ими избираются, и никакому иному надсмотрщику. Мы пожелали также, чтобы ежегодно в праздник св. Мартина горожане с песнями собирались большой толпой (*maiori catropa*) возле нашего города (*curiam*) и там с общего согласия заново избирали подходящую персону на должность управляющего, которая будет утверждена нами и нашими преемниками; затем пусть будут избраны двое слуг (*ministri*), в просторечии называемые альтманы, один из которых пусть даст 6 фунтов (*libras*); из них 2 фунта причитает епископ, остальные — управляющий. Также пусть будут избраны 16 мужей (*viri*), которые называются хеймбюргеры; пусть каждый из них даст фунт; из этих денег 2 фунта пусть причитает граф (*comes*), 2 — вышеназванные министерялы, остальные 12 — управляющий».

О ДОЛЖНОСТЯХ КАЗНАЧЕЯ,
ШУЛЬТГЕЙСА И ХЕЙМБЮРГЕРОВ;
ОБ ОБРАЩЕНИИ С ПРЕСТУПНИКАМИ;
О ПРИОБРЕТЕНИИ ПРАВА БЮРГЕРА (XIII в)

1. **О должности казначея** (*camerarii*). Казначей Вормса (*Wormatiensis*) имел три судебных собрания (*placita*) на подводе (*super curia*), что называются *dinck*. И каждое судебное собрание следует за другим через 14 дней, что называется *ungebo dinck*. Их сроки (*terminus eorum*) таковы: первые три дня по крещению; первые три дня после пасхальной недели; первые три дня после рождества Иоанна Крестителя. К первому судебному и к последующим эти самые 16 хеймбюргеров должны подготовить во дворе (*in curia*) скамьи для казначея, шультгейса (*sculteto*), судей и скабинов (*iudicibus et scabinis*) выше про скамей. И каждый из них пусть держит в руках посох (*baculi*). И на вопрос господина казначея пусть, принеся присягу, объявят, ничего не выдумывая, то, что произошло на улицах и в переулках (*in vicis et plateis*) вопреки правосудию и во вред городу. Камерарий же обязан это рассудить и вынести в течение пятидневки приговор по решению скабинов (*sententia scabinorum*) каковые высказали обвинение устами тех самых шестнадцати хеймбюргеров. Кроме того, все купленные в городе дворы (*in civitate vendite*), если они обложены чиншем (*sunt censu*) в пользу казны (*camere*), должны быть там получены из казначея, шультгейса и графа (*comite*). Также пусть только казначей имеет право вызывать в суд господина епископа иудеев сам или через своего гонца (*nuntio*). Также пусть казначей хранит под своей защитой (*reservabit in sua custodia*) иудеев, которые были вызваны в суд и не могли иметь поручителей (*fideiussores*) или достаточного обеспечения. А если такоу них будут в наличии, то после завершения суда или примирения с истцом пусть они уплатят казначею 3 вормских шиллинга.

2. **О шультгейсе** и о том, что он должен платить, исполняя свою обязанность (*officio*). Шультгейс Вормса, который избирается и назначается (*eligitur et constituitur*) на год в день св. Маттиа господином епископом и консулами (*a domino episcopo et consulis*) для осуществления правосудия над горожанами и служения господину епископу и платит, получая от него феодал. В окончании года пусть пребывает свободным от всякого груза и заботности на время всей своей жизни (*liber permanebit ab onere officii*). Пусть шультгейс каждый день дает господину епископу кварту лучшего вина, какое будет привезено на продажу. И каждый раз, когда господин епископ переправляется

Рейн вормским бродом, который называется Бургервар, и извест об этом шультгейса, пусть он услужит ему (*ministrabit sibi*) квартирой лучшего вина, которое тогда будут продавать. Также пусть он дает господину епископу каждую неделю в течение года 10 цыплят, которые называются каплунами, за исключением великого поста, во время которого он дает 2 центнера масла. А когда каплунов нет в продаже, он даст вместо каждого каплуна двух молодых хороших цыплят, или по три курицы вместо двух каплунов. В старину также давали вместо каплуна взрослую птицу (*aneta antvogel*). Пусть также шультгейс даст господину епископу 16 вормских фунтов (*libras*) сразу после принятия должности и 30 шиллингов для покупки вина, что называется *weinkauf*. Также он обязан дать деньги (*libras*) многим рыцарям (*militibus*), — как *vicedomino* Вормса и прочим, — сумма которых составляет 88 вормских фунтов, помимо вина, каплунов и прочего. И в день славы трех братьев казначеев (*in die Palmarum tribus fratribus Camerariis*) он должен дать 6 фунтов без пяти шиллингов и половину журавля (*dimidiam gruem*) и полфунта перца. Также сеньорам (*dominis*) Старшей церкви (*Maioris Ecclesie*) в день тайной вечери (*in Cena Domini*) — один фунт на омовение и подаяние (*ad mandatum*) и 5 фунтов оливкового масла для святого (*ad sanctum chrisma*). Так служили в 1259 году.

Также шультгейс получал от своего предшественника 20 вормских фунтов; от горожан (*a civibus*) — 20 фунтов; от должностных лиц (*ab officiatis — ampteman*) — 20 фунтов, от шестнадцати хеймбюргеров — 12 вормских фунтов. Также пусть изготовители сосудов (*extractores vasorum*), которые называются *burned-orede* (*borndregel*), дают ему 7 фунтов и брюхо барашка. Также омовители бочек (*examinatores*), которые называются *icheri* (*tuchreger*), дают ему 1 фунт, и от каждой бочки, которая измеряется (*so geicht wird*) — *hallensem*; кожевники (*cordewenarii, kornder, mitteler*) — 1 фунт и 40 денариев взамен двух наколенников (*osch*); мясники (*fleischhawr*) — 1 фунт; иудеи — 10 шиллингов; хеймбюргеры около ворот св. Мартина — 8 унций. Должно также платить шультгейсу от каждого двора (*cugia*), который продается и покупается казначеем, 1 золотой денарий (*aureus denarius*) или 5 вормских шиллингов. Также каждый из горожан, омовящий масло для продажи, пусть платит 1 фунт.

А О хеймбюргерах (*de heimbürgis*). В праздник св. Мартина пусть надзиратель города (*pedellus civitates*) называет с возвышения (*in stega*) шестнадцать мужей, которые называются хеймбюргерами (*heimbürger*), каковых он сам избирает и назначает (*eligit et constituit*) в четырех приходах (*in quatuor parrochiis*). И пусть эти шестнадцать принесут присягу в присутствии магистров горожан в том, что в течение этого года они будут у всех вся-

кую меру (*mensuras qualescunque*) требовать, взвешивать и рас суживать, фальшивые уничтожать без обмана, не руководствуясь ни дружбой, ни враждой. И что они всегда будут готовы явиться в курию по звону колокола. И что, когда их вызовет казначей они осудят тех, кого признают виновными.

4. О карающем суде, издревле существующем в городе Вормсе (*de iudicio condempnatorum antiquitus in urbe Wormatiensi*).

Да будет известно, что за пределами курии господина епископа, а именно от монастыря (а *Monasterio*) до капеллы св. Стефана и, таким образом, вне построенных на подворье домов, каждый может обращаться к светским судьям города (*iudices seculares civitatis*) везде, вплоть до ворот курии (*usque ad hovedor*) по поводу злоумышленника, правонарушителя или должника. Если таковые окажутся, они должны быть переданы судьями под охрану шультгейса, согласно форме договора (*secundum formam conventiones*). Все злоумышленники (*malefactores*), захваченные впервые (*in primo mane*), если день не будет праздничным, пусть будут приведены в курию, и там в соответствии с проступком будут приговорены к наказанию консулами и судьями или скабيني́ми (а *consulibus et iudicibus sive scabinis*), и когда это будет сделано, пусть трижды ударят в колокол, чтобы созвать народ. Тогда надзиратель горожан (*pedellus civium*), поднявшись на мост (*slegam*) для наказания или казни (*ad penam sive ad mortem*), в присутствии всего народа (*omni populo*) осуществляя приговор согласно решению суда. Затем немедленно шультгейс снова вернувшись к месту казни, пусть уведет наказанного и передаст его или их графу, который либо добавит сверх того судебного приговора, либо немедленно завершит дело. Если это будет вор (*fur*), то, когда его приведут к воротам курии, которые называются *hovedor*, тот, кто имеет от господина епископа право которое называется *puntzoll*, надевает на шею вора веревку. Место же судейской казни (*loca supplicii iudicialis*) таковы: в ров — на виселицу (*in patibulo*); человекоубийц колесовать на Майнцской дороге (*in strata Moguntinensi*) по ту сторону внешнего вала; отсечение головы производится за воротами св. Андрея *Asgraben*, вблизи стены иудеев. Женщин, которые убили своих мужей, сжигают на дороге, где сходятся пути, ведущие на Иффельбаххайма и Хохейма. Отсечение рук производится в воротах св. Мартина. Прожжение челюстей (*exustio maxillarum*) наказание голеней и кожи (*pena crurum et cutis*), которое называется *schetz umb willer*, в воротах св. Андрея. Если какой-либо злодей (*malefactor*) будет обнаружен в городе в чьем-либо доме граф города (*comes civitatis*) может его изъять и вывести из его дома, за исключением домов и дворов клириков, министров, монетчиков и сообщества скорняков (*wiltwerker husgenos*

Но из домов министерялов преступника забирает казначей, из домов монетчиков — магистр, и только их магистр (*magister monum*), из обиталищ (*de mansionibus*) сообщества скорняков — их магистр. И затем они передаются судьям.

Каждый год в день св. Мартина назначаются судьи города, а именно шультгейс, граф и два должностных лица (*duo officarii*), и просторечье называемые *ammelman*.

Далес, в течение этого времени (*hoc tempore*) никто не будет принят в число горожан (*in numerum civium*), если он по чести не пообещает, что в течение года купит в городе Вормсе дом (*domum*) или иное имущество (*aliam hereditatem*) стоимостью в 10 фунтов. Принятый в число горожан должен дать епископу квартиру лучшего вина, выставленного на продажу, каждому из консулов — половину квартиры, нотариусу (*notario*) горожан — половину квартиры.

ПРАВО Г. ШПЕЙЕРА

ПРИВИЛЕГИЯ, ДАННАЯ ГЕНРИХОМ V (14.VIII.1111 г.)

и) Мы пожелали оповестить всех наших верных Христу, как ныне живущих, так и будущих, что по совету и просьбе наших князей, а именно Фридриха, архиепископа Кельнского; Бруно, архиепископа Трирского; Бруно, епископа Шпейерского; Куно, епископа Страсбургского; Удальрика, епископа Констанцкого; Оттона, епископа Бабенбергского; Бурхарда, епископа Мюнстерского; Германа, епископа Аугсбургского; герцога Фридриха; графов Готфрида фон Кальвен, Фридриха фон Цолора, Хартмана фон Дилинга, Бернхарда фон Зульбаха, Герхарда фон Гельра; Генриха, Додона, Стеффана, Герунга, Вальтера, — на помин души нашего дорогого отца, блаженной памяти императора Генриха, в самый день его похорон, мы освободили всех, кто ныне живет в городе (*in civitate*) Шпейере и кто впоследствии захочет жить в нем, откуда бы они ни пришли и какого бы состояния (*cuiuscumque conditionis*) они были, от побора (*a lege*) наихудшего и непосильного, а именно от той его части, которая в просторечье называется *budeil*, на которую весь город (*tota civitas*) находится под угрозой крайней бедности. Мы приказали, чтобы никакая персона, великая или малая, ни фогт (*advocatus*), ни их личный сеньор (*naturalis dominus*) не смели отнимать после их смерти хоть что-нибудь из их имущества, хотя бы домашнюю утварь (*suppelectilem*).

И мы согласились и утвердили, чтобы они имели свободную власть (*liberam potestatem*) оставлять свое имущество своим наследникам или отдавать на помин души своей, или кому-либо дарить, если захотят, — с согласия самого епископа Бруно, занимающего епископскую кафедру; однако с тем условием, чтобы ежегодно в день поминовения нашего отца все они торжественно сходились ко всеошной и к мессе, чтобы несли в руках свечи и старались давать от каждого дома один хлеб для раздачи милостыни. И дабы наша уступка и утверждение (*concessio et confirmatio*) оставались вечно незабываемыми и непоколебимыми, и чтобы никто не дерзнул бы нарушить их — ни император или король, ни епископ или граф, или какая-либо иная власть (*potestas*), большая или малая, — пусть сохраняется этот непреходящий знак отличия, как вечная память об особой привилегии, пусть он будет записан золотыми буквами, упрочен нашим изображением и пусть хранится в этом самом храме для укрепления дела наших горожан.

б) Так как, сверх того, движимые благочестием, мы обещали постоянно возвышать этот город, по сравнению с прочими городами, ради славной памяти наших предков и в награду за верность его горожан (*ob fidem civium ipsius*), то, по совету наших князей, мы постановили укрепить его права (*iura*) императорским авторитетом. Мы установили, что наши горожане свободны от всякой торговой пошлины (*liberos ab omni theloneo*), какая до сих пор должна была взиматься в городе; побор, в просторечье именуемый — *banfennich*, с тех, кого прозвали *scozfennich*, а также перец (*pipec*), который взимается с кораблей (*de navibus*), мы отныне отменяем. Пожелали мы также, чтобы никто из наших горожан не должен был обращаться в суд фогта вне города. Ни какой чиновник или слуга какого-либо сеньора (*nullus prefectus aut alicuius domini nuncius*) пусть не смеет для обслуживания своего сеньора забирать в городе у пекарей, или у мясников, или у людей иного рода какую-либо утварь (*supplectilem*) против их желания. Мы пожелали также, чтобы ничего не взималось с тех, кто провозит собственное имущество (*res proprias*) на собственных или арендованных кораблях (*propriis seu conductis navibus*). Никакой чиновник пусть не смеет продавать вино, которое называется *banwin*, или захватывать корабль какого-либо горожанина против его воли для нужд своего сеньора (*ad opus sui domini*). Также пусть никакая власть не портит монету, делая ее ради какой-либо выгоды легче и хуже, разве что изменит ее по общему решению горожан (*communi civium consilio*). Также во всей епархии или в таможенных пунктах (*in locis fiscalibus*), служащих исключительно в пользу империи, пусть никто не вымогает (*nullus extorqueat*) у них торговой пошлины. Если кто в

чение года и дня будет владеть (*possederit*) домом или двором (*domum aut curtem*) без чьего-либо возражения, после этого срока никто никому не отвечает (не платит? — *nulli respondeat*) по этому поводу. Пусть епископ или иная власть не заставляет рассматривать вне города (*extra civitatem*) судебное дело (*causam*), возведенное в городе.

ФРИДРИХ I ПОДТВЕРЖДАЕТ ПРИВИЛЕГИЮ ГЕНРИХА V (27.V.1182 г.)

Фридрих, божьей милостью император... Да будет ведомо..., привилегию предшественника нашего, императора Генриха V, которую он пожаловал городу Шпейеру на помин души своего отца, нашего прадеда, императора Генриха, в день его погребения, записанную золотыми буквами на фасаде собора (*in fronte Maioris Templi*), изложенную ясно и неизменно блистательную, мы возобновляем и укрепляем, и дабы это право привилегии навсегда было избавлено от всякой двусмысленности, мы постановили это в присутствии многих князей в качестве нерушимого закона. А именно, в той привилегии предшествующий император побудил всех жителей города Шпейера (*omnes Spirensis civitatis inhabitatores*), откуда бы они ни пришли и какого-бы статуса и были (*cuiuscunque conditionis fuerint*), и их наследников от свободного и сквернейшего побора, который в просторечье назывался *buthail*, и окончательно запретил, чтобы какая бы то ни была причина, великая или малая, ни фогт (*advocatus*), ни их личный двор не осмелился получать с них после их смерти какое-либо имущество, и накрепко установил, чтобы все они имели свободную власть (*liberam potestatem habeant*) оставлять свое добро наследникам, или отдавать на помин своей души, или дарить, кому пожелают. Так и мы пожелали, чтобы они непрестанно радовались (*gaudere*) той же свободе от всех вышеупомянутых поборов, приобретая новую привилегию нашего величества. Однако течением времени случилось так, что Ульрих, достопочтенный епископ этого города, поставил под сомнение (*questionem movit*) некоторые слова вышеназванной привилегии, устранив из них то, что в некоторых местах (*in quibusdam locis*) называется в просторечье *houbetrecht*, а в названной привилегии записано под названием *buthail*, и имущество горожан по этому праву не было освобождено от побора. Поскольку в действительности именно нам принадлежит право как учреждать законы, так и милостиво толковать те, которые вызывают сомнение, то мы истолковываем названную привилегию, — и даже с публичного согласия самого епископа, пересмотревшего их [т. е. горожан] свободу (*libertatem cum recognoscentis*), — таким образом постановляя, чтобы в

ней было совершенно изъято положение о том праве, которое и
зывается *houbetrecht*; пусть никогда какая бы то ни было персо
не осмелится тревожить их [горожан] по этому поводу ни в
роде, ни вне его. Далее мы, следуя во всем за привилегией у
мянутого императора Генриха, нашего предшественника, пос
появляем, чтобы эти горожане были свободны (*liberos*) от вся
торговой пошлины (*ab omni theloneo*), каковая должна упла
ваться в городе, и от денежного платежа, который в простореч
называется *bamphenning*, и от уплаты того, что называется *sc
phenninge*, и объявляем их избавленными от уплаты побора п
цем, который по обыкновению взимается с кораблей. Мы по
лали также, чтобы никто из здешних горожан не принужда
обращаться в судебное собрание (*ambitum placitum*) своего ф
вне города. Мы также пожелали, чтобы никто из наших горож
не подлежал обложению побором со своего движимого или нед
жимого имущества (*de rebus suis mobilibus vel immobilibus*) |
города. Никакой чиновник или слуга какого-либо сеньора пусть
смеет отнимать в городе у пекарей, или у мясников, или у лю
иного рода против их желанья какого-либо имущества для уд
жения своему сеньору. Пусть никто не дерзнет где бы то ни бы
покупать вино, которое называется *banwin* (*vinum, quod app
tur banwin*) или для пужд своего сеньора захватывать кораб
какого-либо горожанина против его воли. Мы постановили так
чтобы с тех, кто провозит свое собственное имущество (*res p
rias*) на собственных или арендованных кораблях, вообще ни
го не взималось. Также никакая власть (*nulla potestas*) пусть
портит монеты, делая ее легче и хуже по какому-либо сообра
нию, разве только по общему решению горожан. Пусть никто
вымогает у них торговой пошлины (по всему епископату ил
таможенных пунктах, служащих исключительно в пользу им
рии). Если кто будет владеть двором или домом без возражени
течение года и дня, после этого срока пусть никому не ответ
по этому поводу. Тяжбу, возбужденную из-за ссоры в городе, е
скоп или иная власть пусть не заставят рассматривать вне го
да. Торговая пошлина со страсбургского корабля (*Argentine the
neum de navi*) не должна составлять больше, чем 30 денари

ДРЕВНЕЙШАЯ ЧАСТЬ (1120 г.)

Да будет ведомо всем, как будущим, так и ныне сущим, что я, Фридрих, в 1120 году в некоем месте, именуемом Фрейбург (Freiburg), принадлежащем мне по праву частной собственности, учинил рынок. Оный рынок положил я начать и использовать купцами, каковых отовсюду созвало некое сообщество (coniuratione). Тем я предоставил каждому купцу место на том рынке для постройки их домов по праву частной собственности и от каждого участка определил 1 солид общепринятой монетой в качестве ежегодного чинша, уплачиваемого в праздник св. Мартина мне и моим наследникам. Каждый из домовых участков будет иметь чиншу 100 футов, в ширину 50. Также пусть будет ведомо всем, что эти привилегии, каковые следуют ниже, я предоставил согласно их просьбе и желанию. И мне угодно, если эта грамота будет написана и скреплена печатью, чтобы мои купцы и их наследники эту привилегию навечно держали от меня и от наследников моих.

1 Я обещаю мир и безопасность в пределах моей власти и власти всем прибывающим любыми путями на мой рынок. Если кто-либо из них будет ограблен на этой территории и назовет обитателя, я или заставлю вернуть награбленное, или уплачу сам.

Если кто-либо из моих горожан (burgensium) умрет, супруга с детьми своими будет владеть всем и без всякого возражения получит все, что бы муж ее ни оставил. Если же кто скончается, не оставив ни жены, ни детей, без законного наследника, все, чем он владел, перейдет на год под власть и надзор двадцати четырьмя соседними рынками (coniuratores fori) (в редакции 1200 г. — «контатами») с той целью, чтобы, если кто-либо потребует от них наследство по праву наследника, то получит его по праву своему будет владеть им. Если же, паче чаяния, никакой наследник не потребует того, что находилось под их надзором, то первая часть будет роздана беднякам на помин души усопшего, вторая часть передана на строительство (в редакции 1200 г. — «на украшение») города и для украшения храма, третья поступит герцогу.

4 Всем купцам (по редакции 1200 г. — «всем горожанам») вступая торговую пошлину.

4 Никогда я не назначу моим горожанам другого фогта, ни другого священника, но кого для этого изберут, того и пусть имеют после моего утверждения.

6 Если возникнет какая-либо распря или спор среди моих горожан, то он будет устранен не по произволу моему или упра-

вителя их (*restoris eorum*), но будет разрешен по местным обычаям и по законному праву всех купцов, более же всего по закону кельнских купцов.

Итак, дабы мои горожане не утратили веру в вышеизложенные обещания, я с двенадцатью именитейшими из моих министров, поклявшись на святой святых, дал гарантию, что я и наследники мои будем вечно исполнять то, что выше сказано. И дабы я сам не нарушил эту клятву по какой-либо нужде, я добровольно подал мою правую руку свободному человеку и присягнул рынку (*libero homini et coniuratoribus fori*) Аминь.

ДОПОЛНЕНИЯ, ВНЕСЕННЫЕ В ТЕКСТ ПРАВА МЕЖДУ 1120—1178 гг.

6. Если кого заставит крайняя нужда, он может продать свое имущество, кому пожелает.

7. Если кто на собственном участке (*in propria harea*) причинит кому-либо насилие, то, какой бы вред он ему ни причинил, тот пусть уйдет без всякого удовлетворения.

8. Если кто в стенах города (*infra urbem*) нарушит мир города, то есть если в гневе кого-либо окровавит и тяжело ранит, будет уличен, лишится руки; если же убьет, будет обезглавлен. Если же убежит и не будет схвачен, его дом пусть будет разрушен до основания, надворные же постройки пусть в течение года остаются невредимыми. По прошествии года его наследники, если пожелают, могут восстановить разрушенный дом и свободно владеть, уплатив, однако, предварительно герцогу 60 солидов. Виновный же, когда бы он ни был схвачен в городе, подлежит названной каре.

9. Если герцог идет в императорский поход, слуга его на рынке (*in publico foro*) может взять с каждого сапожника (*sutorem*) для нужд герцога столько сапог, сколько пожелает, кроме лучшей пары сапог (*post primos meliores*). Подобным же образом с каждого заготовщика сапог (*incisores caligatum*) кроме лучшей пары может взять столько заготовок сапог, сколько пожелает.

10. Всякая жена наследует мужу и — наоборот.

11. Также всякий, кто придет в это место, свободно останется здесь, если он не чей-нибудь серв и не признает над собой господина. Серва же господин либо оставит в городе, либо уведет, если пожелает. Если же серв будет отрицать свою принадлежность господину, пусть господин перед лицом герцога свидетельством семи ближайших родственников докажет, что тот — серв, и тогда пусть владеет им. (По редакции 1200 г. «Кто в этом городе проживет год и день, никем не взысканный как серв, заботясь о прочем, да возрадуется свободе»).

12. Когда возникнет ссора, если вооруженный человек явится случайно, он наказанию не подвергается. Если же он вернется домой и принесет оружие, и это будет доказано, он лишится милости герцога (*gratiam ducis amisit*).

13. Пусть никто из людей или министриалов герцога или кто-либо из рыцарей не будет проживать в городе, иначе как с общего согласия и по воле всех горожан (*nisi ex communi consensu plurim urbanorum et voluntate*).

14. Никакой чужак не может выступать свидетелем против горожанина, но только горожанин против горожанина, и всякое свидетельство должно быть дано двумя законными лицами, которые были и слышали (*de visu et auditu*).

15. Если горожане-друзья (*burgenses amisi*) выйдут из города и спорят между собой, каждый должен уплатить шультгейсу (*schultzei*) 3 солида штрафа. Если же выйдут из города враждующие между собой горожане и друг у друга вырвут волосы, или убьют, или ранят, лишатся защиты герцога.

ДОПОЛНЕНИЯ, ВНЕСЕННЫЕ ПОСЛЕ 1178 г.

16. Пусть никто из министриалов или людей герцога не будет жить в городе и не получит права гражданства в нем, разве с общего согласия горожан, дабы никто из горожан не мог арестовать из-за их лжесвидетельства, если вышеназванный сеньор города сам не отпустит его на свободу.

17. Если же горожане поссорятся между собой, пусть их не смелят подавать жалобу в сеньориальный суд и сеньор города или судья не должны уговаривать их сделать это. Если же из них подаст жалобу сеньору или судье и после приведения решение жалобы они будут тайно примирены, то судья, если знает тайное примирение, может принудить его довести жалобу до конца. Все присутствующие при заключении тайного примирения лишатся защиты сеньора.

18. Горожанин может дарить или продавать своей жене при жизни все, чем бы он ни владел; после смерти жены, если он имеет сыновей или дочерей, не может распоряжаться имуществом их согласия, если они достигли совершеннолетия. Если же он не знает это правило на законном основании и это докажет клятва собственной рукой, ему можно будет продавать. Если же выйдет в брак с другой женой, ничего подобного не может сделать.

19. Чужеземец не может вступать в поединок с горожанином с согласия горожанина.

20. Если кто во гневе ранит кого-либо в пределах города днем или тут же будет уличен двумя достойными свидетелями, он потеряет руки. Если же раненый умрет, убийца будет лишен го-

ловы. Если же затронет кого-либо ночью или в таверне ранит, го-либо — днем или ночью, — изобличается как зачинщик поедка: по той причине, что мы ввиду опьянения приравниваем нападение в таверне ночному нападению. Если же обвиняемый не имеет свидетельство названных свидетелей, ему будет разрешено вступить в поединок с жалобщиком или с одним из свидетелей.

21. Если кто из горожан согорожанина своего лишит волос, избьет, или неожиданно войдет в его дом, или где-либо захватит и сделает пленником, он лишится защиты своего сеньора. Преступление в юрисдикция шультгейса.

22. Если двое горожан лишат друг друга волос, то зачинщик, если будет уличен достойными свидетелями, будет наказан, а второй же — нет.

23. Если же горожанин ударит или лишит волос чужеземца, он уплатит 60 солидов.

24. Если двое горожан-друзей выйдут из города и затеют между собой ссору, зачинщик даст шультгейсу 3 солида штрафа. Если же недруги выйдут из города и друг друга лишат волос или избьют, или один другого убьет, если будет уличен достойными свидетелями, будет наказан так же, как если бы он был схвачен в городе. Если же двое горожан-друзей выйдут из города и затеют между собой ссору и останутся без согласия разняты и если, тем, прежде чем вернуться в город, один из них над другим издевается злобно глумиться, он будет наказан так, как если бы он был схвачен в городе.

25. Если горожанин будет преследовать своего согорожанина через чужой суд, то он вернет ему то, чего лишил его у чужой судьи, и затем уплатит своему судье 3 солида. И если он сделает его пленником, лишится защиты своего сеньора.

26. Если чужестранец нападет на горожанина или ранит его, если горожанин известит судью прежде, а чужестранец придет в город позже, то какое бы зло ни причинил ему горожанин, он претерпит у судьи никакой кары.

27. Если горожанин привлечет к суду за неплату долга чужестранца, пусть судья задержит его у себя на 6 недель (по рецции 1200 г.: «... за свой счет, если тот не будет иметь средств себя»), после каковых недель судья выдаст должнику кредит, получив в свою пользу 3 солида и соответствующее заверение, никакого зла он ему (т. е. должнику) не причинит.

28. Если кто вынесет дело другого в суд в присутствии отца и тот не будет возражать, то после этого он возражать не может.

29. Никто не может присваивать вещь, каким-либо образом взятую, если он не докажет клятвенно, что она ему досталась обманом или грабежом. Если же тот, в чьей власти вещь нахо-

скажет, что она была куплена на рынке, как неукраденная или выигранная, у незнакомого ему человека, даже дом которого ему известен, и это клятвенно подтвердит, то он не подлежит никакому наказанию. Если же он признается, что эта вещь была куплена у известного ему человека, то в течение 14 дней он может явиться в наше судебное собрание; если же не придет и не сможет поклясться в свое оправдание, понесет наказание за разбой.

10. Всякий, — будь то судья или иной горожанин, — если осмелится схватить кого-либо в городе без судебного решения, если он также не нашел у захваченного краденого или фальшивой монеты, лишится защиты сеньора.

11. Когда умрет горожанин, имевший личного господина (propium dominum), которого он признал таковым, жена его названному господину ничего не будет давать.

12. Если кто лишится покровительства сеньора, пусть в течение шести недель сохраняет неприкосновенными свою жизнь и имущество (in corpore et rebus suis pacem habebit) в самом городе и вне его и имуществом своим располагает, как пожелает, исключением дома, который ему нельзя продать или заложить. По редакции 1200 г.: «Имущество же движимое и недвижимое и такой ему нельзя продать или заложить»). Если же в течение указанного срока он не вернет себе покровительства сеньора своим, лишится собственного дома и всего, что имеет в городе. Если же сеньор уехал за Альпы, вплоть до его возвращения пусть останется с миром.

13. Горожане не обязаны идти в поход с сеньором, иначе как в один день; однако так, чтобы каждый из них следующей ночью вернуться к себе домой. Если же в этом походе один из них или другой каким-либо образом, то он будет наказан так, как это случилось в городе. Если же названный поход был объявлен всем, то у того из горожан, кто слышал и не пошел, дом будет разрушен до основания, если он не сможет привести достаточного оправдания.

14. Всякий горожанин, если он захочет покинуть город, должен иметь право свободного передвижения для себя и своего имущества в пределах герцогства, вплоть до среднего Рейна и настолько простираются герцогские права, — с разрешения самого сеньора.

15. Господин не должен сам избирать никакого священника, кроме того, кто будет избран с общего согласия горожан и ему самому представлен. Священник же не должен иметь посвящения, иначе как по общему согласию горожан. Шультгейса, которого горожане ежегодно выбирают, господин должен утвердить и окончить.

36. Тот, кто хранит общественные меры веса, пусть выдает горожанам бесплатно. Если же откажет и будет уличен свидетельствами, не будет иметь в городе никаких прав до тех пор, пока даст удовлетворения. Если же истец не сможет доказать, что ему отказал в весах, пусть тот очистит себя клятвой и все нужную меру выдаст. Тому же, кому он в мере отказал, платою возместит ущерб, если тот докажет, что потерпел ущерб. Если же отступит от закона и плату от горожанина получит, лишится покровительства сеньора. Чужестранец же даст обо каждого центнера. Любой горожанин, если захочет, да имеет с гирю, которой он должен взвешивать своим согорожанам, не чужакам. Горожанин, который присвоит себе весовой сбор, читающийся сеньору с чужаков, лишится его покровительства. Что бы ни было куплено у чужака или продано ему, должно быть взвешено на общественных весах.

37. Всякая мера вина, зерна, всякий вес золота или серебра пусть будут во власти консулов; и после того, как они эти меры выверят, одному из них, кому сочтут нужным, город пусть позволит хранить. И кто будет иметь меру меньшую, воровство сочит, если продаст или купит этой мерой.

38. Все горожане со всем приобретенным имуществом обладают одинаковыми правами и не будут платить сеньору судебного побора (*jus advocatie*).

39. 14 ночей перед праздником св. Мартина и 14 ночей после праздника никто из мясников не должен покупать быка или коня, если не хочет разрубить тушу для продажи на мясном рынке. Если же преступит это правило, нарушит право города.

40. Горожанином является тот, кто имеет в городе свободную собственность, не обремененную повинностями, стоимостью в одну марку.

41. Всякое клятвонарушение должно быть изобличено доказательствами законными свидетелями в соответствии с правом.

42. Любая женщина приравнивается мужчине, и наоборот, мужчина является наследником женщины, и наоборот.

44. Сколько бы жен ни имел горожанин, каждая из них свободно владеть своей материнской долей имущества.

45. Если горожанин или его жена умрут, оставив сыновей, впоследствии один из сыновей умрет, то пусть другой вступит в наследство, — если прежде имущество не было разделено; в противном случае наследство получит отец или мать.

46. Сын, живущий с отцом или матерью, не может ничем чуждать из своих вещей, — ни через азартную игру, ни иным способом. Если же сделает это, имущество по закону должно быть возвращено отцу или матери; и если кто-либо даст ему взамен, закону долг никогда не будет выплачен.

Никто из новопоселенцев города в течение 12 лет не может свидетельствовать в суде, не может помогать другим или вредить им чем-либо нарушать право города.

Если кто-либо, находясь при смерти, детей своих кому-нибудь поручит, а тот из корыстных побуждений причинит им зло или уличен свидетелями, пусть он будет выдан горожанам на казнь (*corpore erit burgensium*), а имущество его должно быть отдано сеньору, и пусть заботу об этих детях возьмет на себя ближайший родственник по отцовской линии.

Если горожанин оскорбит бранью жену согорожанина, он платит 10 фунтов, если будет уличен свидетелями.

Если кто-либо представит суду свидетелей, из которых один будет отведен, он может призвать других вместо этих, в любое время и в то же место, если будет иметь такую возмож-

Даже самое малое оскорбление карается штрафом не менее пяти солидов.

Никто, находясь на ложе болезни, без согласия наследников не может кому бы то ни было передавать какое бы то ни было имущество стоимостью выше пяти солидов.

Если кто умрет и придет кто-либо в качестве кредитора, чтобы в присутствии судьи и наследников умершего, говоря, что ему должно, и те отрицают, то истец сам либо изобличит их с помощью свидетелей, либо отпустит с миром.

Кто бы в городе ни задержал у себя чужую вещь за долг, покажет этот долг, и тогда пусть будет ему позволено на законном основании продать эту вещь в присутствии двух горожан в возмещение долга.

Если кто даст кому-либо залог за долг, пусть имеет за это право отсрочки уплаты. Если же кредитор не пожелает принять залог, должник обязан вернуть ему долг немедленно до наступления ночи.

III РЕДАКЦИИ 1200 г. (ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ STADTROTEL)

Установлено также, чтобы впоследствии сеньор владел этим городом по праву наследства; когда он умрет, кто бы ни был из наследников его, он будет иметь власть над этим го-

Вопишарий должен содержать в порядке все мосты вплоть до восточного вала; в случае гибели на них скота он сам оплатит

Ниже следуют доходы, причитающиеся телонеарию: с лошади — 4 денария, с мула — 16 денариев, с осла — 8 денариев,

с быка — 1 денарий, со шкуры — обол, со свиньи — обол, четырех овец — денарий, столько же с козы.

С вьюка вина, которое куплено здесь, — обол. С вьюка ли — обол. С вьюка зерна — денарий. С центнера сала — денария. С центнера жира — 4 денария. С центнера чистого — денарий. С центнера свинца, который называется *malles* — обол.

Кто продаст фунтовую меру олова, перца, тмина, лавишта — даст 4 денария. Столько же с воска. Столько же с ла. Столько же с кож. Столько же со шкур овец, коз и к. Столько же с привезенной соли. Столько же с винограда.

С меры железа — 1 денарий, с рыбы — 1 денарий. С шерсти — 1 денарий. С четырех лошадей, выводимых из города — денарий. С хлеба, который вывозится для продажи в корзины — денарий, с вывозимого в мешках — обол.

Пришлый платит 4 денария за каждую бочку вина, когда привозит в город для продажи; если он продает в таверну от каждого фунта 4 денария.

С воза яблок любого сорта — денарий, с ослиного вьюка — обол; с гороха, бобов и мальтийских орехов — денарий, с репы — денарий.

С повозки сена или соломы — денарий. Новая четырехколесная повозка — денарий, двухколесная повозка — обол. Пчелиный мед — 4 денария. С центнера меди — 4 денария.

13. Пусть каждый в этом городе должным образом платит торговый сбор.

14. Монах, клирик или министерялы господина герцога должны давать торговой пошлины.

30. Пришлый, выходящий из города, если он купил вещь у горожанина, дает половину торговой пошлины.

40. Если по поводу какого-либо решения возникнет несогласие между горожанами, так что одна часть захочет принять решение, а другая — нет, то из двадцати четырех консулов не простые горожане, — если захотят, обратятся по поводу решения в Кельп. И если они вернутся с подтверждением своего решения, что решение было правильным, противная сторона оплатит им все расходы. Если же суд кельпичев не утвердит решения, сами уплатят штраф и расходы.

66. Если кто заложит кому-нибудь имущество (*bonum*), которое называется *erbe* («наследственное имущество», вечное земельное держание), кредитор может спокойно принять залог и должен хранить его нерушимо до тех пор, пока должник выплачивает причитающиеся с него платежи. Если же ни должник, ни другой не будут выплачивать причитающиеся с этого участника, это имущество возвращается в собственность с

Если чей-либо дом в городе сгорит, то, пока он не откажется от уплаты чинша и других поборов, не утратит прав горожанина.

Если же кто-либо другой купит этот двор, он не будет считаться горожанином, пока не застроит его.

Если горожанин, отправясь в провинцию, ранит чужака или его полосу, и чужак, придя затем в город, пожалуется на некоего удовлетворения не получит.

Каждый, кто отнимет у чужака что-либо из его вещей, что-либо себе в городе дом, лишается покровительства

Каждый, кто будет принуждать женщину после смерти ее мужа принять нового мужа или остаться без мужа, утратит права горожанина.

Если кто войдет в чей-либо дом, куда ему однажды уже запрещен вход, то, кто бы ни напал на него, он не подлежит наказанию.

Если сын горожанина тайно полюбит дочь своего соседа и вступить с нею и это будет обнаружено, то, если судом найдена возможность заключения брака между ними, они принуждены вступить в брак.

Кто бы ни был побежден в поединке — тот, кто напал, или потерпевший нападение, — оба в равной мере подлежат наказанию.

Поединок же допустим только как средство отмщения за пролитие крови, за грабеж или за убийство.

Если кто-либо будет окровавлен, если захочет принести жертву, пусть ударит в колокол, на звук которого обязаны прийти соседи, которые омоют раны. И если там окажется удар до смерти, то решается, как выше сказано. Если же полученный удар не до крови, тот, кто позвонил в колокол, подвергается двойному штрафу.

Каждый из 24-х консулов удержит 12 денариев от своего соседа. Если они не будут подлежать суду по каким бы то ни было причинам, если им накануне не было сделано устное заявление, — они нарушат право города.

Каждый из консулов должен иметь свою скамью (bansum) из трех галерей (lobiis), которые были построены для присяги с самого основания города. Когда же один консул умрет, тот, кто займет его место, пусть займет и его скамью.

Существуют же три галереи: ниже мясного рынка, вблизи рынка и вблизи лавки тканей возле рыбного рынка.

Консулы могут выносить постановления касательно вина, хлеба и всего другого, в соответствии с тем, что они считают интересом городской общины (universitati civitatis); и каждый, кто

в этом присягнет, если затем нарушит свою присягу, то обесчестит, а имущество его будет конфисковано в пользу

80. Если же сеньор нарушит это решение, он пренебрежет вом города. И какое бы ни было вынесено постановление должно быть принято сеньором; и сколько бы раз оно и нарушено, столько же раз должно быть снова признано.

ПРАВО Г. МЕДЕБАХА

НОВЫЙ ПОРЯДОК ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ (114

Арнольд, божьей милостью архиепископ Кельнской и Мы выступили в поход и у крайних пределов нашей епархии шли в город (*villam*), который в просторечье называется бах (*Medebesa*), освятили тамошнюю церковь и сделали с ку для успокоения народа. Мы пожелали, чтобы стало и как ныне живущим, так и будущим, что вышеназванный г конечно же, почтенный город (*honestam oppidum*), имеющ личный и утвержденный императорской властью рынок, а Медебах, — первоначально служил алтарю кельнского архиепископа в качестве свободной и полной собственности (*libera et lialiter*), но задолго до наших дней был роздан нашими и ственниками по частям рыцарям (*militibus*) и поныне несет господства многих лиц. Поэтому, сделав остановку, мы выше сказали, мы вняли жалобам угнетенных (*oppressorum*) именно, на усугубление должных и привычных служб (*devotione debiti et consueti servitii*), на нарушение их законов (*legum*), на новые поборы с мясного рынка (*in macello*), с ских рядов (*in tecis mercatorum*), от чего рынок пришел в и почти весь покинул это место (*loco*). По поводу этих жал привлекли к ответу Герлаха, фогта этого места, и некоторых лиц, чьим, как говорили, насилием и властью все это введено; они же в публичном собрании отреклись, что-де и ничего подобного не совершали и не хотели совершить. Во му, не найдя виновника (*reluctatorem*), в присутствии фогт лаха, во всем с нами согласного и нам содействующего, мы вратили нашему городу (*populum*) те же законы (*leges*) и обычаи (*consuetudines*), каковые прежде, по их утверждению были пожалованы. Мы также предписали, чтобы на рынке соблюдался мир и чтобы законы этого рынка были подобны нам рынка Зеста.

ингольд, божьей милостью архиепископ Кёльнской церкви — своим своим горожанам (*dilectis oppietanis*), пребывающим в Мадбахе (*in Madebach*) ... Движимые состраданием к многочисленному угнетению, каковому наши горожане Медебаха чрезвычайно долго подвергались, мы решили, что все права, которыми владели по милости наших предшественников до нас, ны быть милостиво подтверждены и скреплением нашей пещурочены.

Любое дело пусть будет закончено, т. е. решено, в присутствии нашего наместника (*preposito*) или декана, — через суд по милосердию; решение пусть соблюдается с таким постоянством, чтобы к более высокому судье оно больше не передавалось.

То, что будет решено в присутствии фогта, мы будем утверждать данной нам от короля властью и свидетельством горожан, так чтобы затем ни архиепископ, ни император, ни судья по поводу сего не были обеспокоены.

Решение по тяжбе, которая будет закончена в тот же день присутствия управляющего (*villico*) или в присутствии судьи, пусть неизменным и незыблемым, и пусть никто не посмеет изменить ее в суде фогта.

То, что влечет решение о смертной казни, принадлежит фогту.

То, что ранит человека острым железом в пределах городского района (*infra fossam vestram*), пусть находится под защитой города; если раненый умрет, виновный будет обезглавлен, если же он выздоровеет, тот, кто его ранил, будет лишен правой руки.

То, что ударит кого-либо кулаком или палкой так, что он упадет в кровь, если случатся правдивые (*veraces*) люди, которые скажут, что он виновен, пусть он будет побит плетьюми и волосы пусть будут острижены, ибо он опозорил божий мир; то, что случится ночью, пусть он очистит себя двенадцатикратной молитвой, поскольку свидетелей, каковым можно верить, нет, рану и обвиненный в этом отрицает свою вину.

То, что, взяв оружие, устроит засаду на какой-либо дороге от города к графству и будет уличен, пусть платит горожанам по 10 шиллингов, из которых третья часть следует судье.

То, что убьет человека вне стен вашего города, но в пределах графства (*in comitatu*), где мы установили наш мир, тот пусть уплатит по 10 шиллингов и горожанам 10; из десяти шиллингов третья часть пусть принадлежит судье.

Дела поручительства, которые касаются нарушителей городских законов (*infra civilia*), пусть оплачиваются только благодарностью (*sub gratia*).

10. Все владения (possessiones), расположенные в пределах вашего города, которые по-немецки называются *wuorthe* бы, подворья), суть одного права.

11. Кто из вас купит дом и ограду (*septa*) или получит в суд по поводу владения, которое называется *wuorthe*, пускает это законно: чинш (*censem*), каковой ежегодно уплачивает в качестве повинности (*ad frone*) тот, кому принадлежит, пусть даст в двойном размере в качестве платы за (*ad vogehure*) тот, кто купил, и пусть, сколь долго бы он и владеет с миром, пока ежегодно уплачивает вовремя установленный чинш.

12. Когда умрет отец, его сын или другой человек, который наследует, пусть даст, как сказано, в качестве доплаты за годовой чинш в двойном размере и в дальнейшем пусть его уплачивает чинш и владеет с миром.

13. Если кто-либо отдаст свой дом и двор в залог (*in* одному из своих горожан, и дом и другие строения сгорят, он сможет восстановить дом, пусть залог будет принадлежать тому, кто дал ему свои деньги, как было прежде; если же сможет восстановить свой дом, пусть отдаст то, что уцелело от огня, с правом владения тому, кому прежде принадлежал и так рассчитается (*absolvat*); сверх этого кредитор, каким был долг, пусть ничего с него не требует, согласно нации.

14. Кто из вас приведет законную супругу, чтобы он подарил своей супруге в качестве утреннего дара (*grito* то она ему — в присутствии друзей и своих сограждан и с согласия наследников того и другого, — что по-немецки называется *gengave*, тем и тот и другая пусть мирно владеют; но если случится, что кто-нибудь захочет нарушить, отобрать названный дар, который называется *mogengave*, тогда тот, кто им обладает (*habet in usucapione*), что в просторечье называется *ang*, должен подтвердить свидетельством друзей и поддержкой сограждан, своей правдивостью и клятвой, что это законно, справедливость должна быть оказана тому, кто ее требует.

15. Если кто даст свои деньги (*rescipiam*) какому-либо согражданину, чтобы тот затем занимался торговлей (*neg* в Дании или на Руси (*in Datia vel Rucia*), или в другой стране к выгоде и того и другого, то ему следует призвать своих (*fideles*) сограждан, чтобы они видели и были свидетелями сделки (*huius rei*). Если затем тот, кто получил деньги, похитит и захочет доказать свою правоту ложной клятвой, кто дал деньги, должен доказать на высшем суде свидетелями тех, кто присутствовал при сделке, насколько справедли-

и чего позражает ответчик. И если те, которые присутствовали на сделке, пожелают отрицать истину, — по дружбе или за или по злобе, или по вероломству, — пусть поодиночке по или святыне, что этого никогда не происходило.

Иск, кто покорно подчиняются синодальному суду медельской церкви, пусть не вызываются в высшую инстанцию ни по причине, разве что уже прежде обращались в ту церковь по тяжбой.

Никто из тех, кто является вашим горожанином или хочет быть, пусть не возбуждает против своего согорожанина жалобу в судебном округе; но если кто с ним судится, пусть с согласия своих согорожан договорится дружественно и полюбовно, если возможно. Если один из них не пожелает завершить дело по совету своих горожан, пусть жалоба оглашается и принимается в вашем городе городским судом. Кто не выполнит предписание, уплатит 10 шиллингов.

Мы согласились с вами, чтобы вы избрали судей, которые будут судить вас за кражу в пределах двенадцати нуммов, а если пусть утверждают их в соответствии с вашим желанием.

За крупную же кражу, за которую принято присуждать до двенадцати нуммов, наш виллик должен судить вместе с горожанами по принуждению (*sine banno cum civibus*).

За неисконные модии и за все, что касается продовольствия (*fructus*), суд принадлежит нашим консулам, при поддержке, без принуждения с нашей стороны (*sine banno*).

Чтобы сохранить суд фогта, вы обязаны трижды в год являться, и он сам справедливо разрешит обращенные к нему дела о скабинов (*iudicio scabinorum*) и без козней.

Если пожелает уменьшить владение (*possessionem*) своего владения, пусть приведет с собой двух верных свидетелей и будет влистной без принуждения (*sine banno*).

Если кто-либо урежет (*decurtaverit*) владение (*quod* — *quod*) какого-либо своего согорожанина, передвинув свой забор, тот, кто владел этой усадьбой, приведет с собой двух согорожан, имеющих дома, и присягой докажет свою правоту от этого дела ничего не причитается.

Если бы он захотел жить в Медебахе, то, что он даст горожане является судьи, но идет на общую пользу всех горожан.

Кроме того, мы крепко-накрепко приказали, чтобы на рынке Медебаха сохранялся мир, согласившись, чтобы законы этого рынка подобны законам зёстского рынка.

ПРАВО Г. АУГСБУРГА

ДРЕВНЕЙШЕЕ ГОРОДСКОЕ ПРАВО (21.VI.1156 г.)

РАЗДЕЛ I

Фридрих, божьей милостью император... Да будет ведом город Аугсбург (*Augusta civitas*), расстроенный то нерадением епископов, то отсутствием и продолжительной злостью императоров в отдаленных землях, крайней неустрашимостью права, а больше всего — со всех сторон отягощенный тяжкими и богу ненавистными поборами фогтов (*advocati*) наконец, ныне озарен светом славнейшего права (*gloriosi*) ибо господь его пожалел, а благочестивый император Фридрих простер руку утешения, и епископ Конрад это признал. Ибо действительно, случилось так, что вышеупомянутый император в этот город и нашел его взволнованным и потрясенным слухом каким-то мрачным забвением его права, а епископ Конрад всем клиром и народом этого города (*cum iniverso eius civitatis clero et populo*) предстал перед ним и растроганной жалобой на то, что в городе не существует никакого твердого правопорядка. Поэтому благочестивый и католический император, поскольку он вооружен не только оружием, но и нами, предписал провозгласить, что они должны быть управляемы общим советом (*ex communi consilio*), каковой издревле быствовал по праву и законному установлению. И они, не изменив ничего нового, не отбрасывая ничего из древнего устройства права фогтов, городского префекта, горожан (*civitates*) всех сословий (*omnium ordinum*) этого города, в присутствии графа Адельгоца и префекта Конрада, которые ничего не возражали, объявили, что эта грамота засвидетельствована в курии Регенсбурга, а император утвердил ее своей властью. Совершено в 1152 году.

РАЗДЕЛ II

(Соблюдение прав капитула по отношению к епископам и фогтам, 1104 г.)

РАЗДЕЛ III

Правосудие (*iusticia*) города Аугсбурга состоит в следующем:

1. Всякий нарушитель городского мира (*urbanae pacis*) должен уплатить господину епископу 10 талантов; если не будет иметь, должен быть подвергнут наказанию плетьюми (*corio et pennis puniendus*).

По просьбе министерялов, горожан и всего народа города (omnium et totius populi civitatis), епископ должен назначать одного префекта и одного монетария.

Также по просьбе собрания старших (chori maioris) и на-
ших ныне он даст священника.
Теперь скажем о монете.

11. Казны епископа монетарию должно выдавать 10 марок, а
арий, в свою очередь, будет ежегодно давать 10 талантов
ему и 5 солидов капелларию.

12. Если монетарий будет уличен в фальсификации (монеты),
если он владеет, подлежит конфискации в казну епископа, а
грабит у него руку.

13. Если кто без разрешения монетария обменивает нечека-
ное серебро на чеканенную монету, грабит казну епископа, —
собранием столпов города (institutores civitatis), если они
собираются в Кёльн, каковым в таком случае разрешается та-
булат, но не более 10 марок весом.

14. Если кто безрассудно войдет на территорию монетного дво-
рища милости епископа, а если он при этом кого-либо там
убьет или поглотит что-либо, он тем самым покусится на
епископа.

15. Если кто-либо умышленно заведет неправильные меры веса
(pondera), он также будет рассматриваться как грабитель
(si quis spoliat cameram) епископа.

16. Это о праве господина епископа.

17. (Суммы) торговой пошлины (de theloneo) епископу при-
надлежит 6 талантов...

18. Дворов (de curtilibus) епископу должно давать 4 талан-
та епископу св. Михеля.

19. Епископ дает гарантию безопасности (ducatum) входящим
и выходящим из него.

20. Если раз, когда епископа приказ императора или нужды
заставит отправиться в папскую курию, горожане (urbani)
предоставить ему для военных нужд (ad stipendium)
денег, и когда он направляется в Рим в поход или для
защиты, можно считать справедливым, чтобы горожане
содержали ему субсидию, каковой он может пользоваться,
если не потребуют ее обратно.

21. Если будут найдены неправильные меры (modii), те уп-
рощены 15 солидов.

22. Кроме того, всякий суд по имущественным делам в городе
(in civitate bonis redimenda) относится к юрисдикции
епископа, исключая самовольства и беззакония, а также за исклю-
чением, влекущих за собой смертный приговор или обезглав-

РАЗДЕЛ IV

А это есть городское право (*urbana iusticia*)

15. Если кто владел двором (*curtile*) в течение года и о дня без возражения с чьей бы то ни было стороны, то пусть впредь не отвечает ни на чьи претензии, разве что претендент (*impetitor*) докажет, что он раньше не мог потребовать уплаты чинша, отсутствуя в Аугсбурге по необходимости или по б мощности (*inopiae*), или потому, что еще не достиг совершеннолетия.

16. Если кто бы то ни был получил право горожанина (*civitatis*), то его никто не должен обвинять по феодальному праву собственности или бенефиция (*de iure proprietatis vel beneficium*).

17. Если чиншевик (*censualis*) имеет супругу, дети которой принадлежат церкви (*filii eius ecclesiae sunt*) и которая платит чиншевую деньги (*sensualium nummum*), и являлся на все судебные заседания, которые фогту полагается иметь в течение года, то сверх того с него ничего не должно быть взыскано, разве что в конце жизни он отдаст в епископскую курию голову скота и одежды, в которых он работал на своего помещика (*praesoni suo*). И если кто-либо нарушит это его право, епископ будет ему защитником. И где бы этот чиншевик ни умер, чем он владел, будет принадлежать епископу.

РАЗДЕЛ V

О праве фогта

18. Фогт должен иметь в Аугсбурге 3 законных судебных заседания ежегодно, и тогда он обязан вершить суд ни по какому праву, но только лишь по праву горожан (*urbana iusticia*); и, за исключением этих трех законных заседаний, никогда не является в Аугсбург не званным для совершения правосудия.

19. К юрисдикции фогта относятся бесчинство (*temeritas*) и несправедливое законие (*iniusticia*), поединки.

20. В течение этих трех судебных заседаний каждый помещик уплатит в пользу фогта только 2 денария, а каждый пекарь только 1 денарий. В течение этих трех судебных заседаний сборов с трактирщиков (*banorum tabernariorum*) две трети будут уплачены епископу, третья же часть — фогту; и с каменной соли половина соляной пошлины идет в пользу фогта.

Теперь скажем о праве префекта

1. Префект города должен ежедневно заседать в суде и судить призыв горожан. И пусть он ежемесячно приказывает испекать контрольные (probativos) хлебы, согласно испытанию холодной воды (secundum iudicium frigide aquae); и тот пекарь, который испечет эти хлебы хуже и меньше нормы, уплатит префекту штраф, если совершит это вторично, снова уплатит префекту штраф, и третий же раз, согласно праву горожан, будет выселен, и пусть отречется когда-либо печь хлебы в городе.

Если трактирщик изготовит недоброкачественное пиво (foam) или продаст его неправильной мерой, он должен быть наказан подобным образом, и сверх того пиво уничтожается публично и раздается бедным.

Каждый пекарь на рождество дает префекту 4 денария и в день тела господня — курицу.

Каждого, кто покупает напитки, префекту причитается денарий (denargiata), а также с тех, кто продает пиво с помощью публичных (preconibus).

В праздник св. Михеля префект даст двум мясникам 26 денариев, и свою очередь, они пусть дают префекту в праздник Варвина хорошего бычьего мяса на 32 денария, и, кроме того, каждый мясник на рождество пусть посетит префекта с двумя фунтами (бычьего мяса?).

Также на праздник св. Михеля префект даст любому зажиточному мясу 6 нуммов, а тот в свою очередь в праздник Варвина по справедливости даст префекту 6 бычьих голов.

И если кто-либо в городе будет схвачен либо за нарушение закона, либо за неплату долга, засольщики должны его караулить.

Епископ отдает свой трактир в держание за 3 таланта, и тот, кто владеет им (т. е. трактиром), ежегодно отдает ему штраф и еженедельно бочку (ugnae) пива.

Каждый раз, когда епископ отправляется в поход к императорскому двору или в Рим для посвящения, префект дает ему штраф чертенок и шапку (pilleum) и, кроме того, свой вспомогательный отряд.

Если епископу будет принесена общая жалоба (universa querelacioni) на вину фогта или префекта, и после законного расследования не озабочатся удовлетворить ее, пусть он своей властью (pulsabit) их.

Если кто-либо из горожан Лугсбурга будет ограблен вне города грабитель, если он войдет в город, согласно городскому закону должен быть немедленно наказан, прежде чем уйдет.

В Лугсбурге 11 июля в год от воплощения господня 1156.

Фридрих, божьим благословением Римский император. Страсбургском епископстве (in episcopatu Argentinenſi) в городе который называется Хагенове (in villa ...Hagenowe), каковой был основан нашим отцом, герцогом Фридрихом, и при Генрихе, римском императоре, блистал своим правом, было нам благоугодно как исходя из соображений права (iuris racione), так и в целях подкрепления нашей власти, оное право подтвердить. Вот почему мы приказали записать, что если какой бы то ни было архиепископ, или епископ, герцог или маркграф, граф или иная персона светская или церковная, малая или великая, дерзнет ниже следующее нарушить, то виновный будет подлежать суду императорского величества (imperialis maiestatis).

! Мы постановляем, чтобы соблюдалось то право названного города и проживающего там народа, согласно которому любой человек, бедный или богатый, пришлый или местный житель (incola, видимо, житель епископской территории?), если решит жить там, пусть уплатит сеньору, которому он принадлежит (domino cui pertinet), за собственную персону и за свое недвижимое имущество (de immobilibus); за движимое же имущество (de mobilibus) пусть уплатит должностному лицу (magistratui) того места (loco, т. е. города Хагенау), куда он переберется. Если же он (переселенец) будет владеть наследственным держанием, обязанным денежным платежом (hereditatem tributariam possideat), то мы не возражаем, чтобы он уплатил причитающийся с него платеж (tributi) в присутствии назначенного для этой цели судьи. Что же касается его личности, если он будет принадлежать какой-либо церкви, пусть уплатит причитающийся с него побор (ius) так, как это следует по обычаю чиншевиков (tributario more).

2. Кроме того, мы согласились (concedimus), чтобы все, кто станет верными жителями этого места (quicunque huius loci incolae fidelis extiterit), будут свободны от тягостной и принудительной повинности постоя (ad omni exactionis pecuniae, ab importuno et contra velle suum hospitandi grava) как внутри города, так и за его пределами, а также от всякого денежного побора за право постоя.

3. Мы также согласились, что, если кто в этом городе умрет, пусть никто (nulli hominem) не присваивает чего-либо из его имущества (de sua possessione), за исключением его сонаследников, если они будут обладать на это правом. Мы постановили также, что если из-за дальности мест, как это часто случается, законные наследники сразу не объявятся, то имущество умершего, в присутствии не менее 7 верных жителей этого города, должно быть передано в руки судьи на срок в один год и день. Если в течение

этого срока кто-либо заявит и докажет свое право наследства на имущество умершего, пусть без всякого препятствия наследует все имущество. Если же в течение указанного срока имущество покойного никем не будет взыскано по праву наследства, пусть оно будет передано во власть судьи (*in potestatem iudicis transferatur*).

4. Мы утверждаем нашей властью, что каждый житель этого города (*omnem ibidem inhabitantem*) освобождается от всякой торговой пошлины (*ab omni thelonio*), от всякой провозной пошлины (*ab omni ducatu*) за продажу или за перевозку своих товаров (*pro rerum suarum*) в любом месте нашей империи.

5. Если же кто каким-либо образом нарушит требование выше-названного права, пусть в течение восьми дней после того, как это доподлинно установят, будет лишен всего своего имущества и изгнан из сообщества сограждан (*a consorcio ceterorum concivium*) за пределы этого города.

6. Далее, если кто до переселения в этот город для проживания в нем (*ante ingressione illis permanendi locationem*) был обязан долгом и если он будет отыскан кредитором (*si a creditore requisitus fuerit*), то, хотя он уже и приобрелся к правам и привилегиям сообщества горожан (*communicato iuris atque consorcii civium privilegio*), пусть отвечает согласно закону.

7. Если же какой-либо честный (*honestum*) человек пожелает приобщиться к этому городскому праву, пусть он уплатит только один нумм (*nummum unum*) глашатаю, который объявит его принятым в сообщество горожан, и один нумм согражданам (*concivibus*) на воск во славу церкви (*pro cera in honorem ecclesie*).

8. Если кто из проживающих здесь вызовет кого-либо из своих сограждан (*suorum civium*) по какому-либо обвинению к чужому судье за пределы округа вышеупомянутого города, пусть он (т. е. истец) отпустит его, сам же будет обязан уплатить установленному (*ordinato*) судье три фунта (*tres libram*).

9. Также по щедрости нашей мы предоставляем для пользования здешних жителей близлежащую рощу с таким условием: древесину, необходимую для их нужд, для строительства или на топливо, может брать каждый; может там же собирать сено, сколько ему будет необходимо; с тем, однако, ограничением, чтобы никто не налагал руки на дуб или на бук, разве что для нужд строительства. Свиной же или каких-либо иных животных, за исключением овец, можно пасти свободно (*libere* — бесплатно), однако сполна уплатив плату (*mercede*) пастуху.

10. Нашей императорской властью мы объявляем крепкий мир всем направляющимся на рынок названного места (*predicti loci*) как входящему, так и уходящему, в пределах трех миль в окружности, как их собственным персонам, так и их товарам; а если

кто дерзнет нарушить этот мир, виновный пусть будет выдан нашей власти (*reus sit maiestatis*).

11. Далее, ни римский император, ни кто-либо из горожан (*burgensium*) из-за нашего здесь пребывания да не посмеет беспокоить (*inquietare*) с кого-либо из горожан в городской округ или вне ее зерно, — обмолоченное или необмолоченное, — сен свежее или сухое, собранное или несобранное, — или какое-либо иное их имущество (*quibuscunque rebus*). Мы согласились также распространить это право на окрестности болота, расположенного за пределами городской мили, а также на окрестности госпиталя.

12. Мы постановили, что в нашей юрисдикции в дальнейшем должно быть отмечено следующим образом: во-первых, если здесь в городе найден и схвачен какой-либо убийца, смертный приговор должен быть вынесен беспрекословно. Его (убийцы) движимое имущество (*mobiles*) пусть будет передано в распоряжение судьи (*in potestatem iudici*). Вотчина (*patrimonium*) и недвижимое наследство (*hereditas*) его должны быть возвращены наследникам согласно законному порядку наследования; если же у него не окажется наследников, это имущество должно быть отдано на общую пользу этого города (*in communem predicti loci utilitatem*). Что же касается недвижимой собственности, вотчины или наследства, переданных вышеупомянутым образом в распоряжение судьи, то мы постановили, что если в течение года и дня объявится какой-либо законный наследник и его право наследования будет доказано, пусть он наследует умершему.

13. Если же виновный спасется от смертной казни бегством, то монаршей властью он будет осужден вместе со всеми, кто давал ему приют или оказывал ему какое-либо содействие. Если же после этого тот беглец вернется сюда, убежденный в своей невинности, то мы разрешаем семерым верным жителям этого города, поклявшись собственной рукой, доказать истинность его невинности, таким образом, что, если он сам факт убийства не отрицает, но докажет, что не он был зачинщиком столкновения со своим противником, то пусть не будет лишен своего имущества, но будет восстановлен незапятнанным, как и прежде, в сообществе прочих сограждан.

14. Если кто будет ранен кем-либо, но останется жив, однако будет искалечен, виновный пусть лишится руки и будет изгнан из городского сообщества за пределы городской территории. Из его движимого имущества 50 шиллингов пусть будет уплачено пострадавшему, прочее же пусть будет передано судье; недвижимое же его наследство пусть будет предоставлено его наследникам, если таковые окажутся.

15. Далее, если кто будет ранен оружием, но не искалечен (*salva membrorum integritate*), виновный пусть будет лишен руки

как сказано выше, изгнан из сообщества жителей города; за тяжесть своего преступления он обязан уплатить пострадавшему присутствию трех горожан. Его движимое имущество должно быть передано судье. О недвижимом наследстве решается вышеупомянутым образом.

16. Если кто в безрассудном гневe кого-либо избьет рукой или палкой до крови, виновный, приведенный в суд, обязан уплатить судье штраф размером до 30 шиллингов; для удовлетворения пострадавшего он обязан трижды перед ним отвечать, но не должен быть изгнан за пределы города и лишен своего имущества согласно вышеупомянутому закону.

17. Если горожанин (*civis*) вызовет другого горожанина в суд по долги, пусть судья предпишет истцу и должнику прийти к соглашению в течение восьми дней: по истечении этих дней, если истец не удовлетворит истца, пусть он уплатит судье 12 нуммов, истцу же — шесть нуммов в качестве штрафа.

18. Если горожанина по той же причине вызовет в суд чужак (*hospes*), мы разрешаем ему (горожанину) прибыть на судебное заседание на следующий день после вызова, ввиду возможных задержек в пути (*propter transeuntis impedimenta*). Если же случится, что, напротив, горожанин вызовет в суд чужака, он (чужак) может иметь 8 дней отсрочки, или же, если пожелает, может явиться на суд на следующий день; мы постановили оставить ему свободу выбора.

19. Если же кто, дав волю своему беспутству, непристойно оскорбит кого-либо из горожан и будет уличен верными этого города и приведен в суд, то он должен отвечать за проступок перед судьей и истцом в первый раз и во второй. Если же и в третий раз будет обоснованно изобличен в том же и если не будет обладать средствами для возмещения своего проступка, пусть будет изгнан за пределы города босиком и наголо остриженный, дав клятву никогда не возвращаться.

20. Негодная женщина, если она поносила честь и достоинство сограждан, в первый же раз уличенная подобным образом, должна быть изгнана из городской общины (*extra civitatis collegium*) без всякого возражения.

21. Если трактирщик в какой-либо год отдает на продажу через посредника (*per ductile* — через комиссионера?) вино нового урожая, то пусть он, пригласив к себе глашатая вместе с приданными ему, как установлено, другими верными гражданами этого города, в присутствии судьи разумно определит цену меры или другого количества вина и тем же сосудом (*vasa*) пусть также глашатаю от первой карраты вина; судье же в течение четырех дней пусть дважды выставит вино тою же мерой (*eiusdem mensure*).

22. И так, не меняя установленного порядка (т. е. цены), пусть он продаст вино в течение всего года свободно без всяких поборонов (*sine omni iuris exigentia*); если же он ранее установленный порядок изменит и захочет продавать то же количество вина по более высокой цене, то мы разрешаем установить новую цену тем же путем в соответствии с мерой и по разумению судьи и глашатая. Мы приказываем также, чтобы для зерна и для вина соблюдалась страсбургская мера (*mensura Argentinensis*).

23. Мы вручаем шультрейсу (*sculteto*) власть назначать магистров над пекарями (*magistratum super panifices*), чтобы они продавали хлеб по цене, по весу и по качеству в соответствии с обычаями городов Гохвельдена и Свиндеродена. Если же кто-либо в этом их деле (*in officio*) допустит нарушение раз и другой и будет уличен, он обязан отвечать за проступок перед судьей; если же он в третий раз будет уличен верными гражданами этого города в нарушении этого порядка, пусть выпеченный им хлеб будет продан в пользу шультрейса, а сам он за свою вину отлучен (*separetur*) от сообщества прочих пекарей.

24. Мы разрешаем, чтобы в случае прибытия императора продавцы имели 2 пумма барыша (*lucri*) с каждого проданного кварталия.

25. Постановляем, чтобы льготный (дополнительный) срок по уплате долга (*vadia*) и для выкупа залога для императора составлял 6 недель, для горожан же (*burgensium*) — 15 дней, без ущерба для обусловленного барыша (*sine calumpnia lucri*); если же срок истечет и кредитор будет нуждаться в наличной монете (*creditor necesse nummorum habuerit*), пусть он (кредитор), призвав к себе должника, в присутствии его или в присутствии других достойных людей (*probabilium personarum*) открыто заявит, что присваивает себе залог.

26. Мы предписываем, чтобы мясники продавали мясо здоровое и свежее; если же кто-либо из них продаст покрытое язвами или каким-либо иным образом испорченное и будет уличен присяжными города (*a coniuratis civitatis*), пусть будет изгнан за пределы города (*extra ville ambitum*) сообществом прочих горожан.

27. Если император прибудет в город, пусть его маршал разместит его людей на пост мирно, но без ущерба для горожан.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КЕЛЬНСКОГО ЕПИСКОПА ПО ПОВОДУ СПОРА МЕЖДУ БУРГГРАФОМ И ФОГТОМ Г. КЕЛЬНА (1169 г.)

Во имя святой и нераздельной троицы. Филипп, божьей милостью архиепископ святой кельнской церкви. Всем, как будущим, так и ныне живущим.

Дабы то, что делается во времени, не сгнуло вместе со временем, должно быть изложено в словах свидетелей и увековечено в письменной записи. Посему мы желаем заявить для всеобщего сведения, что между верными нашими Генрихом фон Арбергом, знатным мужем, бургграфом кельнским (*Henricum virum nobilem de Arberch Burggrafum Colo*) и Герхардом фон Эппендорфом, рыцарем, нашим кельнским фогтом (*Gerardum militem de Eppendorf Advocatum nostrum Coloniensem*) в присутствии нас, приоров, и наших верных приближенных возник спор по поводу права суда, который называется *wizzeht dinc*, причем бургграф непоколебимо утверждал и доказывал, что издревле в суде, который называется *wizzeht dinc*, должен председательствовать он один; и один, без вышеупомянутого нашего кельнского фогта, имеет право разрушать строения, которые называются *vürgezimbre*; названный же фогт, напротив, настаивал, что это его право разрушать вместе с ним, бургграфом, названные строения.

Мы же, так как о подобного рода праве нам не было известно, по совету вышеназванных наших верных, потребовали созвать магистров горожан (*magistros civium*) и наших кельнских шеффенов (*Scabinos nostros Colonienses*), а также официалов Рихерпехе (*officiales de Rigirzegheide*), и заставили их поклясться, поскольку права города Кельна (*jura Ciuitatis Coloniensis*) им известны и записаны в их привилегиях (*in suis priuilegijs*), что о подобного рода судебном праве они знали и желают, чтобы мы все уладили. Они же, посоветовавшись между собой, неохотно (*jnuiti*) открыли свой ларец, в котором были спрятаны их привилегии, извлекли и показали нам некую привилегию (*quoddam priuilegium*), текст которой, ввиду крайней ветхости (*ex nimia uetustate*), едва можно было рассмотреть.

Как мы увидели вместе с нашими приорами, в этой привилегии было сказано, что наш фогт, который в той привилегии назван шультгейсом кельнского архиепископа (*Scoltetus Archiepiscopi Coloniensis*), должен председательствовать в суде совместно с названным кельнским бургграфом во всех случаях, за исключением суда, который называется *wizzeht dinc*, и суда о наследствах людей, умерших в стенах Кельна, в каковых судах должен пред-

седать только бургграф, и только он должен принимать поступающие по этим делам жалобы.

Также в той привилегии было сказано, что бургграф вместе с нами держит от империи судебный банн, в каковом содержится сила столь значительная, что он, как и мы, может объявлять кого-либо вне закона, а также может лиц, объявленных вне закона, восстанавливать в том их статусе, в каковом они пребывали раньше.

Также в той привилегии было сказано, что наши кельнские граждане (*Ciues nostri Colonienses*) получили от наших предшественников архиепископов такую вольность, что ни мы, ни наши преемники, ни бургграф, ни его преемники не можем по какому-либо поводу, в соответствии с указанным банном, привлекать их к суду за пределами города Кельна. Далее в той привилегии было сказано, что, когда нам или преемникам нашим придется председательствовать в суде крови (*judicio sanguinis presidere*), наш указанный бургграф должен выполнять обязанности форта (*Burggrafius noster esse debet advocatus*), и если дело дойдет до того, что нам не избежать открытого сражения, сам бургграф в соответствии со своим банном без участия форта пусть проведет судебный поединок; и в круге, который называется *warf*, должен разъезжать всадник для наблюдения за кругом и для сдерживания напора народа, дабы не мешали сражающимся. И чтобы нам не навлечь на себя позора судом крови, мы и наши преемники должны предупреждать бургграфа и наших шеффенов, чтобы они усердно заботились, дабы не был нанесен ущерб ни истцу, ни ответчику. Также в упомянутой привилегии было сказано, что, если в делах, относящихся к суду крови, возникших между кельнскими гражданами и возбужденных перед нами или нашими преемниками в пределах города Кельна, произойдет примирение по дружеской договоренности, то из суммы причитающегося со сторон судебного побора мы получим три части, а бургграф, в соответствии со своим банном, — четвертую часть.

Также было сказано в упомянутой привилегии, что доходы от суда, который заседает в нашей епископской курии, бургграф и форт должны делить поровну, за исключением доходов от суда *Wizzeth dinc* и суда о наследствах, которые признаются относящимися только к ведению бургграфа и его преемников.

Далее в той же привилегии было сказано, что, когда бургграфу придется разрушать постройки, которые называются *vüggelimbge*, он должен выяснить, кто владелец, и если никто не признается, он, бургграф, должен разрушить такие постройки по приговору шеффенов (*per sententiam Scabini*), а обломки пусть прикажет перенести под свою охрану. Если же кто сознается, что это его постройка, она все равно должна быть сломана, а ее вла-

делец повинен уплатить бургграфу 60 солидов, каковые должен вручить ему до захода солнца, а если не уплатит, подвергнется двойной пене; если же по этому поводу обратится с жалобой к нам или преемникам нашим, мы принудим виновного к уплате карающей властью церкви (*per zensuram ecclesiasticam*).

Далее в той же привилегии было сказано, что если у кельнского шеффена бургграф затребует его мнение по какому бы то ни было делу, он должен вынести свое суждение немедленно или в течение трех дней, в противном случае он повинен уплатить бургграфу 60 солидов, каковые он должен вручить ему, прежде чем сидит солнце, если же шеффен не пожелает уплатить, а бургграф подобным же образом обратится к нам с жалобой, мы принудим виновного уплатить карающей властью церкви.

Далее в той же привилегии было сказано, что от кельнской церкви бургграфу и его преемникам принадлежит право допускать в скабинат, коллегия шеффенов, избранных предшествующими шеффенами (*in sede scabinatus locare Scabinos a Scabinis electos*), при этом бургграф должен заранее предусмотреть, позаботиться и тщательно следить за тем, чтобы шеффены, каковых он должен допустить, не были горбатыми, согбенными, одноглазыми, хромыми, глухими, заиками, паралитиками или отмеченными каким-либо другим физическим пороком, убийцами или клятвопреступниками, или когда-то объявленными вне закона, или ростовщиками, или избранными на должность шеффенов с помощью денег (*mediate pecunia... electi*). Таковых лиц бургграф должен отводить и никоим образом не допускать в скабинат, как равным образом в нем не должно быть лиц, которые были бы моложе 24 лет. Далее в той же привилегии было сказано, что бургграф и его преемники имеют право взимать с каждого шеффена, допущенного в скабинат, одну марку кельнских денариев и один мальтер зерна (овса), каковые он должен уплатить до захода солнца, а если не захочет платить и указанный бургграф и его преемники подадут жалобу на него нам или нашим преемникам, мы принудим его к уплате карающей властью церкви.

Далее в той же привилегии было сказано, что от кельнской церкви бургграф и его преемники обладают правом в пределах диоцеза (церковной области) обеспечивать безопасность евреев, желающих выехать или въехать в него, за что община кельнских евреев должна во все времена уплачивать ему или преемникам его ежегодно в праздник блаженного Мартина 10 марок кельнских денариев и 6 фунтов перца.

Далее в той же привилегии было сказано, что издревле от кельнской церкви бургграф и его преемники обладают правом получать одну марку новых денег, каковую должен вручить сам магистр нашей монеты, каждый раз, когда нам или преемникам

нашим случится менять изображение на кельнской монете. Далее в той же привилегии было сказано, что бургграф и его преемники издревле владеют по праву наследственного феода (*jure hereditario in feodo tenent*) старыми воротами цитадели города (*municipionis Civitatis*), которая когда-то называлась Агриппина (*Agrippina*), каковые ворота находятся напротив часовни святого Апра. Далее в той же привилегии было сказано, что бургграф и его преемники вместе с шеффенами (*vna cum scabinis*) должны пользоваться всеми доходами и услугами (*omni jure et seruicio*), каковые по обычаю им должны предоставлять магистры шеффенов и горожан Кельна (*a magistris scabinorum et Civium Coloniensium*). Далее в той же привилегии было сказано, что наши кельнские граждане (*Cives nostri Colonienses*) от наших предшественников и кельнской церкви издревле имеют вольность: когда им случится со своими товарами (*cum rebus suis*) приехать к местам, где находятся наши заставы (*thelonium nostra*), то они не дают совершенно никакой пошлины (*nullum thelonium*).

И так как названная привилегия, в которой было записано все то, что изложено выше, почти совершенно истлела из-за крайней древности, изъедена червями, так что с трудом можно разглядеть ее текст, мы, по просьбе как названного бургграфа, так и упомянутых наших кельнских шеффенов, обновили (*innoaviimus*) названную древнюю привилегию, записав ее ныне. Дабы в будущем между упомянутым бургграфом и его преемниками, с одной стороны, и нашими кельнскими фогтами, какие будут в зависимости от обстоятельств, с другой, не возникло спора относительно права суда, который называется *Wizzeht dinc*, а также чтобы ни нами, ни нашими преемниками, ни кем бы то ни было еще не могли быть нарушены или подвергнуты сомнению права бургграфа и свобода наших кельнских граждан (*libertas Civium nostrorum Coloniensium*), мы подписали настоящую грамоту и с согласия нашего кельнского капитула приказали скрепить печатью покровителя нашего, святого Петра, а также подкрепить нашей печатью.

Этой обновленной грамоты свидетели суть: Адольф, старший декан и архидьякон. Иоганн, епископский викарий (*choriepiscopus*) Магистр Рудольф, старший учитель кельнской церкви. Верные наши: Готфрид, герцог Брабантский, Филипп, граф Фландрский, Теодорих, граф Клевский, Оттон, граф Гельдернский. Вильгельм, граф Юлихский. Герард, граф Арский. Теодорих, граф Гохштадгенский. Генрих, граф Сейский. Энгильберт, граф Монский, а также Генрих Вольмутштейн, министерял нашей церкви. Кельнские горожане: Карл с Рингассе (*in Ringazin*). Теодорих с Моненгассе. Людвиг с Мюнберслог. Рихольф Парфузе. Генрих *ratio* (Выгода?) Маркманн Вифильрюзе. Герард Унмазе, наш сборщик

податей, и другие шеффы Кельна. Иоганн, наш нотариус, и многие другие, мужи честные и достойные (*virī probi et honesti*).

Записано и датировано в нашем кельнском дворце рукой Ульриха, нашего капеллана. В год от воплощения господня 1169, в час месяце. В царствование светлейшего Римского императора Фридриха.

СПОР МЕЖДУ ГОРОДОМ КЕЛЬНОМ И АРХИЕПИСКОПОМ КОНРАДОМ ГОХШТАДЕНСКИМ (28 июня 1258 г.)

Госвин, божьей милостью старший декан в Кельне, и его же милостью настоятель св. Северина Генрих, и Генрих, настоятель [церкви] св. Апостолов, и Филипп Зестский, и брат Альберт, лектор (*lector*) братьев-доминиканцев в Кельне, избранные арбитрами совместно как от достопочтенного отца-архиепископа Кельнского, с одной стороны, так и от кельнских горожан, с другой стороны, всем, кто будет читать эту грамоту, — привет во господе.

Да ведает ваша община (*vestra universitas*), что, когда возник спор между достопочтенным отцом и господином нашим архиепископом святой кельнской церкви Конрадом, с одной стороны, и кельнскими горожанами (*cives Colonienses*), с другой стороны, относительно различных распрей, достопочтенный отец и господин наш архиепископ Конрад и упомянутые кельнские горожане сошлись обратиться к нам, как к арбитрам, согласно грамоте третейском разбирательстве, для того учиненной и скрепленной печатью архиепископа, а также [печатами] кельнской церкви и кельнской городской общины, так что, в соответствии с условиями соглашения, наше третейское решение и постановление имеют силу для всех и полностью. И вот, когда мы принялись за выработку такого третейского решения, наш достопочтенный отец и господин архиепископ Кельнский выставил нам свои претензии [к городской общине] в следующих словах:

1. Кельнский архиепископ настаивает, что в городе Кельне, где он является высшим судьей как по церковным, так и по светским делам, вся юрисдикция, как церковная, так и светская, должна исходить от него.

2. Далее, в самом городе Кельне никто не может присваивать себе никакую юрисдикцию, если только не получил ее от самого архиепископа.

3. Для заключения тех, кто заслужил тюрьму, не может быть никакой иной тюрьмы, кроме тюрьмы самого архиепископа, причем сами горожане не имеют никакого права держать заключенных в своих домах.

4. Поскольку, по обычаям города Кельна, шеффены могут выносить приговор по светским делам, как по гражданским, так по уголовным, какие бы ни возникли, то не должно допускать число шеффенов людей молодых или ничтожных, или незаконнорожденных, или виновных в чем-либо ином, и никто не должен быть избран в шеффены за взятку или по сговору.

5. Кельнские судьи должны ежедневно заседать в суде, а шеффены должны следить за вынесением приговоров и обеспечивать рассмотрение дел, не пренебрегать судебными заседаниями и не пропускать их, за исключением праздничных дней.

6. То же самое было составлено и записано между судьями шеффенами, с одной стороны, и достопочтенным отцом и блаженной памяти господином архиепископом Энгельбертом, с другой.

7. Сами шеффены в сложных делах должны выносить свои решения в течение трех дней, если только это дело не прекращается по договоренности судьи и сторон.

8. Подобным же образом то же самое было установлено и записано между архиепископом и шеффенами прежде.

9. По малым же делам шеффены должны выносить свои решения без проволочек.

10. И это также было установлено и записано шеффенами вышеназванным господином архиепископом Энгельбертом.

11. Иногда шеффены выносили судебные решения относительно имуществ и земельных участков (*bonis et locis*), каковыми владела церковь (*persone ecclesiastice*), хотя шеффены не имели судебной власти в отношении клириков или их имущества.

12. Судьи, каковых назначали кельнский бургграф или фогт, председательствовали до тех пор, пока они поступали хорошо и честно выполняли свои обязанности по отношению к бургграфу, фогту, шеффенам и горожанам, но не более того и то же самое подобным образом было составлено и записано во времена господина Энгельберта.

13. Когда же суд возглавляет господин архиепископ, пусть шеффены поменьше вмешиваются со своими суждениями и решениями по судебным делам.

14. Кто бы ни подал жалобу по поводу нанесенной ему раны или повреждения, которые в просторечье называются *bligindail*, он должен принести присягу, что не обвинит невинного, а затем поступит в соответствии с приговором шеффенов; а если укажет на невинного, должен быть сурово наказан.

15. При рассмотрении любой тяжбы будет достаточно, если вопрос будет улажен между судьей и ответчиком.

16. Всякий человек архиепископа, будь то его министериял или благородный (*nobilis*), если ему случится въехать в город Кельн, не может и не должен быть захвачен или арестован каким-либо

рожанином, если только это не человек, публично объявленный
закона. А если он объявлен вне закона, он должен быть по-
лностью задержан судом, а именно, по распоряжению господина
архиепископа либо его судей, которые наделены юрисдикцией им
самим.

17. Сами горожане не должны заключать никакого союза с
каким-либо врагом архиепископа и без его, архиепископа, ведома
оказывать ему помощь продовольствием или иным способом ему
служить.

18. Ведущие тяжбу горожане, чьи дела должны подлежать рас-
смотрению самого архиепископа или его судей, должны нести жа-
лобы в его приходской дом (*in domum suam parochialem*), дабы
там (т. е. судьям) приносить доход; а жалобы эти чаще приносят
попытки и обиду самому архиепископу, а также его судьям; тогда
как в доме официалов (*in domo officialium*) суд допускается
только по делам, не превышающим 5 солидов.

19. Враждующие горожане, богатые и могущественные (*divites
et potentes*), берут и привыкли брать под свое покровительство
простолудинов и неимущих (*populares et impotentes*), каковые в
просторечье именуются *tuntman* (клеветы). И когда такие про-
столудины совершают преступления, они отдают своим покрови-
телям тайные платежи, а те за это покрывают их проступки, а в
итоге страдает судебное право и доходы самого архиепископа.

20. Хотя юрисдикция по делам о ростовщичестве, клятвпре-
ступлениях, о прелюбодеяниях, о браках и о надзоре за брачными
делами, о неправильных мерах и обо всем, что в просторечье на-
зывается *meinsoif*, безусловно, принадлежит самому архиепископу
или его официалам, а именно кельнскому капитулу, его бургде-
лану и их приходским священникам, и дела эти принято рассмат-
ривать в церковных судах, однако сам архиепископ, а также его
именуемые официалы уже многие годы не могут осуществ-
лять эту юрисдикцию и налагать наказания [то есть получать
доход от штрафов и судебных издержек] вследствие препятствий
и вмешательства горожан.

21. Магистры горожан разного рода принуждают, как им за-
благорассудится, к несправедливым и незаконным поборам куп-
цов, а особенно торговцев пищевыми продуктами.

22. Городские богатей (*maioribus civitatis*) сами, без ведома
архиепископа и кельнских priоров, издают законы о новых нало-
гах, какие им заблагорассудится, а бремя этих налогов вынуж-
дают нести братства (*fraternitates*) и прочих простой народ (*alii
populares*), каковые называются коммуной, а в результате они
нищают, хотя ничего из подобного рода новшеств по праву не
должно бы учреждаться в городе Кельне без согласия самого ар-

х епископа и поставленных им начальников, поскольку он является высшим судьей и господином города Кельна.

23. Те лица, которые взимают городские платежи и поборы, # прочие поступления, пусть ежегодно дают официальный отчет, и пусть все полученное хранится в общественной казне (in archa publica), дабы могло быть затрачено на пользу общества (ad usum rei publice).

24. Есть у горожан Кельна обычай, — что правильнее было бы назвать подкупом, — а именно, что никто не должен быть схвачен или обвинен как фальшивомонетчик, если в его руках не будут захвачены фальшивые деньги, из-за чего существует множество фальшивомонетчиков и они могут уходить безнаказанно.

25. Поскольку вся юрисдикция в городе Кельне, как светская, так и церковная, зависит от самого архиепископа (он же и герцог), то и официалы, которые именуются магистрами горожан от Рихерцехе и избираются в любой год, не должны делать ничего такого, что шло бы во вред юрисдикции самого архиепископа и его судей, тем более, что сами официалы никакой юрисдикции не обладают.

26. Вышеназванные магистры горожан имеют обыкновенно, когда никто не подает им жалоб против тех, чьи деньги они хотели бы присвоить, по собственной воле возбуждать дело о том, что в просторечье называется *ungewoinde*, и либо словами, либо действиями добиваются своего и таким образом вымогают деньги чаще всего у невинных и у тех, кто менее всего подвергается обвинению с чьей бы то ни было стороны.

27. В каждом из приходов Кельна есть несколько официалов, которым и быть должно и каковые издавна были.

28. Хотя официалы от Рихерцехе выбирают под соответствующей присягой магистров горожан, каковым поручают наилучшим образом служить и быть полезными общему делу и городу, однако сами они привыкли зачастую брать деньги с этих же магистров в качестве взятки за их избрание; по этой причине сами магистры, желая вернуть свои деньги, вводят в городе Кельне незволенные поборы.

29. Те же магистры горожан, нарушая церковные иммунитеты, часто врывались на территорию этих иммунитетов, разбивали бочки и разливали вино, принадлежавшее церковным персонам.

30. Некоторые горожане захватывают общественные дороги в городе между рвами, а иные — около города, а также и сами городские рвы и используют для собственных нужд их откосы, которые принадлежат всей общине.

31. Если какой-либо горожанин привлекает другого горожанина в церковный суд и по духовному делу, возбуждая дело перед церковным судьей, то магистры горожан и шеффены удерживают

лица, чтобы он не продолжал свою жалобу, покуда они сами не выяснят, церковное это дело или нет, тогда как определять это должен церковный судья, перед которым было возбуждено дело.

32. Когда кто-либо добивается законным образом, чтобы сделать в доме горожан или в приходском доме (*in domo civium vel parochiali*) письменное завещание относительно имущества или наследства, сами официалы и шеффены чрезвычайно и сверх всякой меры помогают такой записи.

33. Когда в коллегии шеффенов нет ни одного вакантного места, сами шеффены избирают новых на невакантные места.

34. Когда же имеется вакантное место, на которое немедленно должен быть избран шеффен, бывает, что из-за возражения одного или двух они не могут произвести выбор, так что из-за этого коллегия шеффенов сокращается до слишком малого числа, и тогда каждый из них, — иногда взявши деньги за это, — подбирает двух или трех шеффенов, так что в итоге число шеффенов неумеренно возрастает.

35. Если какой-либо судья, магистр горожан или кто-либо из могущественных (*potens*) горожан совершит проступок против бедного или незащитного человека или против чужеземцев, который не осмеливается и не может пожаловаться, пусть такое правонарушение станет достоянием гласности и совершивший его будет публично обвинен так, чтобы архиепископ по своей должности (*ex officio suo*) без чьей бы то ни было жалобы мог и должен был, согласно праву, расследовать подобные проступки; однако сами шеффены и старшие (*maiores*) города отрицают за архиепископом такое право и, противопоставляя себя ему, присваивают себе такое право; из-за этого многие преступления остаются безнаказанными.

36. Поскольку в приходском доме не могут решаться судебные дела свыше пяти солидов, шеффены действуют обманом: если кто-либо решит взять сто марок, он берет пять солидов, и еще пять солидов, и еще пять солидов, — вплоть до суммы в сто марок, и с помощью такого обмана совершают нарушения права и беззакония.

37. Магистры горожан снова незаконно сделали кипус (*suppus*) и некоторым отрезали большие пальцы, хотя это меньше всего входит в их компетенцию.

38. Шеффены выносят приговоры в зависимости от полученных взяток (*rescunia recepta*) и то, что сегодня объявляют справедливым, завтра объявляют незаконным.

39. Если случится, что меньшинство шеффенов, в ответ на запрос архиепископа, вынесет справедливое решение, пусть будет принято решение большинства, даже если оно будет несправедливым.

40. Когда кто-либо после приговора шеффенов апеллирует в архиепископскую курию, шеффены, которые вынесли первое решение, вопреки ясно выраженному праву, желают решать это дело на стадии апелляции и говорят, что таков их обычай, а это, скорее, незаконно, ибо противоречит праву и вообще лишено всякого смысла.

41. Когда кому-либо случается апеллировать в [архиепископскую] курию, шеффены и судьи тут же требуют от апеллянта возмещения за возбуждение апелляции [в другом суде], что противоречит правилу; и пострадавшие (*lesi*) зачастую не осмеливаются подавать апелляцию на несправедливые приговоры из-за такого рода возмещений и таким образом несправедливо притесняются.

42. Официалы Рихерцехе, собравшись без ведома архиепископа в Доме горожан, постановляют все, что захотят, и желают, чтобы установленное сохранялось в качестве особого обычая и права, в то время как власть самого архиепископа меньше всего принимается во внимание.

43. Как известно, согласно присяге, кельнские шеффены обязаны советом и содействием сохранять и защищать права кельнской церкви и города Кельна, и, исходя из этого, город Кельн издревле имеет обычай управляться по совету шеффенов, но, разумеется, с ведома архиепископа; но сами горожане без ведома, без участия господина архиепископа и без его согласия избирают и совет города (*in consilium civitatis*) своих сограждан, которые не присягали на верность ни городу, ни церкви, так что, за исключением некоторых присяжных шеффенов, сам город управляется советом неприсягавших; а между тем, когда подобное случалось во времена блаженной памяти архиепископа Энгельберта, он сам брал [власть в свои руки], отвергая это и осуждая такое беззаконие.

44. Поскольку в городе Кельне существуют различные братства различных специальностей (*diversorum officiorum diverse sint fraternitates*), богатые горожане (*potentes cives*) сами, без участия самого архиепископа и без его решения, избирают в магистры своего братства наименее состоятельных, в результате чего получается, что богатые, подкупая [магистров братств], заставляют покрывать правонарушения и проступки некоторых членов братств, а с других своих взыскивают и вымогают необоснованные поборы (*servitia indebita*), и таким образом притесняются как эти члены братств, так и избранные магистры.

45. Также указано (*proponit*), что если пришельцы (*advene*) или чужаки (*extranei*) привозят товары в город Кельн, пусть никакой доносчик ничего против них не предпринимает, а также пусть не распространяет о них какие-либо слухи; однако есть разные люди из горожан Кельна, которые вымогают [у приезжих]

кого-либо, называют их товары крадеными и конфискуют под видом краденного и через это часто незаконно вымогают деньги у виновных (ab innoxiiis), которые в таких случаях вынуждены покупать свои товары.

46. Когда люди самого архиепископа или чужаки приезжают в город Кельн с товарами или просто со своим имуществом (sumptibus venalibus et non venalibus), горожане самовольно конфискуют их добро, а также арестовывают самих людей, говоря, что им должны деньгами или другими вещами, и тащат их к своему судье; из-за чего случается, что сами горожане Кельна и их товары в различных местах за пределами Кельна незаконно арестовываются, а также привлекаются к суду тамошнего судьи, хотя в обоих случаях было бы справедливо, чтобы истец обращался в суд по месту совершенного проступка (forum rei sequatur). А в результате горожане терпят несправедливости, и на одно беззаконие нагромождается другое.

— 47. Поскольку сам архиепископ является высшим судьей и сеньором (summus iudex et dominus) города Кельна, он может любым людям, в услугах которых он в данный момент нуждается, предоставить неприкосновенность и безопасность в пределах города Кельна согласно праву и их заслугам; однако кельнские горожане весьма часто нарушают эту неприкосновенность и безопасность.

48. Поскольку сам архиепископ является высшим судьей и сеньором города Кельна, постольку и сам город Кельн ни в чем не должен и не может без совета и согласия архиепископа и кельнской церкви принимать на себя долговые обязательства в отношении кого-либо; однако кельнские горожане, в нарушение прав самого архиепископа и церкви, зачастую выдают разным лицам открытые обязательственные расписки (litteras obligatorias apertas) с печатью города Кельна.

— 49. По праву архиепископа и по до сих пор сохраняемому кельнскому обычаю принято, что при совершении любых сделок, в которых фигурируют деньги, не должны приниматься никакие иные, но только кельнские деньги, причем последней, новейшей чеканки; между тем горожане весьма часто поступают наоборот, принимая в уплату деньги вместо кельнской — другой монетой и, что хуже, совершая обман в нарушение своего вышеупомянутого права и обычая, например, взимая 12 старых за 10 новых [монет] или 5 лувенских за 2 кельнских, а также многими другими подобными способами часто наносят убытки и вред архиепископу в отношении его монеты.

50. Хотя, согласно праву и обычаям его (архиепископа) кельнских менял, никто, кроме них, не может и не должен покупать в Кельне серебро, однако многие горожане зачастую это нарушают.

51. Магистры горожан вторгаются в пределы прихода св. Северина и незаконно вмешиваются в юрисдикцию настоятеля.

52. Кельнским горожанам нет никакого дела до евреев, ибо только сам архиепископ ведет с ними дела. Ибо этих евреев он держит по праву феода (*in feodo*) от империи; и как архиепископу принадлежит право взимать с них подати, так ему же положено исправлять и наказывать их проступки.

53. Право получать имущество пришлых людей, которые умирают в Кельне, принадлежит камерарию архиепископа, и от дохода с этих имуществ камерарий поставляет на кухню архиепископа перец; но поскольку горожане оспаривают и нарушают права камерария на пришлых людей, они тем самым нарушают права архиепископа, и камерария и обоим причиняют ущерб в их доходах.

Все вышеперечисленное излагает кельнский архиепископ и утверждает, что в этом ему нанесен ущерб кельнскими горожанами.

Когда все это было изложено и принято нами, арбитрами кельнские горожане передали нам свои претензии в таких словах:

1. Город Кельн утверждает, что господин архиепископ, вопреки праву и привилегиям этого города, издал некогда (*quandoque*) постановление о том, что за его, архиепископа, долги кельнские горожане ни за что, ни про что могут быть схвачены или даже взяты в заложники; мы можем это доказать и подтвердить множеством фактов.

2. Далее, поскольку на этом основании горожане Кельна много раз бывали незаконно схвачены в пределах его герцогства, приходилось у него же добиваться освобождения этих горожан, он же в этом вопросе вместо того, чтобы проявить к нам справедливость, часто проявлял небрежность и нерадивость, так что арестованные фактически выпущены были выкупаться любым способом, к стыду и самого господина архиепископа, и города; а некоторые из них даже умирали из-за этого заточения; мы можем подтвердить это множеством фактов.

3. Далее, архиепископ, вопреки праву и свободе города, — мы не скажем, что он это делает сам, но он это допускает, — что горожане за их дела и сделки, которые они совершают в городе, вызываются в суд вне города, а порой из-за ничтожных причин провоцируются акты протеста (*quandoque pro causis frivolis appellantur ad pugnam*). Все это мы тоже можем подтвердить фактами и доказать.

4. Архиепископ, вопреки праву и свободам города, заставляет своих слуг у многих людей на улице отнимать серебро без оплаты его стоимости, из-за чего многие горожане Кельна были схвачены

и взяты в заложники в других областях. И это подтверждается фактами.

5. Архиепископ, вопреки праву, древнему обычаю, свободе и привилегиям не только города, но и кельнского диоцеза, приказал чеканить новую монету, а ранее согласился и разрешил пороть деньги (*denarios depravari*) в отношении их полновесности и чистоты.

6. Вопреки праву и т. д. архиепископ не только не уничтожил, как должен был и как мог, тяжкое преступление порчи монеты (*grave dispendium adulterinas monetas*), и не только в Кельне, но и по всей своей земле, например, в Аттендорфе, Вильберге, Зигене и других местах, но, как полагают, даже дал разрешение делать это где угодно. Это очевидно (*sicut apparet*).

7. Архиепископ заставляет кельнских горожан лично являться в Нойс, дабы клясться, что то, что они хотят провезти там без уплаты торговой пошлины, есть их собственные вещи (то есть, не товары, купленные для перепродажи), хотя эта клятва была прислана еще в Кельне, в присутствии магистра горожан, что засвидетельствовано городским актом.

8. Он (то есть архиепископ) разрешает иноземным купцам (*foraneos mercatores*) плавать вверх и вниз по Рейну дальше границ, установленных истари.

9. Необходим общий пересмотр отношений (*integra pacis reformatio*) между господином архиепископом и городом Кельном, ибо горожане желают получить возмещение за некие действия (архиепископа — имеются в виду факты незаконного ареста и обложения кельнских горожан), чему они могут представить достаточно доказательств.

10. Архиепископ и его официалы много раз получали возмещение и денежные штрафы с тех, кто грабил и чинил беззакония в отношении кельнских горожан. но самим ограбленным и потерпевшим убытков не возмещали.

11. Многократно архиепископ, получив деньги (то есть, взятку от ответчика), не судил там, где должен был, а желал судить там, где не должен, — это может быть подтверждено фактами.

12. Архиепископ захватывал некоторых наших сограждан, хотя он не должен притеснять город и горожан из-за чего-либо, если не предъявит им своих претензий за шесть недель до этого.

13. Камерарий архиепископа захватывает и присваивает имущество некоторых умерших горожан; мы можем доказать это на фактах.

14. Архиепископ допускает и разрешает, чтобы за одно и то же дело некоторых горожан привлекали и к светскому, и к церковному суду; это явствует из многих фактов.

15. Господин архиепископ забирал некоторых людей из общественной тюрьмы, которая называется haite, и приказывал вывести их в Кельн и за пределы Кельна, и заставлял вступать в поединки, а затем им, побежденным, объявлял, что над ними был совершен суд.

16. Господин архиепископ разрешил насильственно изъять из казны залогов, положенные по решению суда в возмещение нанесенного ущерба, и чинил препятствия шеффенам, чтобы они не возбудили судебного дела по этому поводу.

17. Архиепископ приказал возводить замки и укрепления в ущерб и убыток как городу Кельну, так и кельнскому диоцезу.

18. Архиепископ часто делает так, чтобы, вопреки праву и свободе города Кельна, заменить светский суд церковным.

19. Архиепископ взимал с горожан незаконные торговые пошлины.

20. Евреи были грубо и без судебного предписания вытаснены [из своих домов], помещены в дом Петра de Sgripin, а затем заперты в тюрьму.

21. Он (т. е. архиепископ) разрешил открывать таверны для продажи вина в оградах монастырей и на их иммунитетных территориях.

Все вышесказанное, что следует после статей нашего достопочтенного отца и господина кельнского архиепископа, кельнские горожане выдвигают против достопочтенного отца и господина архиепископа и утверждают, что во всем этом они от него терпели несправедливости.

Мы же, вышеназванные арбитры, получив все эти претензии и посоветовавшись с опытными юристами и другими почтенными людьми и тщательно обсудив пункт за пунктом, об отдельных статьях определили наше решение следующим образом.

К 4 [пункту]. К тому, что выдвигает наш благочестивый отец и господин архиепископ против шеффенов, — что молодые не должны быть избираемы в коллегию шеффенов, — нам представляется, что они не должны быть избираемы, разве что они пригодны по возрасту и душевным качествам, при которых, по своим способностям и навыку, они могут искать и выносить решения. С другой стороны, нам представляется, что незаконнорожденные не должны быть избираемы, если их заслуги в честности и благоразумии не возмездят им то, что отнято у них рождением, и если они не будут признаны законными. О преступных нам представляется, что заподозренные или обвиненные в преступлении не должны быть избираемы в шеффены. Подобным же образом, совместно с горожанами, мы считаем, что никто не должен быть избран в скабинат за деньги или поговору.

К 5. Мы считаем, что каждый шеффен в скабинате, когда пред-

вмешательству судья, обязан выступать в качестве члена судебной коллегии и предлагать свое решение; уклониться от этого он может только по уважительной причине.

К 9. И к тому, что по сложным делам шеффены должны объявлять приговор в течение трех дней: мы заявляем, что должно быть сохранено то предписание достопочтенного отца Гугона, кардинала — пресвитера св. Сабины, о котором ясно написано в соответствующем документе.

К 11. В компетенцию шеффенов или каких-либо светских судей не входит расследовать или судить об имуществе или лицах, относящихся к ведению церковного суда; и если таковые лица когда-либо были вписаны в книги шеффенов (мы считаем, что это может быть сделано только для памяти), это не дает им права вести расследования или выносить судебные решения об упомянутых лицах или их имуществе.

К 12. Судьи, которые законно и достойно назначаются на определенное время, должны находиться в судах; если же не делают этого, они должны быть отстранены от должности бургграфом или фогтом согласно решению шеффенов, подобно тому, как каждый отстранил бы своего нерадивого заместителя. А если фогт или бургграф к такому отстранению отнесется небрежно, архиепископ, предварительно напомнив им, может сам отстранить таких судей.

К 13. Относительно того, что шеффены не могут требовать отсрочки в суде, где решаются малые или большие дела в присутствии кого-либо судом; тем не менее они могут добиваться отсрочки, когда дело рассматривается в присутствии архиепископа, за исключением тех случаев, которые предусмотрены в постановлении господина Гугона.

К 14. Мы одобряем возражение горожан, а именно, кто обвинит невинного, должен быть наказан согласно решению шеффенов.

К 45. Не требуется вмешательства шеффенов, если судья и истец пришли к соглашению.

К 33. Из общего права (*ius commune*) следует, что нельзя избирать шеффенов, если нет вакантных мест.

К 34. Если место в скабинате вакантно, шеффены обязаны собраться и избирать [нового шеффена], если же отнесутся к этому с небрежением, они могут быть принуждены к тому самым господином архиепископом.

К 38. Этого не должно быть никаким образом.

К 39. Мы заявляем, что всеобщим обычаем края и города является правило: во всех решениях меньшинство подчиняется большинству; и мы это одобряем.

К 40. Те, кто выносят решение в первой инстанции, не могут судить по делу об апелляции перед господином архиепископом.

К 41. Мы заявляем, что должен соблюдаться такой обычай и что судьи и шеффены не могут требовать с апелланта законный и установленный обычаем залог в том, что он будет до конца вести апелляционный процесс. Но, с другой стороны, мы провозглашаем вместе со всеми шеффенами, что пусть никто при вступлении в скабинат не делает никаких затрат, кроме тех, каковые приняты издавна, а именно: 8 блюд, когда скабинат приглашен к общему обеду. И мы осуждаем опасный обычай зажигать свечи ясным днем и другое подобное, что способствует последующему разорению и служит более чванству, чем чести скабината.

К 1 и 2. Верно, что высшая власть, как в делах духовных, так и в светских, принадлежит господину архиепископу. Однако как для дел духовных, так и для светских, существуют судьи, имеющие юрисдикцию под ним и от него (*sub ipso et ipso*), и чиновники (*officiali*), которые называются магистрами горожан и, по издревле сохраняемому обычаю, избираются братством, каковое называется Рихерцехе, приносят присягу действовать и соблюдать некие постановления, которые содержатся в соответствующих грамотах. Мы постановляем, что если они [судьи и магистры города] действуют и соблюдают, в соответствии с буквой присяги, которую они приносят при назначении, то пусть все это остается в силе к вящему благу и пользе города. Однако, если они (да не будет этого!), станут нарушать свою присягу, что, увы! случается весьма часто, пусть прибегнут к двойной присяге, а именно: во-первых, присягнут перед лицом всех горожан в том, что будут верно соблюдать наши предписания, а во-вторых, присягнут перед шеффенами при избрании в магистры горожан; и за нарушение такой двойной присяги с них может взыскать церковный судья, имеющий юрисдикцию в городе; за преступление же пусть судит тот, кто на то имеет право. Поскольку действительно народ Кельна (*populus Col.*) многократно жаловался на плохое управление магистров города и из-за них коммуна (*communitas*) до сих пор ввернута в большой беспорядок, причина которого нам видится в том, что избиратели, не взвесив заслуг тех, кого избирали на срок, чаще избирали по просьбе и подкупу, а те, кто на срок избирались в магистры горожан, делали большие затраты в пользу как шеффенов, так и братства, называемого Рихерцехе, а также в пользу некоторых иных особых лиц, из-за которых впоследствии они вынуждены были обращать свое управление им на прибыль, — то мы определяем и постановляем: те, кто избирают магистров горожан, пусть приносят коллективную присягу в том, что не будут избирать ни по просьбе, ни через подкуп, ни в силу родственных связей или приятельских отношений, но только по справедливости

...есть таких, которые благодаря своей совести будут наиболее полезны обществу; те же, которые избираются на срок, не будут нести никаких расходов ни на пиры, ни на подарки, ни на что-либо другое, из-за чего им позднее пришлось бы, противу бога и добродетели, отнимать что-то у невинных; — кроме тех расходов, которые установлены, — вином и воском, как о том сказано в ответствующей грамоте и издревле соблюдалось, а именно, что они дают 6 фунтов воску тому, кто ведает службой магистра горожан, 2 фунта — кому-либо другому из братства Рихерцехе, и один секстарий вина тому, кто до тех пор служил магистром города, и один секстарий — кому-либо другому из того же братства. Мы также определяем, что не дозволено этим самым магистрам горожан вымогать что-либо у братств (*fraternitatibus*) или у других лиц, пользуясь той должностью, на которую они назначены. Той же точки зрения мы придерживаемся и о тех чиновниках, которые по старинному обычаю избираются в приходах; они там судили и судят от имени своей организации, которая в просторечии именуется *bürgeriethe*: их избрание, как мы постановляем, должно совершаться без подкупа и сговора. Мы считаем, что это должно соблюдаться при избрании магистров горожан и всех прочих должностных лиц, ибо в избираемых следует учитывать заслуги честности, а не размер подкупов. Также мы прибавляем, что братства, согласно древнему обычаю, как избирали прежде, так пусть и впредь избирают себе тех, кого называют магистрами братств, благодаря которым сдерживаются неумеренные [члены] братств; и вольно им избирать вышеупомянутых магистров либо из числа членов самого братства, либо из числа других горожан, к их братству не относящихся. Мы также прибавляем к этому, что братства не могут устанавливать для своих товаров твердую цену при продаже или покупке. Также мы осуждаем вредный обычай, который они имеют между собою, именуемый монополией, а именно: от каждой марки, полученной с их торговых сделок, какую-то сумму денег они вкладывали в общую казну, каковую они называли общей прибылью (*lucrum*) братства; когда бывает необходимо, то купец, связанный с ними, оказывается вынужденным дешевле продавать им и дороже у них покупать.

К 3. Мы постановляем, что арестованные могут содержаться под стражей только в тюрьме г-на архиепископа. Мы, однако, прибавляем, что если кто-нибудь посажен в тюрьму за долги, он через определенное время по решению шэффенов может быть передан кредитору в качестве слуги.

К 16. Некоторые из людей архиепископа могут быть арестованы и привлечены к суду бургграфа и фогта.

К 17. Горожане Кельна не могут создавать никаких союзов и сообществ (*confederationes et obligationes*) во вред архиепископу

и церкви. Но законные союзы и сообщества, не причиняющие ущерба г-ну архиепископу и церкви, могут быть образованы.

К 20. Дела относительно ростовщичества, клятвопреступлений, прелюбодеяний, браков, наблюдения за браками и относительно другого подобного, само собою разумеется, надлежит расследовать исключительно в церковном суде. О драках в праздничные дни или в священных местах, о ложных мерах и о тех делах, которые в просторечье называются *тешоиф* и каковые должны быть обжалованы в синодах, мы постановляем, что они должны рассматриваться как церковным, так и светским судей.

К 19. Мы поддерживаем возражение горожан, что никого и ни в каком случае нельзя преследовать [в судебном порядке] без достаточного основания.

К 22. Статуты и налоги они [т. е. городские богатеи] не могут составлять в убыток или в ущерб г-ну архиепископу, приорам и клиру; а если когда-нибудь они совершат что-либо, в чем цехи (*fraternitates*) и прочий народ (*populares*) посчитают себя обремененными, пусть прибегнут к суду г-на архиепископа, если пожелают, а он будет обязан обеспечить им справедливое судебное разбирательство.

К 23. Мы постановляем, что для сбора податей от городской коммуны должны избираться из числа достойнейших и наиболее заслуживающих доверия горожан несколько человек из числа шеффенов, от братств и несколько из прочих горожан, под охраной каковых пусть то, что собрано, будет опечатано и хранится под тремя замками; и они будут обязаны поочередно четыре раза в год пересчитывать [казну] и отчитываться, так, чтобы через каждые три месяца производился пересчет и отчет. При этой проверке обязаны присутствовать 12 человек от шеффенов, 12 от мастеров братств и 12 от прочих горожан, под чьим наблюдением и доверием все пересчитывается, дабы все, что будет получено, затрачивалось только на общую пользу.

К 24. Нам не нравится, что до сих пор сохраняется обычай, а именно, что никто не может быть обвинен в фальшивомонетстве, если только он не схвачен с фальшивыми деньгами в руках; однако мы не можем изменить этого обычая. Но если бы г-ну архиепископу, совместно с шеффенами и другими из тех, кто заинтересован, было бы угодно установить нечто более эффективное, то нам представляется, что это было бы выгодным для общества.

К 28. Полагаем, что об этом решено выше.

К 26. Мы постановляем, что магистры горожан никому не должны предъявлять какое-либо обвинение по наговору: ни того, что называется *unwoinde*, не применять к невинным, и не начинать следствия, если никто не прибегнет к ним с жалобой, — разве только в отношении тех лиц, против которых среди людей

нительных и почтенных идет дурная слава. Если они не будут соблюдать такого порядка, то пусть, кто будет оскорблен, обратится с жалобой к г-ну архиепископу, а он пусть немедленно распорядится предоставить пострадавшему законное судебное разбирательство магистров горожан.

К 27. Официалы, существующие в приходах, не должны прешать числа, сохраняемого издревле.

К 28. Решено выше.

К 29. Этого не должно быть.

К 30. Все общественные дороги и улицы как в городе, так и круг него, в пределах городских рвов или за их пределами, а также пути и дороги, подступающие со всех сторон к воротам города, а также все рвы должны быть свободны и никем не загромождаться.

К 31. Как мы определили в предыдущих статьях, светские не должны вмешиваться в дела о церковных людях и имуществе, и если поступит жалоба, то церковный судья должен определить, какому суду надлежит ее рассматривать, — церковному или светскому, так как во всех делах духовное должно предпочитаться светскому, и даже законы светских государей не считают для себя достойным подражать священным канонам.

К 32. Мы одобряем настояние горожан о том, что кто бы ни обвинялся для себя составления письменного акта, он должен уплатить то, что принято издавна, — разве что ему простится по милости. Мы, однако, прибавляем, что не должно путем дорогостоящих отсрочек или из-за отсутствия чиновников вымогать у кого-либо сверх положенного.

К 35. Против публично ославленных в злоупотреблениях архиепископ может возбуждать расследование и судить, даже если никто не жалуется, ибо, по слову апостола, под покровом злодейства никто не может рассчитывать на свободу.

К 36. По поводу первой части этой статьи мы подтверждаем то, что определили выше; добавляем лишь, что совершают обман, рассматривая тяжбы на 5 солидов, и на 5 солидов и т. д. Мы заповествуем, что ни этого, ни чего-либо подобного не должно быть, ибо то было бы насмешкой над высшей юрисдикцией.

К 37. Определено выше.

К 42. Это определено выше в подобной статье.

К 43. Из тех, из числа которых по древнему обычаю принято выбирать от коммуны горожан, пусть будут приняты в городской совет некоторые почтенные и благоразумные (*probi et prudentes*) граждане, которые присягнут, что они, согласно своей совести, будут верно соблюдать то, что выгодно обществу (*rei publice*), не пытаясь делать ничего в ущерб г-ну архиепископу и церкви.

К 44. Определено выше.

К 45. Это определено выше в подобной статье.

К 46. Как сказано выше, некоторые из людей архиепископа могут быть арестованы, и подобным образом же — из чужестранцев.

К 47. Г-н архиепископ сам должен придерживаться того, что записано в его распоряжениях.

К 48. Решено выше.

К 49. Мы одобряем настоящие горожан, что чеканка других монет не должна быть разрешена в Кельне, но только кельнской монеты, и что нунции г-на архиепископа пусть следят за монетой и пресекают то, что найдут отличным от кельнской монеты, и если найдут такого ослушника, пусть взыщут с него пеню по древнему статуту (*ab antiquo tsatuta*). Добавим также, что выгоднее будет, если кельнские горожане станут подчиняться нунциям г-на архиепископа, согласно тому, как практиковалось издревле.

К 50. За исключением менял г-на архиепископа, никто не должен покупать серебро, разве только для пользования иноземных купцов или для изготовления ювелирных изделий, о чем мы знаем от некоторых горожан.

К 52. Евреи полностью находятся в ведении архиепископа, однако, если сам архиепископ издаст какое-то распоряжение городу и евреям [которое так или иначе связывает их] или — кому-нибудь из горожан, мы утверждаем, что будет справедливо, чтобы он сам придерживался этих распоряжений.

К 53. Мы заявляем, что это должно происходить так, как сохраняется согласно праву и древнему обычаю.

К тому же, о чем заявляют кельнские горожане, мы постановляем:

К 1. Этого не должно быть никаким образом, потому что, конечно же, г-н архиепископ должен защищать своих [подданных], а не передавать их в чужие руки.

К 2. Мы одобряем возражение г-на архиепископа, а именно, если какой-либо кельнский горожанин будет захвачен кем-то и если жалоба надлежащим образом дойдет до г-на архиепископа, он обязан сразу же оказать справедливость тому, кто настаивает на своем иске, согласно праву и положению, как архиепископскому, так и герцогскому.

К 3. Покуда кельнские горожане готовы подчиняться суду архиепископа или его судей, он не должен допускать или терпеть, чтобы за сделки, совершенные в Кельне, или по поводу их [горожан] имущества, находящегося там же, их вызывали бы в суд за пределами Кельна или принуждали к поединку. Если же кто-либо из приезжих даст понять, что он боится вести дела в Кельне, то г-н архиепископ должен взять его под свою защиту, согласно его праву.

К 4. Купцы, прибывающие в кельнский дистрикт, должны об-
тывать серебро на кельнскую монету. Если они этого не сдела-
ли, они могут быть арестованы людьми архиепископа. Но если
они будут арестованы, их серебро должно быть передано на мо-
нхский двор, и после совершения обмена им разрешается свобод-
но уйти с теми деньгами, которые они получают за свое серебро.

К 5 и 6. Кельнская монета не должна чеканиться нигде, кроме
рода Кельна, и г-н архиепископ не должен разрешать, насколь-
ко это зависит от него, портить монету. Однако монета портится,
когда в Кельне или других местах в той же форме она чеканится
более легкого веса или меньшей чистоты.

К 7. Клятва должна быть приносима в том месте, где взима-
ется пошлина, если только она из милости не взимается в Кельне.
Однако, если кельнские горожане выскажут обоснованные опасе-
ния, то они могут через выбранного поручителя, который покля-
нется от их имени, быть защищены в Нойсе; каковой гарант даст
свою клятву: одну, что хозяин имущества не осмеливается
идти в Нойс из страха, а другую, — что это имущество при-
надлежит именно тому кельнскому горожанину, чьим гарантом он
является.

К 8. Мы подтверждаем, что это положение должно сохранять-
ся согласно древнему обычаю, как со стороны г-на архиепископа,
так и со стороны кельнских горожан.

К 9. Мы провозглашаем, что сохранность мира должна быть
охраняема как со стороны архиепископа и его сторонников, так и
со стороны горожан и их сторонников.

К 10. Этого никоим образом не должно быть, и если нунции
или нибудь такое возьмут, г-н архиепископ должен устроить так,
чтобы они возместили [взятое].

К 11. Г-н архиепископ пусть вершит суд равный для всех, не
приговаривает никого, не освобождает за деньги виновного и не осуж-
дает невиновного, зная, что есть [люди], отвергнутые богом, ко-
торые за дары оправдывают нечестивого и лишают правосудия
аведного.

К 12. Если г-н архиепископ захочет обвинить кого-либо, он
сначала должен выяснить истину и выслушать его, прежде чем осу-
дить. Но если тот откажется высказать истину или представить
определение, то г-н архиепископ может наказать его за непокор-
ность обоими мечами (*utroque gladio*). Так как горожане ссыла-
ются на обязательства и грамоты г-на архиепископа, мы поста-
вляем, что г-н архиепископ в этом и во всем другом должен со-
блюдать обязательства и грамоты, дабы дела его не расходились
словами и не было бы основания для противоположных суж-
дений.

К 14. Это определено выше в подобной же статье. Ибо некоторые, каковые относятся к тому и другому [т. е. и к церковному, и к светскому] судам, а некоторые, напротив, только к церковному, другие — только к светскому. И если тех, кто относится к одному из вышеназванных судов, архиепископ прикажет вызвать и в тот, и в другой суд, то это будет нарушением права, чего мы провозглашаем — не должно быть.

К 15. Поскольку г-н архиепископ есть князь (princeps), преступников, схваченных в пределах кельнского архиепископства, он должен предоставить суду в Кельне; однако, если судья не может осуществить свой суд в Кельне, от воли князя зависит судить виновных в другом месте, где он пожелает. Тех же преступников, которые схвачены вне кельнского епископства и каковых он ни к чему-либо приведет в Кельн под охраной, он имеет полное право отправить, куда пожелает, и там судить.

К 16. Мы провозглашаем, что подобное ни в коем случае должно иметь места, но то, что кладется на определенный срок, должно быть сохраняемо с гарантией для тех, кто положил.

К 18. Ни та, ни другая юрисдикция не должны мешать друг другу.

К 17. Рассуждать об этом не входит в компетенцию кельнских горожан; но мы бы хотели предостеречь г-на архиепископа, чтобы он был осмотрительнее и не разрешал возводить укрепления, которые могут быть истолкованы в ущерб церкви, ему самому, городу и земле [т. е. епископству].

К 19. Г-н архиепископ не должен этого делать.

К 20. Выше об этом уже было сказано.

Также мы единодушно провозглашаем, что магистры горожан или другие могущественные горожане (potentes cives) не повинуются на пивоварение и продажу пива, на помол зерна, на продажу мяса и рыбы, а также на что-либо подобное, вопреки установлениям города, и не попытаются ничего умалить (diminui) из того, что обычно разрешается, или помешать этому.

Так как все это определено в соответствии с вышеназванными претензиями, мы предлагаем в сих наших установлениях обеим сторонам, чтобы все это, согласно нашим предписаниям, они, поклявшись, верно соблюдали и приложили свои печати к установлениям для вечного соблюдения вышеназванного.

Кроме того, пусть будут подвешены и другие печати, дабы эта грамота о третейском соглашении сохранялась прочнее. Мы, вышеназванные посредники, также провозглашаем закрепленным на вечную память наши предписания и третейские решения защитой наших печатей.

третейский приговор оглашен в кельнском дворце в присутствии множества клириков и мирян, как горожан, так и иноземцев. Год господний 1258, под покровительством святых апостолов Петра и Павла.

СПОР МЕЖДУ АРХИЕПИСКОПОМ ЭНГЕЛЬБЕРТОМ II И ГОРОДОМ КЕЛЬНОМ (1264 (1265) г., 8 МАРТА)

Мы, Готфрид, кельнский декан; Вернер, настоятель св. Герен-генрих, настоятель св. Апостолов; Альберт, викарий кельнского епископа: Гертман Лейфберский, Вильгельм Штальбургский, Винрих Винтрский и Герлах из Хамерстена, кельнские каноники; Вильгельм, граф Юлихский, Рорих Ренинбенский, Герард Цикронский, виночерпий Матиас, Ламберт Рейнбахский, Рейнхарт Гартский, Адам Фрегенский, Теодерих Кербусгский и Винрих Геймский, рыцари, которым благочестивый отец и господин наш Энгельберт, божьей милостью архиепископ кельнской церкви, с одной стороны, и судьи, шеффены и кельнские горожане со другой стороны, поручили рассмотреть распрю, каковая была и есть между нашим господином архиепископом, судьями, шеффенами и именованными горожанами из-за пленения господина (архиепископа) и других неприятностей, которые горожане причинили ему, предложив нам рассмотреть [суть спора] и вынести единодушное решение, каковое они должны твердо и неукоснительно соблюдать с обеих сторон; мы ставим всех в известность, что, стремясь тщательным образом к разрешению такого рода распри, и дабы то, что мы поставили, соблюдалось (обеими) сторонами, а относительно отдельных статей, единодушно согласившись с написанным, мы определяем и объявляем наше распоряжение в следующих словах.

Во-первых, мы решаем и объявляем, что судьи, шеффены, городские магистры и кельнские горожане пусть явятся на встречу с нашим господином архиепископом между Юденбургель и Гусольц босыми, безоружными и с непокрытыми головами, и, потершись на земле, пусть просят у него прощения и добиваются его милости.

Далее, те 37, которых господин архиепископ назвал и объявил вне закона, пусть идут впереди всех, по двое, и несут мечи в ножнах выше своей шеи, и босые, безоружные и с непокрытыми головами вместе с другими пусть просят прощения.

Далее, как вышеназванные 37, так и судьи, шеффены, городские магистры и кельнские горожане пусть поклонятся, что заставляли своего сеньора, не подумавши, и поскольку убедились, что поступили дурно, скорбели и глубоко раскаялись, и до сих пор скорбят и раскаиваются, и всегда будут скорбеть и раскаиваться.

ваться, и своим послушанием всегда будут стремиться сделать так, чтобы господин архиепископ предал забвению этот проступок.

Наш господин архиепископ от чистого сердца обещает забыть всю неприязнь и негодование, каковыя он питал из-за его пленения и других несправедливостей, причиненных ему вплоть до сегодняшнего дня кельнскими горожанами и их сообщниками, как духовными, так и светскими, и особенно теми 37-ю, которые были вызваны и объявлены им вне закона.

Пусть наш господин архиепископ отменит приговоры о церковных отлучениях, каковыя он вынес кельнским горожанам и их сообщникам, как духовным, так и светским, и пусть вручит с этим свои полномочные грамоты.

Пусть наш господин архиепископ подобным же образом отменит интердикт, который он наложил на город Кельн и на земли сообщников города Кельна, и помимо этого пусть вручит им свои полномочные грамоты.

Господин архиепископ и впредь пусть ничего не предпринимает по своей воле в отношении этих горожан — ни отлучений, ни интердикта — против самих людей или местности, и пусть не добивается, чтобы было предпринято нечто подобное.

Пусть наш господин архиепископ в отношении того, что в подобном случае предпринимается папским престолом, а также в отношении иного, что может случиться, вместе с капитулом и кельнскими приорами смиренно умоляет господина папу, чтобы он милосердно поступил с этими горожанами.

Пусть господин архиепископ вместе с приорами и капитулом напишет господину папе и кардиналам, что он примирился со своими кельнскими горожанами, и что они просили прощения за пленение его и прочие обиды, причиненные ему, и предоставили ему и кельнской церкви достаточное и почетное возмещение.

Когда господин архиепископ впервые въедет в Кельн, пусть названные 37 мужей выйдут к нему навстречу перед воротами св. Северина босые, неподпоясанные и с непокрытыми головами, неся в руках розги, и пусть идут впереди него вплоть до его дворца.

Пусть 18 из 37 названных мужей отправятся в Люттих и пробудут там три недели, одну — у церкви св. Ламберта, вторую — у церкви св. Петра, третью — у церкви св. Мартина, и пусть пройдут впереди процессии, с непокрытыми головами, босыми и неподпоясанными, неся на своих шеях розги, и там же пусть просят прощения, простершись на земле. На четвертое воскресенье пусть идут в Тонгерен, на пятое — в Утрехт, на шестое — в Аахен и там пусть шествуют впереди процессии в больших соборных церквях тем же образом, как [описано] выше, а потом пусть возвра-

в Кельн, так, чтобы в пути, при остановке и при возвращении они находились бы под защитой господина архиепископа. Далее, когда названные 18 возвратятся в Кельн, 9 из оставшихся 19-ти пусть прибудут в Бонн в одно воскресенье и в монастырь Эфферен в другое воскресенье и в течение этих восьми дней пусть непрерывно находятся за пределами Кельна, и пусть идут впереди процессии таким образом, как [описано] выше, а после, вернувшись в Кельн, пусть выберут монастырь, и не выйдут, пусть находятся в нем пятнадцать дней.

После того, как названные 9 вернутся в Кельн, оставшиеся 10 пусть отправятся в Карпену в первое воскресенье и в Нойс в второе воскресенье и подобным же образом пусть находятся за пределами Кельна в течение этих восьми дней, и пусть идут впереди процессии, как сказано о предшествующих, а затем, вернувшись в Кельн, пусть войдут в монастырь, который выберут, и не выходят оттуда в течение 15 дней, и как эти 10, так и вышеназванные 9 пусть находятся под защитой нашего господина архиепископа в пути, при остановке и при возвращении.

Когда господин архиепископ впервые въедет в Кельн, названные 37 мужей пусть покаются за пределами Кельна так, как сказано выше: 18 из них пусть войдут в два или три монастыря, какие выберут, и не выходят оттуда до тех пор, пока наш господин будет [находиться] в Кельне, если только он останется в пределах Кельна не более 15 дней, а когда эти 15 дней пройдут, пусть выходят свободно; если же господин архиепископ покинет город в течение этих 15 дней, они могут свободно выйти, однако, таким образом, что, пока названные 18 будут находиться в монастырях, оставшиеся 19 пусть не показываются господину архиепископу на глаза.

Когда же господин архиепископ во второй раз въедет в Кельн, оставшиеся 19 пусть уйдут в два или три монастыря, какие выберут, и не выходят оттуда, покуда господин архиепископ будет находиться в Кельне, если только он не сделает остановку более чем на 15 дней; когда эти 15 дней пройдут, пусть выходят свободно; если же господин архиепископ сам уедет в течение 15 дней, они могут свободно выйти из монастырей, однако же так, что, пока названные 19 будут [в монастырях], другие 18 пусть не показываются господину архиепископу на глаза.

После того, как названные 37 совершат покаяние за пределами Кельна, пусть они в течение 10 воскресений подряд ходят в городе перед процессией, обходя по порядку церкви по их достоинству, босые, распоясанные и с непокрытыми головами, неся на своих шеях розги, и, находясь перед процессией, простершись на земле, пусть добиваются прощения. Но пусть они не совершают этого покаяния, пока не возвратятся в божественный Кельн и

смогут беспрепятственно входить и возвращаться для того, чтобы совершать в Кельне покаяние такого рода, если случится, как сказано выше, что они будут находиться в монастырях.

Далее, пусть они (37) возместят ущерб, нанесенный им по существенным действиям архиепископскому иммунитету, в ответствии с тем, как мы, вышеназванный старший декан и граф Юлихский, установим.

Как следует поступить с домами, в которых г-н архиепископ содержался как пленник, пусть об этом объявит граф Юлихский.

То, что было похищено у господина архиепископа и его людей, когда он был пленен, пусть возвратят или уплатят им гласно распоряжению графа Юлихского и рыцаря Герарда Ланцкронского.

Все то, что было присвоено с той и с другой стороны в время перемирия между нашим сеньором и кельнскими горожанами, пусть будет возвращено или уплачено согласно распоряжению графа Юлихского и рыцаря Герарда Ланцкронского.

За то, что было присвоено или уничтожено во время фальшпод чьим-нибудь предводительством, пусть ответят и дадут удовлетворение те, кто позволил себе предводительство такого рода, а наш сеньор пусть соберет их для этого.

Если Готфрид Фризгеймский хочет находиться в распоряжении графа Юлихского и рыцаря Герарда Ланцкронского, то пусть он будет включен в это соглашение, не то сам архиепископ делает то, что сочтут нужным сделать граф и Герард.

О господине Герлахе Изинбургском мы приказываем, что если с помощью графа Юлихского и Герарда Ланцкронского будет доказано, что господин архиепископ незаконно взимал его, Герлаха, пошлины около Бонна и Кемпена и в других местах, пусть сам архиепископ вернет эти пошлины согласно нашему предписанию и распоряжению в соответствующих имениях, местах, границах, однако таким образом, чтобы впредь [Герлах] владеть своим феодалом безопасно и спокойно. Если же будет установлено, что названные пошлины взимались архиепископом законно, то [Герлаху] ничего не причитается, и тем не менее он впредь останется во владении своим феодалом.

Что касается тяжбы, которую наш сеньор архиепископ имеет с кельнским фогтом относительно покупки фогтства, то граф Юлихский и Герард Ланцкронский пусть тщательно доисследуют истины и вынесут решение как найдут нужным; как г-н архиепископ, так и фогт пусть это их решение соблюдают. Иначе оный фогт будет включен в ту часть [этого] соглашения, которая касается горожан.

То, что было присвоено с обеих сторон до того, как началось война путем поджогов и грабежей между нашим сеньором и ю

ельскими горожанами, пусть будет возвращено с обеих сторон
полностью распоряжению графа Юлихского и рыцаря Герарда
Ваннкронского.

Что касается долгов, каковыми прежний архиепископ, г-н Кон-
рад, был обязан Иоганну, сыну Марсилия, и его братьям и дру-
гим кельнским горожанам, что пусть наш г-н архиепископ оные
долги выплатит, в соответствии с тем, как это будет сочтено
наиболее разумным и согласовано.

Кельнские горожане, которые при уплате торговой пошлины
были задержаны за свои долги около Нойса и которые имели
в этом соответствующие грамоты нашего сеньора и кельнского
капитула, пусть будут освобождены и вновь введены во владен-
ие имуществом, которым владели до войны.

Что касается сыновей и кровных родственников Петра де
Брун, то, поскольку они были включены в ранее составленные
оглашения, а к этому [соглашению] они менее всего относятся,
даже г-н архиепископ и впредь считает их своими вассалами, а
они пусть подчиняются условиям соглашения и не противодей-
ствуют, иначе он заставит их самих отказаться от их феодалов и
перестанет принимать их под свою защиту и помогать им.

Наш господин архиепископ, сколь может, пусть приложит ста-
рание, чтобы как старшие, так и младшие кельнские горожане
пребывали все вместе в согласии; пусть наш сеньор и горожане
не слушают никого, кто предлагает или стремится внести в их от-
ношения нечто [такое], из-за чего между ними вновь может раз-
виться раздор, и если будет сделано нечто, что разжигает раз-
дор, пусть [архиепископ] по доброй воле постарается пресечь это.

Вильгельм с Хунтгассе, Герман Рыбак и близко связанные с
ними, каковые не были включены в соглашение, совершенное в
капитале св. Андрея, пусть отныне переберутся на жительство
в пределы кельнского диоцеза, и господин архиепископ сам пусть
допускает, чтобы, оставаясь в диоцезе или появившись в нем
иногда, они причинили какое-либо неудобство или беспокойство.

Пусть господин архиепископ охраняет и защищает своих го-
рожан в соответствии со своей властью в своем дистрикте.

Пусть господин кельнский архиепископ сохранит для горожан
для города Кельна его права и привилегии, их издавна суще-
ствовавшие вольности и обычаи.

Пусть г-н архиепископ освободит кельнских горожан от по-
шлины торговой пошлины у Нойса, как полнее об этом сказано в
провозгласительной грамоте Альберта, — позднее ставшего реген-
бургским епископом, а тогда — проповедника кельнской соборной
церкви, — Госвина, кельнского декана, Генриха, настоятеля церк-
ви св. Северина, и Филиппа, кельнского казначея. Об этом полнее
скажется в вышеперечисленных грамотах.

Если господин кельнский архиепископ будет взимать в своем дистрикте — на земле и на воде — пошлину с имуществ кельнских горожан, каковые [имущества] они провозят в условиях опасности и под угрозой убытков, и, если они клятвенно засвидетельствуют, что это имущество принадлежит им, — пусть он не взимает и пошлины.

Поскольку горожане в результате указанной и многих прешествующих распрей впали в пропасть недоимок, от которых смогут избавиться без взимания чрезвычайного налога, то мы приказываем и провозглашаем: пусть наш господин архиепископ подождет, куда кельнские горожане введут этот налог, уменьшат или увеличат его, как найдут нужным, и соберут полностью недоимки, оставшиеся от времени блаженной памяти Конрада, бывшего архиепископа кельнского, а также и те, что накопились за время правления и нынешнего нашего господина Энгельберга, и по какому бы случаю они ни были признаны горожанами, пусть будут полностью выплачены в соответствии с справедливой и разумной раскладкой, каковую нужно учинить под наблюдением лиц, достойных доверия, которых назначат для этого наш сенешаль и горожане. Однако при этом пусть горожане не будут взыскивать с духовных лиц и монахов пивные деньги и деньги, которые называются *malpenning* (харчевые деньги?). И когда таким образом долги [т. е. недоимки горожан] будут выплачены, чрезвычайный побор более не будет взиматься.

Далее, поскольку в грамотах господина Конрада, бывшего кельнского архиепископа, изданных с взаимного согласия и доброй воле кельнской церкви, приоров, горожан и всего города Кельна и скрепленных печатами архиепископа, и кельнского капитула, и подтвержденные в каждом слове Фридрихом, римским императором, в которых оный архиепископ признал и одобрил права и обычаи этого города, то отсюда следует, что как оный архиепископ, так и названная церковь и приоры признали и признают тот древний и согласный с правом обычай, что ни один кельнский горожанин за правонарушение или преступление, совершенное или якобы совершенное в самом Кельне или в границах городской черты, каковые называются *burgan*, ни самим архиепископом, ни его преемниками не будет вызван в суд в Кельне, и пусть никем к тому не принуждается, но тот же архиепископ или его преемники должны заседать в Кельне в своем дворце, и там вершить суд согласно тому, что следует из решения шэффенов. Мы постановляем и провозглашаем, чтобы черные вызовы и проскрипции, которыми господин архиепископ некоторых кельнских горожан вызывал в суд вне города и объявлял вне закона, ни одному из этих горожан не причинялось бы ущерба в их правах — ни ныне, ни в дальнейшем, — чтобы из-за тако-

рода вызовов самим господином архиепископом или кем-либо другим этим горожанам не причинялся какой-нибудь убыток или беспокойство. Мы постановляем и провозглашаем, что, поскольку или кельнский сеньор и кельнские горожане, а также их союзники с той или другой стороны во всем выступают согласованно, то в отношении тех граждан и их пособников с ними, которые были вызваны в суд господина архиепископа в Бонне, где, как говорят, все уже приготовлено для такого суда над ними, какой в просторечье называется *der deide schuldige* (предрешенная виновность), пусть это дело будет полностью прекращено.

Далее, пусть кельнские горожане добросовестно содействуют господину архиепископу, чтобы в пределах городов Кельна для клжлого был справедливый судья.

Далее, пусть кельнские горожане, в целом и каждый по отдельности, добросовестно стараются, чтобы монета господина архиепископа улучшалась, пусть блюстители его монеты улучшают ее, как и положено по обычаю, и если в соблюдении монеты они встретят препятствие или противодействие, пусть сами горожане приложат усилия, чтобы наш сеньор добивался принятого до его времени возмещения и наказания.

Пусть кельнские горожане соблюдают по отношению к нашему сеньору и кельнской церкви, сколько у них есть, права свои и привилегии, вольности и свои признанные обычаи.

Если двое или трое или более из числа кельнских горожан предпримут нечто такое, из-за чего причинят нашему сеньору ущерб, то пусть наш сеньор не торопится из-за этого сразу ссориться со всем городом, но предпримет преследование такого рода [лишь] в отношении тех горожан, которые действовали против него, разве что весь город не вовлечет себя добровольно в такое дело. Подобным же образом, если кто-нибудь из подданных или близких людей нашего господина архиепископа совершит что-либо против кельнских горожан или кого-нибудь из них, пусть они не возбуждают дела об этом случае против господина архиепископа, но пусть при содействии самого господина архиепископа добиваются возмещения причиненных им несправедливостей, — разве что сам господин архиепископ не вовлечет себя в это дело.

Пусть захваченные с той и с другой стороны будут свободно отпущены и освобождены от обвинения.

Для того, чтобы все изложенное — в целом и в каждом отдельном пункте — незыблемо соблюдалось обеими сторонами, мы постановляем и провозглашаем, что как вышеупомянутый господин архиепископ, так и кельнские горожане пусть просят господина Вильгельма графа Юлихского и вышеназванного (рыцаря) Герарда Ланцкронского, чтобы они принесли присягу в том, что

они деятельно примут на себя вверяемое им дело соблюдения всего вышеизложенного; и если случится, что во всем или в отдельной части наш господин архиепископ или сами горожане выступят против этого нашего предписания, или же одна сторона причинит другой ныне несправедливости, мы приказываем и провозглашаем, чтобы тот же наш господин архиепископ и упомянутые горожане предоставили полную власть и свободу действий графу Юлихскому и Герарду Ланцкронскому для пресечения таких несправедливостей, так что, если они будут уведомлены грамотой одной из сторон, каковая заявит, что они причинены несправедливости, пусть граф Юлихский и Герард Ланцкронский в течение 15 дней после получения этой жалобы по долгу присяги вступят в Кельн, если только не будут задержаны болезнью или явной необходимостью из-за кровных родственников или по воле своих сеньоров. И после того, как они войдут в Кельн, пусть тщательно расследуют причину правонарушения, и в течение последующих 40 дней с ним покончат так, как они найдут пущим: либо на основании документов, либо согласно показаниям заслуживающих доверия свидетелей, по правилам правосудия или по взаимному соглашению, если только не будут задержаны каким-либо из вышеназванных препятствий. Если же по причине такого рода препятствий они не смогут в течение названных 40 дней расследовать и разрешить данное дело, то мы приказываем и постановляем, что наш господин архиепископ и горожане пусть тем не менее условливаются сохранить за названными графом и Герардом полную власть и свободу действий для расследования и прекращения возникшего дела как можно скорее и без всякого обмана, как они должны были это сделать в течение упомянутых 40 дней. И прежде чем они расследуют и разрешат возникший спор, по закону ли или по взаимному согласию, пусть ничто, — будь то со стороны нашего господина архиепископа или со стороны горожан, или со стороны их людей, которым они могли бы это позволить, — не склонит их к насилию или к задержанию подозреваемых.

Если же кем-нибудь из них — господином архиепископом или горожанами — это будет сделано или допущено, то мы провозглашаем, что та сторона, которая совершит такие насилия и аресты или позволит своим людям их совершить и, будучи предупреждена другой стороной, не отменит этих действий, будет виновна в нарушении настоящего соглашения.

Мы постановляем и провозглашаем, что если названный Герард Ланцкронский отправится в паломничество или, сохранив господи, умрет, тогда сам господин архиепископ по совету названного господина графа пусть назначит на его место другого должного мужа, который от самого господина архиепископа пусть

имеет такую же власть и свободу действий, какую имел выше-
названный Герард. Если же сам граф отправится в паломниче-
ство или, сохрани, господи умрет, то пусть кельнские горожане
по совету названного Герарда назначат на его место другого
достойного мужа, который от них пусть имеет ту же власть и
свободу действий, какую имел названный господин граф.

И пусть наш господин архиепископ и кельнские горожане
попросят мужей, назначенных вместо графа Юлихского и Герарда
Линцкронского, чтобы они принесли клятву, и этой клятвой пусть
обязжут себя выполнять то, что должны были выполнять указан-
ный граф и Герард.

Что же касается того решения относительно возникших неу-
рядиц, которые примут вышеназванные господин граф Герард
Линцкронский или те, кто будут поставлены вместо них, то пусть
наш господин архиепископ и кельнские горожане всецело выпол-
няют это решение, как если бы оно было принято ими самими.

Если какая-либо из сторон выступит против вышеизложенно-
го в целом или в отдельных пунктах — и если граф и Герард
Линцкронский, или те, кто будут назначены вместо них, при-
нимают и объявляют ее виновной, и если она в течение 40 дней
после их предупреждения откажется исправить свою вину, то
пусть тогда обе стороны, а именно наш господин архиепископ
и названные горожане, четко согласятся, чтобы декан и кельн-
ский капитул лично или через открытое письмо уговорили ви-
новную сторону исправить свою вину. Если же и тогда винов-
ная сторона не исправит своей несправедливости, пусть будет
дозволено декану и кельнскому капитулу — вопреки недовольству
этой стороны — своею публичной грамотой объявить ее виновной,
где бы и когда бы ни потребовала этого та сторона, которой
была нанесена несправедливость, так, чтобы было ясно, что ви-
новная сторона не выполняет предписания вышеназванных госпо-
дина графа и Герарда или лиц, их замещающих.

Если наш господин архиепископ откажется соблюдать наше
предписание или распоряжение вышеназванных графа и Герарда,
как о том ясно сказано выше, то пусть знатные мужи Вальрам,
герцог Лимбургский; Теодерих, граф Клевский, если можно по-
просить, — Вильгельм, граф Юлихский, Адольф, граф Бергский,
Оттон, граф Нассауский; Вальрам, брат вышеназванного графа
Юлихского; Теодерих, сеньор Фалькенбургский и Теодерих, сень-
ор Гейсбергский, — пусть открыто и действительно выступают против
[архиепископа], помогая названным горожанам советом и воору-
женной силой. И пусть ни советом, ни действием не поддерживают
[архиепископа] ни Андернах, ни Бонн, ни Нойс, ни другие архи-
епископские города, кои он может попросить об этом. Ранним
образом ни советом, ни действием пусть не оказывают ему помо-

щи его вассалы: Генрих, фогт Андернаха, и рыцари Арнольд и Иоганн, бургграфы в Хаммерштейне; Теодерих, бургграф Ринке и тамошние жители, стольник из Ара и тамошние жители; Адам Фрегенский, стольник из Гарта, и тамошние жители; Теодерих, фогт из Леггениха и тамошние жители; Ламберт, фогт Боши, и жители Гудигсберга; Конрад Эльфервельдский, стольник из Голштадена, и тамошние жители; Иоганн Гуртский, стольник из Ицинборга, и тамошние жители; Теодерих Фольменштейнский и тамошние жители; Готфрид, бургграф в Волькенберге; Рорих Реннинбергский, Герман маршал Альфтерский, виночерпий Матильда из Ара; камерарий Готфрид Бахгеймский, стольник Адам Гарский; вышеупомянутый Герард Ланцкронский и его братья; Ламберт Рейнбахский и его брат Даниэль Бахгеймский, и другой его брат Виприх; Теодерих Кейрбусгский и Рабодо Уденкирхенский.

Если же кельнские горожане откажутся соблюдать наше предписание или распоряжение вышеназванных графа и Герарда, то вышеназванные нобили, а кроме того, господин Герлах Изинбургский; Вильгельм, сеньор Вренце, и его брат Гарперн, Фридрих Бейдбургский; Варнер фон Роде; вышеназванные рыцари, министерпалы или подданные нашего господина архиепископа открыто и активно выступают против кельнских горожан на стороне господина архиепископа.

Равным образом и названные горожане пусть по чистой совести будут терпеть, что названные нобили, города и рыцари в таком случае отказали им в помощи, в подтверждение чего по подобным же образом пусть прибавят свои печати к грамоте примирительного содержания с горожанами, каковая будет иметь силу, скрепленная печатями кельнского капитула и города Кельна.

Мы единодушно согласились и провозглашаем обычаем, что если герцог Лимбургский, Теодорих сеньор Фалькенбургский и сеньор Г. Хеймсбергский откажутся принять на себя обязательства, каковые изложены выше в грамоте о примирении господина архиепископа и горожан, и не пожелают скрепить ее своими печатями, пусть старший декан капитула св. Гереона и вышеназванные настоятели церкви св. Апостолов, а также господин граф Юлихский, Рорих фон Реннинберг и Герард Ланцкронский, определят другую форму безопасности в отношении трех выше названных нобилей, каковая им самим покажется надежной; и если кому-нибудь из них случится отсутствовать, другие 5 пусть примут одного из нас, кого пожелают, на его место.

И пусть обе стороны, как наш господин архиепископ, так и кельнские горожане, приложат свои печати к взаимно согласованной грамоте о примирении и позаботятся, чтобы и кельнский капитул приложил к ней свою печать.

Постановлено и объявлено в кельнском дворце в присутствии
людей, а именно господина архиепископа и вышеназванных кельн-
ских горожан, в год 1264, в воскресенье. В подтверждение чего
приложены наши печати вместе с печатями присутствующих вы-
шеназванных сторон.

Дано в названные годы и день.

ПРАВО Г. АНДЕРНАХА

ПОРЯДОК ИЗБРАНИЯ ШЕФФЕНОВ (16.IX.1171 г.)

Филипп, божьей милостью архиепископ святой кельнской цер-
кви. Мы хотим, чтобы было известно, что в городе св. Петра
и нашем (*in civitate beati Petri et nostra*), а именно в Андернахе,
в течение долгих прошлых лет скабины (*scabini*) избирались
(*electi*) не из лучших, не из богатейших и могущественных (по-
п-х *melioribus, non ex divitioribus et potentioribus*), но простолюди-
нов (*ex humilioribus*) и бедняков (*pauperioribus*) утверждала к
избранию для права выносить решения в суде. Оттого часто слу-
чилось, что в судебном заседании меньше всего соблюдалась дол-
жная строгость правосудия (*debitus iustitie rigor*) и покой мира,
и путь правосудия был запутан в ущерб (*in dampnum*) многим
тем, что пугливый бедняк (*pauper formidosus*), который слу-
чайно был притянут к судебному делу, перед видом и угрозой
силы боялся высказать нужное решение, одинаково уstraшен-
ный смыслом правосудия и закона. Ущерб, нанесенный общему делу
(*reipublice maleficia*), не наказывался, преступления оставались
безнаказанными, к негодованию собравшихся и обратившихся в
суд, и, чтобы не страшась прибегали к справедливому суду, мы
заботились благочестиво исправить к лучшему испорченный обы-
чай и опасные перемены. Тогда, посоветовавшись с приорами кельн-
ской церкви и со знатными мужами страны, которые тут при-
сутствовали, по просьбе этого города мы разрешили совету (*con-
silio*) иметь 14 скабинов, выбранных из наиболее благоразумных,
наилучших и могущественных (*ex prudentioribus, melioribus, et
potentioribus*), мужей несомненно честных и незапятнанной репу-
тации (*vires nimirum probatos et illese fame*), и даровали этому
городу права, должные быть утвержденными (*iura dicturos*) по-
становлено, чтобы никто из прежденазванных мужей от этой дол-
жности не отстранялся, за исключением тех, кто или смертию
будет отстранен (*morte preventus decederet*), или перейдет к не-
благоприятной жизни (*ad altiore vitam transiret*), или, отню-

щенный старостью, будет утомлен, или тех, кто, впадши в бедность (*in paupertatem*), будут не в состоянии исполнять эту должность (*hoc officium*). Также пусть названные скабины, прикоснувшись к священной реликвии, дадут клятву, что они будут выносить приговор любому, если они решат, что он справедливый и при этом были исключены всякие уловки, невзирая ни на его должность, ни на вознаграждение (*pec partium pec pretii respectu*), не руководствуясь ни любовью, ни ненавистью (*non favoris vel odii intuitu*), не уstraшенные боязнью и не соблазненные собственной выгодой, и что, воспроизведя обычаи св. матери Кельна и других наших городов, они будут соблюдать, вынося приговор, их права сообразно с законами. Кроме того, мы постановили, что если кому-либо из названных мужей случится отсутствовать (из-за торговых дел или из-за какого-либо препятствия), пусть их отсутствие не будет помехой для вынесения приговора: настолько, что если будет возбуждена тяжба, грозящая смертным приговором (*capitalis questio agitaretur*), и будут присутствовать хотя бы семь скабинов, пусть их судом, по общему согласию, тяжбе будет положен должный конец в соответствии с характером дела. По делам же менее значительным пусть будет достаточно приговора троих или четверых. Также мы сочли достойным даровать им весьма полезную уступку: вместо умершего скабина они могут свободно избирать другого и отклонять возможность возражений против его избрания (*ab ipsis electo contradicendi facultatem predicere*). Также мы решили удостоить их таким правом, что если кто из них, будучи задержан торговыми делами или иной законной причиной, будет не в состоянии присутствовать в законных судебных заседаниях, каковые ежегодно проводятся в присутствии графа и фогта (*coram comite vel advocato ventilantur*), пусть он будет свободен от преследования графа и фогта, если только оплатит нам наше право (*dummodo ius nostrum nobis exsolvisset*).

ПРАВО Г. БРЕМЕНА

ПРАВО ГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ

(а — 28.XI.1186 г., б — 1206 г.)

а) Фридрих, божьим соизволением римский император, Август... Тщательно взвесив честную и ревностную преданность горожан города Бремена (*civium civitates Bremensis*) и желая достойно вознаградить их за верность, мы уступаем им и утверждаем за

родом Бременом те права (*illa iura*), которые блаженной памяти император Карл уступил этому городу по настоятельной просьбе св. Виллегада, первого первосвященника бременской церкви, а именно:

1. Если кто, мужчина или женщина, проживет в течение года и дня в городе Бремене под властью того права, которое в просторечье называется правом городской черты (*wicpilethe*), не будучи никем обвинен в крепостном состоянии, и если после этого срока кто-либо захочет воспротивиться его свободе (*libertati eius violare voluerit*), то, подвергнув молчанию жалобщика, пусть будет разрешено ему (т. е. обвиненному) доказать свою свободу представлением названного срока; за исключением всех людей (херста *omni familia*) бременской церкви и всех церквей, сходных с нею по разряду своего права.

2. Если же кто обвинит человека подобного рода, пусть он (т. е. обвинитель) сначала выставит подобающих поручителей для продолжения тяжбы; и если не сможет преуспеть в своем измерении, пусть успокоит обвиненного и судью в соответствии с правом того и другого.

3. Далее, если кто-либо умрет в пределах городской черты, пусть его наследие (*herwede*) в течение года и дня пребывает под защитой императорской власти в ожидании законного наследника, каковой должен получить это по праву наследства.

4. Кроме того, если кто получит какое-либо наследство (*hereditatem*) в городе Бремене в пределах городской черты и будет владеть им в течение года и дня без возражения со стороны кого-либо, пусть он сам будет иметь большую и более благоприятную возможность для доказательства права на обладание наследством, чем домогающийся его отторжения, за исключением всех участков (*areis*) бременской церкви и церковных имуществ (*reliquarum*), которые отличаются своим правом относиться к ней: разве что сеньор (*dominus*) участка продаст (*vendiderit*) его надежному лицу или своему верному слуге (*nuntii*) за его старания...

б) Я, Хардвик, божьей милостью архиепископ св. бременской церкви. По совету нашего великого капитула, министерялов и горожан мы установили для наших любезных горожан в Бремене, чтобы чья бы жена, находившаяся под защитой городского права, которое в просторечье называется *wiebeleld*, ни умерла, женскую долю ее наследства, которая в просторечье называется *wifgrad*, пусть никто — ни мужчина, ни женщина — не смеет отделять от прочего имущества или домогаться ее, но пусть хранят наследие во владении неразделенным.

ДРЕВНЕЙШЕЕ ГОРОДСКОЕ ПРАВО (1189 г.)

1. По образу других городов на том почетном условии основан Страсбург, чтобы каждый человек как чужой, так и местный уроженец, имел в нем мир во всякое время и от всех.

2. Если кто вне города совершит преступление и из-за страха вины бежит в него, пусть пребывает в нем безопасно. Пусть никто, применив насилие, не наложит на него руку; он же покорен и с готовностью пусть предстанет перед судом.

3. Пусть никто не принесет в него (в город) и не осмелится в нем хранить награбленное или украденное, если не будет готов дать отчет каждому истцу.

4. Пусть никто не введет в город пленника, если не представит его шультгейсу (*causidicus*) или судье (*iudex*), который пусть сохранит его до законного рассмотрения дела.

5. Все должностные лица этого города подчинены власти епископа так, что либо он сам их назначает, либо те, которых он сам поставил. Старшие же будут назначать младших соответственно тому, как они им подчинены.

6. Никому епископ не должен давать общественной должности, кроме тех, кто принадлежит к зависимым людям его церкви (*de familia ecclesiae sue*).

7. Четырех же должностных лиц, на которых лежит управление городом, епископ инвестирует своею рукой (властью), а именно, шультгейса (*scultetus*), бурграффа (*burggravius*), телонеария (*thelonearius*) и магистра монеты (*monete magister*).

О шультгейсе, который называется также *causidiscus*, скажем прежде всего.

8. Шультгейс имеет право назначать двух подчиненных ему заместителей, которых обыкновенно называют судьи (*iudices*), настолько уважаемых, чтобы горожане (*burgenses*), сохраняя свою честь, могли предстать перед ними в суде.

9. Также шультгейсу принадлежит право назначать трех лиц которых называем хеймбургами (*heymburgen*), — одного во внутреннем, т. е. старом, городе и двух во внешнем — и надзирающего тюрьмы, в которой содержатся под охраной преступники.

Таковы же обязанности каждого в отдельности.

10. Шультгейс будет судить за кражу (*furtum*), за *frevela*, за денежные долги (*pro geltschulda*) всех горожан города и всех прибывших в него из этого епископства, если они не противоставят разумного основания для исключения, кроме министериалов церкви и тех, которые принадлежат к зависимым людям (*de familia*) епископа, и тех, которые им назначены на должности.

11. Получает же власть преследовать и наказывать преступников, которую называют банн (bannum), не от епископа, но от фогта (ab advocato). Ибо ту власть, которая — в соответствии с характером преступления — направлена на пролитие крови при решении, отрубании головы, изувечении и тому подобное, духовное лицо не должно ни иметь, ни передавать другому. Поэтому, после того как епископ поставит фогта, император дает ему банн, т. е. право наказания мечом осуждаемых таким образом, и всю власть их преследовать.

12. Так как ее (т. е. эту власть), имеет, следовательно, только лишь в силу фогтского звания, то справедливо, чтобы никоим образом не отказывал в ней шультгейсу, телонеарию, магистру монеты, кого бы ни поставил епископ, от которого он сам держит фогтство.

13. В этом городе, итак, никто не имеет права суда, исключая императора или епископа, или тех, которые имеют судебную власть от него.

14. У судей, которые подчинены шультгейсу, власть судить не распространяется на кражи (furta) или frevelas, но только на денежные долги (in geltschuldas).

15. Место же судов на рынке у св. Мартина. Поэтому никто из тех, на кого подана жалоба, не должен быть вызван в дом шультгейса или судьи, но только в вышеупомянутое общественное место.

16. Если, однако, судьи или шультгейс вызовут кого-либо к себе на дом и те не придут, то за это они не будут виновны (обязаны уплатить) какую-либо композицию.

17. Обязанность надзирателя тюрьмы состоит в том, чтобы бдительно стеречь всех вверенных его охране.

18. Если же кого-либо упустит, вместо него примет вину, если не будет у него отнят силой.

19. Также его обязанность приговоренных к повешению выводить к виселице, завязывать глаза приговоренного повязкой, воздвигать виселицу, приставлять лестницу, подводить преступника к самой лестнице. Тогда только примет его заместитель фогта (vicarius advocati) и, накинув на шею петлю, его повесит.

20. Если же заместитель фогта будет отсутствовать, преступник пусть останется под стражей до тех пор, пока шультгейс об этом деле сообщит епископу.

21. Также если кто получит приговор в отношении кожи и волос, то это наказание пусть осуществит тюремный надзиратель.

22. Если же кто-либо будет приговорен в отношении руки, то тот же тюремный надзиратель возьмет bartam, а заместитель фогта ударит деревянным молотком и отсечет руку.

23. Этот же заместитель фогта будет вырывать глаза, каст

рировать, отрубать голову и выполнять всё прочие наказания соответственно разному характеру преступлений.

24. Также обязанность тюремного надзирателя состоит в том, чтобы так же был послушен телонеарию и магистру монеты (monetarius), как и шультгейсу.

25. Также должен вызывать в суд обвиненных перед шультгейсом или судьями.

26. Способ же вызова таков. Пусть назовет истца и объявит его противнику, что он вызван на суд, либо устно самому ему присутствующему, где бы с ним ни встретился, либо у его дома в первый, второй и третий раз с перерывом в одну ночь (одни сутки).

27. Если, когда будет сделан первый, второй или третий вызов, тот не придет, и посланец судьи докажет, что он сделал эти три вызова, — или по крайней мере первый лицом к лицу, — то тот уплатит судье композицию в тридцать солидов.

28. Будучи же вызван на суд, должен явиться в первое время (т. е. по первому зову?) и, сколь долго судья будет заседать в суде, столь долго будет ожидать истца или уйдет по разрешению судьи. Не должен, однако, судья отказывать ему в разрешении уйти, если попросит. Если же судья обвинит его, что в установленное время не пришел, то он поклянется, что там был или уплатит ему композицию.

29. Шультгейс или судья не должен разбирать в суде никакого дела, за исключением того, с которым обратились к нему. Если же будет уличен, что сделал что-либо помимо судебного порядка и справедливого суда, по закону теряет свою должность.

30. Горожанина, находящегося в состоянии готовности к дороге, т. е. уже входящего на корабль или садящегося на лошадь или в повозку, никто из согорожан не должен задерживать из-за жалобы. Но так как он настолько не заботился о себе, что дело свое отложил до такого крайнего времени, то справедливо, чтобы все, что против того имел, до его возвращения отложил.

31. Если кто обвинит своего согорожанина вне города перед чужим судьей, то из-за этой вины обязан уплатить композицию и судье города и тому, кого обвинил, и возместить ему ущерб, который из-за его жалобы тот понес.

32. Никому не должна платиться композиция, исключая того, кому она присуждена.

33. Всякая же композиция, которая следует за frevela, доходит до 30 солидов.

34. Если кто-либо будет обязан уплатить композицию судье и истцу и ее в определенные сроки не уплатит, то, если дело правильным образом будет доведено до конца, должен содержаться

общественном месте заключения (*publica custodia*), до тех пор, пока заплатит свою композицию сначала истцу, потом судье.

35. Если кто-либо оскорбит другого словом или делом при народе и если оба захотят предстать на суд народа (*ad indicium populi*) судья решит согласно суду и приговору народа. Если же, однако, они не захотят этого, то обвиненный очистит себя проспой клятвой, или же тот (обвинитель) пусть уличит его (докажет его вину) посредством поединка.

36. Если кто-либо без судьи или посланца судьи резко нападет на своего согорожанина внутри ограды его дома или двора, заплатит судье 30 солидов за *frevela*. Тому же, на кого напал, заплатит свое преступление в трехкратном размере.

37. Во всех дворах монастырских братьев или министерялов, в которых они сами лично не будут жить, шультгейс или судья имеет право вызова на суд и принуждения их обитателей.

38. Точно так же шультгейс имеет право судить слуг братьев любого монастыря в отношении их личности (*de ipsis*), а именно, в делах, касающихся торговли, если они занимаются торговлей (*mercatores esse*).

39. Всякий, кто прибудет в город, являясь должником какого-либо человека, если будет обвинен перед судьей, должен быть представлен шультгейсу на суд тем каноником или министерялом, в дом которого он вступил. Если же (каноник или министерял) этого не сделает, то должен ответить вместо него.

40. Из всех композиций, следуемых за кражу (*Furtum*) и *frevela*, две части причитаются шультгейсу, а третья — фогту. При этом должно соблюдать следующее различие. Если композиция будет уплачена фогту, то его право отделить себе третью часть, шультгейсу — две. Сам, именно, пусть получает следуемую ему композицию, и какую сумму при получении композиции он установит — большую или малую, — шультгейс не должен ее ни уменьшить, ни увеличивать, но пусть считает правильной.

41. Наоборот, если композиция будет уплачена самому шультгейсу, его будет право взять две части себе, а третью дать фогту. И, сходным образом, какую сумму композиции сам установит, фогт пусть ее не отменяет.

42. Фогт не должен судить нигде, кроме как во дворце епископа. Если же кого-либо вызовет к себе на дом, то тот, кто не придет, не должен из-за этого платить ему какую-либо композицию.

43. Когда же фогт умрет или когда по какой-либо причине фогство будет вакантно, епископ никакого фогта не должен назначать без избрания и согласия каноников, министерялов и горожан.

44. К обязанности бургграфа принадлежит назначать магистров почти всех officiorum в городе, а именно седельников, кожевников, перчаточников, сапожников, кузнецов, мельников и тех, которые делают винные бочки и кружки, и изготовителей мечей, и которые продают плоды, и трактирщиков. И в отношении них имеет право суда, если в чем-либо прегрешат в своих обязанностях (in officiis suis).

45. Место же суда и наказания их находится во дворце епископа.

46. Если же некоторые из вышеупомянутых окажутся неpokорными бургграфу, то он пусть доведет дело до епископа.

47. К праву бургграфа принадлежит также получение некоторых пошлин, как например, с мечей, которые в ножнах выносятся на рынок для продажи. С других же, которые на кораблях привозятся из Кельна или откуда бы то ни было, пошлину пусть получает телонсарий.

48. Также с растительного масла, орехов, плодов, — откуда бы они ни были привезены и проданы за деньги, — пошлину получает бургграф. Если же они проданы за соль, вино, зерно или какую угодно другую цену, то пошлину пусть поделят бургграф и телонсарий.

49. Помимо вышеназванных, все остальные пошлины принадлежат к должности телонсария. Они же взимаются по-разному.

50. Если кто с одного корабля на другой корабль перегрузит свои товары, с каждого корабля даст 4 денария.

51. Всякий купец (mercator), который пройдет в (через) этот город со своим грузом на вьючных животных, — если ничего не продаст или не купит, — не уплатит никакой пошлины.

52. Если кто-либо из зависимых людей этой церкви (de familia ecclesiae), мужчина или женщина, продаст в этом городе вещи, которые сделал своими руками или которые выросли у него, то не даст пошлины. И если купит что-либо для своих надобностей, чего не будет продавать ради наживы, также не даст пошлины. Если же, однако, кто-либо наклеветает на него, что проданные вещи не выросли у него и не были им самим сделаны, или что он купил их ради наживы, то простой своей рукой пусть себя очистит.

53. Если кто купит или продаст до (менее чем на) 5 солидов, не дает пошлины.

54. С пяти солидов пусть даст монету, с таланта — 4, с лошади — 4, с мула — 4, с осла — 1 денарий.

55. Пошлину с угля и пеньки, каковую епископы до сих пор вносили, равно как плату за винный и печной банн, отныне пусть телонсарий не взимает.

56. К должности телонеария относится удостоверять раскален-
ным железом все меры — малые или большие — для соли, вина,
растительного масла и зерна, сделанные магистром трактирщи-
ком. И он никому не должен их уступать, разве согорожанину
только для измерения амы (амы) вина, или четверти зерна, и при
подобных мелочах и притом бесплатно.

57. Однако, если их [меры] пожелает иметь кто-либо из го-
рожан для своей надобности, то ему дозволяется, но так, чтобы
они были добросовестно и самим лично клеймены телонеарием,
и же, как и каждому из горожан можно иметь в доме свои
собственные весовые гири, так, однако, чтобы они были сделаны
магистром монеты (monetarius).

58. Также обязанность телонеария все мосты нового города —
только их будет нужно — и бургграфа все мосты старого горо-
да строить настолько прочно, чтобы всякий мог безопасно пере-
езжать со своими повозками и вьючными животными. Если же
из-за старости, слишком большой изношенности или какой-либо
неисправности мостов кто-либо потерпит ущерб, то телонеарий
и бургграф должны быть принуждены каждый по своей части
по праву возместить.

Следует об обязанности магистра монеты (monetarius).

59. Он по праву имеет судебную власть в делах относительно
фальшивой монеты и над самими фальшивомонетчиками как в
городе, так и вне его по всему епископству без какого-либо пре-
пятствия со стороны судей.

60. Где бы во всем епископстве он ни нашел фальшивомонет-
чика, пусть доставит его в город и судит согласно судебному
праву города.

61. Монета же должна быть такого веса, чтобы 20 солидов
составляли марку, каковые денарии (т. е. чеканенные из этого рас-
чета) называются pfundig. Та монета, постоянная и устойчивая,
должна обращаться в этом епископстве, если только не будет
подделана. Тогда же по совету (буквально — совещанием) мудрых
людей будет изменена соответственно другой форме, но не другому
весу.

62. Место же чеканки монеты находится около рыбаков. Че-
канить денарии надо в одном помещении, чтобы все взаимно
видели работу рук своих.

63. Никто не должен делать денарии, если не принадлежит к
зависимым людям (familia) этой церкви.

64. В месте, где сидят менялы, никто другой не должен по-
купать серебро, кроме только одних чеканщиков денариев. В
других местах по всему городу пусть покупают и продают се-
ребро все желающие, если это не будет воспрещено из-за че-
канки новой монеты.

65. Когда новая монета чеканится и старая запрещена, считая от дня запрещения, объявляется срок в трижды чиннадцать дней, т. е. шесть недель, в течение которых магистры (monetarius) может всякого, кого захочет, задержать, то, что принимает запрещенную монету. Если же тот захочет отрицать, то cum septima manus поклянется, что он не сделал этого. В противном случае уплатит магистру монеты композицию в 60 солидов.

66. По истечении шести недель никого не должен задерживать, если не увидит, что кто-либо получает запрещенную монету.

67. Если увидит, что кто-либо получает денарий, пусть магистр денарий и ответит его (преступника) в суд и там его обвинит. И если тот будет отрицать вину, с тремя честными людьми пусть уличит его, что получил. И уличенный уплатит ему композицию в 60 солидов. Если же не захочет его уличать, своей рукой себя очистит.

68. Нельзя, однако, никого задерживать, и никто не должен платить композицию, если не за денарии, которые называются rhundig.

69. Если кто перед магистром монеты получит осужденного, будет судиться, как выше описано, перед шультгейсом.

70. Если епископ захочет переплавить серебро своей каморы и из него чеканить денарии, пусть примет его магистр монет и разделит между монетчиками, чтобы из него делали денарии. И если денарии суть rhundig, возвращает с каждой маркой 10 солидов без двух денариев.

71. Если же будут отчеканены в сколь угодно более легкой весе, то все равно всегда сдается с марки на 2 денария монета.

72. Когда епископ приказывает чеканить новую монету, сначала делают 5 солидов той формы и того веса, которая должна иметь в обращении новая монета.

73. Из камеры епископа доставляются угли. На марку дают три сектария углей.

74. Их будет хранить бургграф, сколь долго монета эта длится (будет обращаться), с тем расчетом, чтобы в случае обвинения, что эта монета подделана, посредством тех 5 солидов она была испытана и удостоверена.

75. Магистр монеты также поклянется, что будет чеканить монету того веса и формы, которые имеют те пять солидов.

76. Когда магистр монеты будет возвращать епископу монеты приспособления, в которых делаются денарии, пусть возвратит ему два штампа в форме монет (денариев) и два в форме оболлов. Кроме этого, все остальное полностью возвратит и поклянется, что он не имеет ничего более и не знает, что бы кто имел. При этом формы будут уничтожены и разломаны, и об-

- и возвращены магистру монеты, или же сам магистр монеты при решении епископа удержит их целыми и неповрежденными.
77. Всякий, желающий получить право монетчиков, даст епископу половину марки золота, магистру монеты пять денариев золота, монетчикам 20 солидов тяжелой (полновесной) монеты.
78. Когда епископ пожелает изменить монету, то даст железные приспособления для изготовления монеты на шесть недель.
79. Всякий монетчик, живущий вне города, который в городе имеет серебро, пусть оплатит право монеты.
80. Каждый, кто повредит стены или ров (vallum) города, уплатит бургграфу композицию в 40 солидов.
81. Всякий, кто застроит улицу, также предстанет для уплаты штрафа перед бургграфом. Никому же бургграф не должен давать разрешения.
82. Пусть никто не вываливает навоз или отбросы перед своим домом, если не желает немедленно вывезти их, за исключением предназначенных для этого мест, а именно: около мясных ларей, также около св. Стефана, и также около колодца на конном рынке около места, которое называется Гевиркс.
83. Ров города должен иметь по окружности вне стены в ширину шестьдесят футов, внутри от стены — тридцать футов.
84. Всякий, кто желает выстроить мельницу, пусть просит разрешения у бургграфа и согласия у горожан. Заручившись тем и другим, пусть даст бургграфу золотую монету.
85. Пусть никто не платит пошлины с рогож (или цыновок), кур, гусей, яиц, лука, капусты и других каких угодно овощей, с чаши (scuttelis), с кружек, если не продаст на 5 солидов.
86. Никто не должен иметь в городе свиней, если не поручит их пастуху.
87. Место же, где пасутся свиньи, находится между воротами, которые называются Wallemannus burgetor, и другими воротами ближайшими.
88. К праву епископа принадлежит иметь из этого города 24 посланца (legatos) и только лишь из числа торговцев (mercatores). Их обязанности в пределах только епископства совершать поездки с поручениями епископа к его людям. Если же в то время они понесут какой-либо ущерб — или в отношении своей личности или в отношении своих вещей, которые везли с собой в пути, — епископ должен им возместить.
89. Отдельные из них обязаны ежегодно три раза совершать такие поездки с поручениями за счет епископа. Со стороны епископа им оказывается такая почесть, чтобы при его празднествах, когда он пригласит своих людей, они имели перед ним самым почетные места за столом, чтобы те люди его, благодаря этому, сделались тем более известны.

90. Когда епископ вступит в город, то его лошади должны быть размещены в господской конюшне, которая начинается странноприимного дома (или богадельни) и идет по окружности стены до сада епископа.

91. Если епископ будет иметь больше лошадей, то их возьмут шультгейс или судьи его и конюший и разместят их по домам где обычно находятся пристанища для пришлых людей. Если епископ больше будет иметь лошадей, то по праву не может разместить их в каких-либо других домах города, если не сможет этого добиться посредством просьб.

92. Если же император или король вступят в город, его лошади размещаются всюду.

93. Отдельные горожане должны также ежегодно пять дней работать на господской барщине (*in dominico opere*), за исключением всех монетчиков, которые принадлежат к числу зависимых людей (*familia*) церкви, и за исключением двенадцати среди кожевников, и за исключением всех седельников, и четырех среди перчаточников, и четырех среди пекарей, и восьми среди сапожников, и всех кузнецов, и всех плотников, и мясников, и бочаров винных бочек.

94. На господский двор, находящийся внутри города, шультгейс пусть дает для плугов епископа тринадцать быков, которые получает в случае смерти людей церкви, и одну лошадь, на которой магистр двора (*magister curtis*) будет ездить и возить семена в поле.

95. Даст также 12 свиней и двух боровов, одного для нужд епископа, другого для нужд горожан.

96. Епископ в тот же двор назначает *Stadelarium*, *Stadelarius* даст плуг и борону.

97. Все остальное, что необходимо, пусть предоставит шультгейс, за исключением оплаты и пропитания слуг.

98. Каждый из судей даст во время жатвы пять солидов и магистр мельников один солид, и магистр трактирщиков один солид для покупки хлеба при жатве.

99. И когда будут обмолачивать хлеб епископа, каждому из судей он даст один мальтер зерна, так как судьи и глашатаи (*pregones*) должны стеречь хлеб епископа при жатве, пока идет уборка.

100. Быков, предназначенных для плугов епископа, шультгейс не должен употреблять для других надобностей, разве только для обработки его *Schuchbuze*, но и епископ не должен использовать их на другие нужды, кроме как для своего плуга.

101. Если среди этих быков один или два, или еще более вследствие старости или какой-либо другой причины, кроме за

разной болезни, сделаются не пригодны для обработки земли, то писники обязаны мясо их продать, а деньги отдать шультгейсу. II тем временем никакое другое мясо не может быть продаваемо.

102. Среди кожевников есть 12, которые за счет епископа (*sumptus episcopi*) должны делать (обрабатывать) кожи и изготовить меховые одежды: сколько епископу понадобится. Материал для них магистр кожевников, взяв с собой сколько будет нужно из числа этих двенадцати, пусть купит на деньги епископа в Майнце или Кельне. Если какой-либо ущерб потерпят в дороге как в вещах, так и в отношении плена (т. е. благодаря плену), епископ должен им возместить.

103. Право (обязанность) кузнецов таково. Когда епископ отправится в поход императора, каждый кузнец даст по 4 подковы со своими гвоздями. Из них бургграф даст епископу на 24 коня, остальные удержит себе.

104. Если епископ отправится ко двору императора, каждый кузнец даст по две подковы со своими гвоздями, из числа которых бургграф даст епископу на 12 лошадей, а остальные удержит себе.

105. Кроме того, кузнецы обязаны делать все, что понадобится епископу в его дворце, а именно по части дверей, окон и разных вещей, которые делаются из железа; при этом им дается материал и отпускается продовольствие на все время.

106. Если епископ осадит какой-либо замок, или у него будет осажден замок, то кузнецы дадут 300 стрел. Если епископу понадобится больше, то за его счет (*de sumptibus suis et expensis*) в достаточном количестве пусть доставят.

107. Запоры и цепи для запираания городских ворот, получив общественные средства на расходы, должны делать кузнецы.

108. Среди сапожников есть 8 человек, которые будут давать епископу, отправляющемуся ко двору или в поход императора, чехлы для светильников, *baccinorum et cyphorum*. Все остальное, — что понадобится для вышеуказанного или для осады замков, либо из кожаных мешков, либо *in bustris*, либо из какого угодно соответствующего характеру вышеупомянутых нужд снаряжения, — изготовляемое из черной кожи, пусть делают за счет (*de sumptibus et expensis*) епископа.

109. Четверо среди перчаточников дадут епископу, отправляющемуся ко двору или в поход, сколько будет необходимо белой кожи на чехлы для светильников. Все остальное, сколько будет необходимо для вышеупомянутых вещей и для осады замков, из белой кожи пусть делают за счет (*de sumptibus et expensis*) епископа.

110. Седельники дадут епископу, отправляющемуся ко двору или в поход империи — четыре. Если будет импе

нужду в большем количестве, за счет (*de sumptibus et expensis*) епископа пусть сделают.

111. Когда епископ отправляется в поход или ко двору, то из готовители мечей должны чистить мечи и шлемы *vicedomini*, ко нюшего, дворецкого, виночерпия, камерария и всех необходимых и повседневных слуг епископа. Кроме того, если окажется, нужным, будут чистить охотничьи копыя епископа.

112. Кружечники пусть гыделывают все кружки, в сколькои будет иметь нужду епископ или при своем дворе, или при дворе императора, когда император к нему прибудет, или, отправляясь ко двору императора, за счет (*de sumptibus et expensis*) самого епископа. Магистр же бочаров даст древесный материал. Кроме этого, ежедневно будет давать дерево кружечникам епископа.

113. Бочары, получив древесный материал от своего магистра и обручи и связки у казначея епископа, пусть сделают все в чем будет иметь нужду епископ, находясь дома, или император или императрица, — когда будут присутствовать здесь, — для бани своей и, кроме этого, для кухни и для нужд виночерпиев. Точно так же и когда епископ отправляется ко двору, все то доставляя за счет (*cum sumptibus et expensis*) епископа. Кроме этого, винные бочки епископа — малые и большие — будут связывать (очевидно, набивать обручи) за его счет (*cum sumptibus et expensis*).

114. Право (обязанность) трактирщиков по понедельникам чистить отхожее место епископа и амбар, если он этого захочет.

115. Мельники и рыбаки обязаны возить епископа по воде куда бы он ни пожелал, между Рустом и Виллетором. Лодками их будет снабжать в нужном количестве телонеарий. Весла они приносят свои; и до епископского сада они отводят лодки — так же как ранее отправлялись туда — за счет епископа. Рыбаки дают двух гребцов, мельники третьего. Если они погубят суда по своей небрежности, пусть заплатят. Если же суда будут отняты у них силой, то ущерб возместит епископ.

116. Рыбаки должны ловить рыбу для нужд епископа в промежутки времени между рождеством св. Марии и праздником св. Михаила ежегодно в течение трех дней и трех ночей со своими снастями, — когда вода будет более благоприятна — в Рейне между Виллетором и Рустом, в Альзе вплоть до Эберсгейма, в Брейше вплоть до Маллегейма, в Шуттере вплоть до Мербурга, Кинциге вплоть до Кинндорфа за счет епископа. В этих пределах никто пусть не осмелится их исключать от какой-либо воды (и права ловить рыбу), исключая воду, которая *sub claustris constituta est*.

117. В Брейше от верхней стены города до нижней около

св. Стефана пусть никто не осмелится ловить рыбу без разрешения епископа или его дворецкого.

118. Плотники по понедельникам должны выходить на работу епископа за его счет (*sum expensis ipsius*). Когда самым ранним утром придут на место перед дворцом, пусть не осмелятся уходить до звона колокола, в который ударили к ранней обедне. Если тем временем не будут взяты на работу епископа, то свободные в тот день пусть уходят. Они не могут быть принуждаемы идти на работу для кого-либо другого, кроме епископа.

ВТОРОЕ ГОРОДСКОЕ ПРАВО (1214 г.)

Во имя святой и нераздельной троицы. Аминь. Да будет ведомо всем верующим во Христа как ныне живущим, так и будущим, что горожане (*cives*) города Страсбурга, разумнейшие и достойнейшие (*sapientiores et honorabiliores*) приверженцы правосудия и справедливости, собрались, ведомые разумом, и с согласия и по совету господина епископа, фогта (*advocati*) и всех высших обитателей (*majorum colentium*) постановили записать этому городу следующие установления (*hec instituta statuentes*):

1. Установлено, чтобы двенадцать — или более, если будет необходимо, почтенных и достойных лиц (*honeste et ydonee persone*), разумных и выдающихся как среди министерялов, так и среди горожан (*tam inter ministriales, quam inter cives*), ежегодно были назначаемы (*ponantur*) консулами (*consules*) города. Из них пусть будет избран один магистр (*magister*) или два (если будет нужно), которые все поочередно пусть присягают добросовестно во всем укреплять честь церкви, епископа и города, защищать город и горожан высших и низших, богатых и бедных (*cives majores ac minores, divites ac pauperes*) от всякого зла и судить во всем справедливо согласно истине.

2. Пусть они для совершения суда заседают еженедельно дважды, а именно в третий и в пятый день недели, разве что по причине праздников день пропустят. Пусть магистр правильно судит (*vere judicabit*), консулы выносят решение.

3. Никто из консулов не должен передавать чьи-либо разговоры или без разрешения магистра и судебных заседателей выходить из суда для совещания с каким-либо своим другом.

4. Нельзя, чтобы одновременно избирались консулами отец и сын или два брата.

5. Всякий раз, когда должны разбираться сложные дела, в присутствии епископа или в ином месте, — пусть сперва соберутся консулы, и если дело потребует, на совет пусть будут созваны скабины (*scabini*).

6. Консулы же пусть судят не согласно праву области, которое называется *landrecht*, но согласно истине и нижезаписанным установлениям города.

7. Установлено, чтобы всякий, кто кого-либо оскорбит словом или насилием и в этом будет уличен двумя или тремя свидетелями в присутствии совета города, был оштрафован суммой в 30 солидов денариями (*triginta solidos denariorum componat*) и, не имея на все его просьбы, пусть он пребывает вне города столько долго, покуда не уплатит эти 30 солидов и не удовлетворит обиженного (*leso*).

8. Всякий, кто кого-либо лишит волос, избьет кулаком или иным образом без пролития крови, если будет уличен двумя свидетелями, уплатит 5 фунтов.

9. Если же кто ранит кого-либо оружием и будет схвачен пусть находится под публичной защитой вплоть до смерти раненого или до заживления раны и затем будет наказан в соответствии со своей виной.

10. Если раненый умрет, виновный пусть будет предан смерти. Если же он избежит смерти, за пролитие крови виновнику, решением, данным в присутствии шультгейса, — пусть будет отсечена правая рука *in supro*.

11. Если же виновник убежит, то, если он имел собственность или наследство (*proprietatem vel hereditatem*), дом его пусть будет разрушен или, если консулы и шультгейс захотят, дом пусть станет общим (*communis*) и будет открыт для всех, открыв окна и двери, покуда владелец не вернет дружбу пострадавшего и не уплатит штраф консулам, шультгейсу, фогту и городу.

12. Пусть также уплатит консулам 5 фунтов, шультгейсу и фогту — 30 солидов.

13. Если же он не имел ни собственности, ни наследства, его движимое имущество (*bona rei mobilia*) пусть будет отдано во власть совета, чтобы затем судьи и сам пострадавший получили удовлетворение.

14. Всякий раз, когда в присутствии консулов будет назначен штраф за мелкие проступки (*frevela*), правосудие в этом случае пусть принадлежит шультгейсу и фогту, и штраф поэтому пусть взимается в суде в их присутствии.

15. Каждый, кто, войдя в чужой дом или двор, оскорбит словом или действием хозяина или его семью, и если хозяин, в усердии (т. е. в гневе?) защищая себя, выберет ему наказание и ранит его, никакому штрафу или наказанию из-за того пусть не подвергается. Если же раненый захочет доказать свою невиновность и пожалуется на хозяина у судьи, пусть хозяин очистится от обвинения в суде только присягой (*sola manu*).

16. Если кто даст судье стрелу (*calamum*) вместо воздаяния

emendatione) и по забывчивости вонзит ее в руку судьи, и ни станет его из-за этого преследовать, пусть уплатит судье тот проступок 9 денариев.

17. Люди монастырей (*sanctorum*) и других церквей, каковыются (*gaudent*) иному праву, пусть несут наказание, которое является *wette*, под присягой в суде у судьи согласно их принадлежности и праву (*secundum pertinentiam et jus eorum*).

18. Тот же, кто не захочет присягать, пусть уплатит за каждую *wette* 8 денариев. Если же кто-либо будет изобличен в суде своим свидетелем, он уплатит 2 солида.

19. Каждый, кто лично соберет группу (*ducatum*) для насильственного захвата своего согорожанина в его собственном доме, пусть уплатит за себя самого штраф, как за мелкие проступки (*levele*), в тройном размере. А каждый из его соучастников пусть уплатит 30 солидов.

20. Если между горожанами возникнет какое-либо разногласие и ссора и из-за этого случится стечение народа, пусть никто не берется за оружие, пока не предстанет сначала перед монахом святой девы в присутствии судебных заседателей (*consiliiariis*) и не получит там их решения. Судебные же заседатели обязаны браться за оружие ради блага мира и для утишения раздора.

21. Итак, за исключением последних, каждый, кто возьмется за оружие вне своего дома для помощи своим друзьям, пусть уплатит городу 5 фунтов штрафа. Если же не будет их иметь, пусть будет изгнан из города, пока не уплатит штраф согласно решению консулов.

22. Далее, постановлено, что если кто-либо из жителей области осмелится обидеть или нанести вред кому-либо из наших горожан — его личности или имуществу — и если обидчик войдет в город прежде, чем уплатит штраф, пусть он (т. е. отомстивший) принуждается из-за этого ни к какому штрафу, если только жалоба была раньше подана судебным заседателем (*consiliiariis*) и объявлена ответчику.

23. Далее, благоусмотрением всех пусть будут избраны и назначены (*electi et statuti*) скабины (*scabini*), люди честной жизни доброй славы, которые должны при избрании поклясться в присутствии консулов, что они всегда будут осуществлять свидетельскую функцию, согласно истине, во всем, что увидят и услышат.

24. Они же должны привлекаться свидетелями в продаже и покупке, в займах и платежах должников и во всех делах. И прежде же не следует принуждать их к клятве по какому-либо делу, но пусть будут опрошены на основании их первой клятвы.

25. Если же кто-либо, мужчина или женщина, в присутствии двух или трех свидетелей, или в присутствии двух членов совета (*consilii*

duobus, qui sunt consilio) признает свой долг кредитору, а затем в случае какого-либо спора один из них станет отрицать, пусть он (т. е. должник) будет изобличен только одним свидетельством какого-либо из двух вышеназванных мужей в присутствии советника или судьи, и уличенный пусть уплатит консулам карруту (santam) вина и фунт денариев, шультгейсу и фогту 30 солидов, 5 солидов тому скабину, свидетельством которого он был уличен, по той причине, чтобы реже прибегали к нарушениям клятвы, каковые слишком часто совершались в суде за недоказанностью вины (ex incognito).

26. Жены же, которые до сих пор не имели обыкновения лачивать долги своих мужей, отныне будут обязаны уплачивать уличенные свидетельством, те долги, которые были объявлены им кредиторами в присутствии скабинов-свидетелей.

27. Кроме того, установлено, что если кто-либо в городе пожелает прибегнуть к призыву свидетелей для доказательства долга, то он не может угрожать своему должнику поединком, **тот, дав клятву, пусть останется невредимым (innoxius).**

28. Наконец, каждый, кто будет ночью ходить с ножом и иным оружием, пусть будет наказан как подозреваемый в злодеяниях, если не сможет оправдаться законным образом.

29. Установлено также, что никто из наших горожан, которые имеют пекарни (pistrina), не должен в праздник св. Мартина приносить своим пекарям вино или иные подарки и на рождество, или в другие праздники приглашать их к трапезе.

30. Подобным же образом, кто имеет каменотесов (lapicidas) или каретных мастеров (carpentarios), пусть не приглашает их к обеду и к трапезе в праздничные дни.

31. Каждый, кто нарушит это постановление, давая подарки или приглашая к трапезе (dando vel recipiendo), уплатит горю 20 солидов.

32. В пределах города никто не должен держать (букв. — кормить nutrire) свиней вне своего дома. И каждый, кто захватит свинью, бродящую по улице без присмотра, пусть задерживает, если захочет, пока не получит 6 солидов от владельца.

33. Те же из горожан, которые называются лодочниками (nautae), пусть бесплатно перевозят туда и обратно всех наших горожан, богатых и бедных, как их самих, так и лошадей, на которых они едут, и так проворно, чтобы никто не мог их обвинить, что они помешали выгодному делу (luculenta occasione) и задерживают его самого. Тот же, кто будет в этом уличен, пусть уплатит горю 20 солидов.

34. Купцы, а также наши горожане, пусть платят установленную плату за перевоз (nautum institutum) скота или иных паров, которых они не могут нести сами или везти на конях,

пором едут сами. За свою же персону, будь они верхом или пешим, ничего не платят.

35. В качестве вознаграждения за этот труд установлено, чтобы никто никого не перевозил, кроме вышеназванных лодочников, которые получили право перевоза (букв. — перевоз, *portum*) от синодина фогта.

36. Мясники никоим образом не должны выставлять на продажу недоброкачественное или финнозное свиное мясо в помещении мясных рядов, но только вне помещения.

37. Запрещено выставлять и продавать вино на лодках по реке Брейше или на телегах против монастыря до заутрени (*ante primum*).

38. Те, которых называют *zolnere*, не должны вступать на козлы иначе, чем по просьбе и решению наших горожан.

39. Также не допускаются и окончательным решением с общесогласия запрещено, чтобы кто-либо из наших горожан, мужчина или женщина, приносили в дар свое имущество, расположенное в городе (*bona sua, que in civitate sunt sita*), чужаку (*illeri*) вне города, в области (*in provincia*), но делали это только в городе, публично, в присутствии почтенных мужей (*congratius vestris vitris*).

40. Когда бы ни пришли господа (сеньоры, *domine*) в любой город, если там в это время будет жонглер (*joculator*), хозяин дома платит городу 1 фунт, если жонглер не пришел в город из области вместе с гостями.

41. Бондари (*cuparii*) должны изготавливать бочки до сорока (*amas*) и без коры (*sine spint*).

42. Никто в городе не должен находиться в толпе в панцире (*loricis*) или в ином вооружении (*alia armatura*).

43. Нельзя продавать одно вино после другого в тот же день, той же цене, в том же погребке или в таверне. Каждый, кто нарушит это правило, пусть уплатит городу 20 солидов.

44. Также тот, кто станет отмеривать вино незаконно (т. е. правильной мерой), пусть будет сброшен *de scupa* в навоз, а винник, кому принадлежит вино, пусть даст талант.

45. Далее, запрещены следующие обычаи, а именно: посетительские кольца, обручальные кольца (*annuli visitales, annuli nuptiales*) и всякие дары, которые, случается, раздают вместо денег.

46. Также запрещены денарии, которые давались женщинам в родах и которые назывались *hantgiftphennige in natalibus*, так, чтобы никто, ни мужчина, ни женщина, не осмеливались давать кому-либо денарий, за исключением своей семьи, члены которой живут в его доме.

47. На свадебном пиру не должно оставаться за столом более

чем 8 мужчин и 8 женщин, приглашенных поровну от той и другой родственной стороны, и 4 жонглера — мужчин, а не женщин. Никакой иной жонглер, мужчина или женщина, пусть допускается, и подарки им пусть не подносят.

48. Каждый, кто будет иметь на свадьбе больше, чем рашено мужчин, женщин или жонглеров, или осмелится раздвинуть кольца, пусть пребудет в течение месяца вне города, за поличным столбом, и не войдет в город, пока не уплатит консулам 5 фунтов.

49. Если же какой-либо жонглер, мужчина или женщина, придет без приглашения есть за столом у кого-либо, пусть хозяин дома даст в наказание 10 солидов, а слуги судей (*servientes iudicum*) получают одежду жонглера.

50. Если же кто-либо из наших горожан дерзнет преступить или нарушить какое-либо из вышеназванных установлений, пусть в наказание уплатит 10 фунтов денариями, половина из которых поступит в пользу (букв. — делу, *operi*) города, а другая половина — консулам города и стражам (*custodibus*) названных установлений.

51. Стражей назначают 4-х ежегодно при обновлении городского совета, а именно 2-х из консулов и 2-х из скабинов, каковые пусть поклянутся ревностно охранять предпосланные установления.

52. Если во время войны кто-либо из наших горожан уйдет со своим оружием в другой город без разрешения магистра горожан и совета и с чужими горожанами выступит и станет действовать, уплатит 5 фунтов штрафа и будет отлучен от нашего города.

53. Если кто-либо, пожалуясь магистру (*magistri*), предвещавшую ему рану (*lesionem*) или ущерб (*offensam*) и быв вторично обижен из-за принесенной жалобы, тот, кто содействовал безрассудству, пусть уплатит городу тройной штраф, а именно 15 фунтов, за новое нарушение порядка, и каждый из его соучастников уплатит 5 фунтов.

54. Когда между нашими горожанами будут иметь место и распря (*ira et contentio*) и магистр с консулами прикажет благо мира соблюдать перемирие (*treugas*), каждый, кто противится магистру и не пожелает соблюдать перемирие, если консул или скабин, пусть будет отстранен от чести своей должности (*ab honore sui officii*). Всякая же иная персона, не консул и не скабин, пусть уплатит 5 фунтов и будет на год изгнан из города.

55. Судьи города должны заседать в суде при первом звонке к заутрене. Обвинители же (*pulsati*) пусть приходят в суд, не закончен второй звон к заутрене, и затем могут уйти

если в течение этого времени обвинитель не придет, он уплатит штраф судье.

66. Серые сукна (*panni grisei*), которые не имеют ширины в три четверти локтя (*in altitudine duarum ulnarum et quartali unius alne*), должны быть сожжены. И если к сукну будут подчесаны волосы (*crinibus*), оно также должно быть предано огню. И у приезжих купцов не должно покупать сукна меньшей ширины и с примесью волос. Если же такие сукна будут куплены и скрыты, они подобным же образом должны быть сожжены.

67. Монастыри, которые должны доставлять коней для колесницы со знаменем (*ad plastrum vexilli*) в случае похода: Эберсбах, Марлах, Морсмунстре, Нувильре, Шварцах, Генгенбах, Шульте. Настоятель же св. Арбогаста пусть доставит одного палатного коня (*palafredum*), на котором поедет шультгейс в сопровождении колесницы. Знамя изготовляют евреи.

ПРАВО Г. ДИБУРГА

ГОРОДСКОЕ ПРАВО (1194—1198 гг.)

Запись основания и права города и замка в Дибурге (*institutio foundationis et iuris civitatis et castri in Dippurc*) и права рынков этого места (*loci*).

Доброй памяти господин Генрих выменял землю (*fundum*), на которой расположены город и замок (*civitas et castrum*), на ней манс (*manso*), каковой он приобрел у Конрада Хорунда за фунтов; на этом мансе он имел право фогта; равным образом он и теперь имеют это право братья Вернер и Филипп фон Бланд (*de Bolandua*), каковые допускаются сим городом (*loco*) правлять.

1. Пусть же вышеназванный город (*civitas*) наслаждается свободой, чтобы каждый пришлый (*omnis advena*), который прожил там год и день, и никто не объявил и не доказал, что он имеет сенбора (*se habere dominium*), впредь не мог быть никем принужден к крепостным обязанностям (*servire*), за исключением сенбора этого места.

2. Также тот, кто женится в этом городе и будет там жить, принадлежит такому же правилу.

3. Кто бы ни умер, его наследники не могут быть принуждены к выделению части движимого имущества (*ad divisionem mobilium*), что в просторечье называется *buteil*, и не обязаны отдавать (*nec tenentur id doce*), что в просторечье называется *beterecht*.

4. Все живущие здесь пусть имеют право пользования (*usufructum*) в общей марке (*in marca communi*), что в просторечье называется *sint werhaft*.

5. Любой участок (*area*) в этом городе платит 6 денариев на праздник св. Блазия в качестве чинша (*nomine cens*). Чинш господин Генрих уступил горожанам (*burgensibus indult*) до завершения укреплений города.

6. Право монеты пусть принадлежит сеньорам фон Боланд.

7. Пусть также принадлежит им торговая пошлина (*theloneum*) и право назначать и отстранять сборщика торговой пошлины (*destituendi et instituendi thelonearium*). Торговая пошлина в полурыцарей-феодатариев, т. е. братьев фон Боланд, назначается в пределах 21 унции.

8. Им обоим (*universaliter*) принадлежит десятина (*decima*) восемнадцати с половиной мансов и Дибурге и в эту десятину включается десятина с лугов (*de prediis*).

9. Также пусть эти сеньоры имеют право фогства на усадьбы в старом городе (*super curia in veteri civitate*), как по отношению к людям, так и по отношению к мансам, принадлежащим и усадьбам, фогту же пусть подчиняются усадьбы (*curiam*) в Холмхузене, как люди, так и мансы, к ним относящиеся.

10. Фогту же принадлежит примыкающая к Дибургу лесная марка (*marcam lignam*), пастбища (*pascua*) и альменда (*aliminda*).

ПРАВО Г. ЛИППШТАДА

ГОРОДСКОЕ ПРАВО (1198 г.)

Да будет известно... с тех пор как я, Бернар фон Липпштадт, став при поддержке императорского величества обладателем имущества (*in bonis proprietate*), основал новый город (*civitatem novellam*), я, вняв совету моих друзей, вручил собственность (*proprietatem assignavi*) на этот город блаженному Петру в Кельне таким образом, чтобы я и мои наследники, радуясь бенефицию (*beneficio gaudentes*), наслаждались владением (*possessione*) в мире. А поскольку это новое поселение (*hec novella plantatio*) еще слабо жителями и укреплениями, я, по совету моих друзей, пожаловал поселенцам (*incolis*) свободное право выбора (*liberum arbitrium*), чтобы они могли избрать себе права более мягкие и лучшие (*iura mitiora et meliora*), какие захотят. В конце концов посоветовавшись между собой, они решили избрать права жесточе

ним образом, что если некоторые из них им не понравятся, пусть устроят и возрадутся другим, более подходящим для них; те же были записаны надлежащим образом по общему согласию, те мы утвердили.

1 Во-первых, всякое пролитие крови, совершенное без оружия (*sine acumine armatum*), надлежит судить не мне или кому-либо из наследников моих, но городским консулам (*consulibus*) так, чтобы каждое судебное решение служило укреплению города (*muniendo loco*).

2 Во-вторых, если кто-либо применит неправильный вес или меру (*statera iniusta vel mensuris*) при продаже муки или зерна или иных продуктов (*in pistrando vel brachando vel alius scil*), пусть это рассмотрят и рассудят консулы.

3. Горожанин горожанина не должен вызывать в суд вне города, разве что обратится туда по приговору (*per sententiam accessit*), а также горожанин горожанина не должен вызывать на оруженный поединок прежде, чем будет вынесен судебный приговор.

4. Если горожанин убьет горожанина и будет схвачен, пусть он будет осужден по справедливости (*secundum quod iustum est iudicatur*), но если он будет иметь дом или иное имущество (*res suas*), пусть они никому не присуждаются, но достанутся его наследникам.

5. На ежегодной ярмарке (*foro annuali*) в течение двух дней перед ней и в течение двух дней после ее окончания пусть никто не будет связан строгостью предшествовавшего судебного решения (*iudicii rigore astringitur*), разве что-нибудь возникнет там же или будет пойман изгнанный из города. Подобным же образом разрешаю считать свободными (*liberi sunt concesses*) три дня в неделю, а именно воскресенье, вторник и пятницу.

6. Если у кого-либо из горожан будет что-либо украдено и позже найдено в городе, судье от этого никакой доли не приписывается (*iudici nulla pars in eo cedit*).

7. Каждый, кто пробудет в городе без противоречия или возражения год и день, если после этого срока кто-либо станет его преследовать, может очистить себя от обвинений согласно праву города (*exurgare salvo iure*).

8. Ни я, ни кто-либо из моих наследников не станем назначать градоначальника (*prepositum*) без общего согласия горожан (*sine communi civium concessu*), а также ни я, ни мои наследники не станем назначать консулов и судей (*res consules, res iudices*) без согласия горожан.

9. Я уступил горожанам (*civibus*) часть своих владений (*de bonis suis*) к северу от города, как леса, так и пастбища (*lim*

ligna, quam pasqua), так, чтобы они могли быть использованы сообща в удобное время (*tempore oportuno inde communiter*).

10. Если горожанин обеспокоит горожанина строительством или огораживанием (*edificando vel seriendo*), пусть это рассудит судьи, назначенные для той части города, но если их влияния будет недостаточно, пусть призовут консулов, и пусть те рассудят.

11. Если кто-либо из горожан умрет и в городе будет отсутствовать его законный наследник, все состояние умершего (*omnis substantiam*), будь оно велико или мало, пусть полностью сохранят консулы, так что, если в течение года и дня никакой законный наследник не заявит притязаний согласно праву, оно будет передано мне и моим преемникам.

12. Всем, как пришлым, так и местным жителям (*tam adventum quam habitatoribus*) пожалована свобода от уплаты торговой пошлины (*libertas thelonei*).

13. Если горожанин предложит судье взятку в 4 солида и будет уличен шестью свидетелями, пусть он уплатит ему штраф в 2 денария. Штраф в большем размере противоречит праву города (*iuri civitatis obsistit*).

14. Никто из горожан не может быть привлечен к суду вне города или потревожен из-за какой-нибудь неучтивости ни мною ни каким-либо представителем моей власти.

15. Ни я, ни мои преемники не назначат городу судью без согласия консулов и горожан (*absque consensu consulum et civium*) и сам суд не будет подменен тем, что называется судебным браанием форга (*quod advocatie placitum dicitur aggravetur*).

Сию запись (*scriptum*) я скрепил печатью моего сына Германна, которому я оставил все свое достояние, когда, получив согласие Хельвиги, моей супруги, я уходил в Ливонию воспоминать за дело господ.

ПРАВО Г. ЗЕСТА

ДРЕВНЕЙШЕЕ ГОРОДСКОЕ ПРАВО (XII в.)

1. Да повинуются община города Зеста (*universitas Susaticum oppidi*) древнейшему и избранному праву.

2. Так как в городе Зесте существуют три суда: настоятеля (*preorpositi*), форга (*advocati*) и шультгейса (*schultheti*).

3. То настоятель Зеста по праву должен следить, чтобы снопод (*synpodum*) был созываем трижды в год. В нем обязаны участвовать все, кто является домовладельцами (*domestici*) в пределах городской черты, если только они будут дома.

4. Синод же должен действовать без болтовни (*sine cavillatione*).

5. Кого бы горожане (*burgenses*) ни избрали в скабины (*scabini*), того настоятель утвердит.

6. Тяжба, которая возбуждена в присутствии настоятеля и завершена либо по судебному решению, либо по милосердию (*per misericordiam*), не может быть пересмотрена другим судьей.

7. Фогт Зеста по праву пусть председательствует в своем суде трижды в году и только в определенные сроки, а именно во второй и третий день после праздника св. Елифании, во второй и третий день после *Quasimodogeniti*, а также во второй и третий день после рождества св. Марии.

8. Пусть он также председательствует благочестиво и без болтовни.

9. Если кто однажды не явится в судебное собрание или будет идти слишком медленно, уплатит один лот шиллингов штрафа (*lotscilline*).

10. Тот же, кто будет там наглым (*insolens*), уплатит 6 шиллингов.

11. Кого горожане изберут глашатаем (*preconem*), того фогт и утвердит.

12. Пусть фогт председательствует без вымогательства и всякого крючкотворства, так как в каждый судебный срок архиепископ выдает ему 4 марки от своих дворов.

13. Кроме того, право фогта — получать наследство фризов (*frisonum*) и французов (*Gallozum*).

14. Если кто ранит кого-либо острым железом (*ferro acuto*), пусть лишится руки; это относится и к суду фогта, если произошло внутри города.

15. Если кто убьет человека в стенах города, будет обезглавлен.

16. Решение о тяжбе, которая была закончена в присутствии фогта или шультгейса законно или любовно, должно оставаться неизменным и крепким.

17. Если кто вопреки этому вызовет своего согорожанина (*conrivem*) к чужому или более суровому суду, тот пусть удовлетворит горожан (*burgensibus*) десятью марками и сверх того даст «ярлату вина».

18. Если кто ранит кого-либо острым железом, то разумнее, чтобы его изобличили два свидетеля, а не виновник.

19. Если кого обвинили в человекоубийстве, то он может быть оштрафован семикратной присягой. Если же обвиненный не может быть уличен в убийстве или в ранении острым железом, пусть он очистит себя двенадцатикратной клятвой в присутствии назначенных свидетелей.

20. Если тот, кто совершит злодеяние, убежит, его дом и что бы он там ни имел, должен быть разрушен согласно нашей юрисдикции, а сам он публично объявлен вне закона, что в просторечье называется *frethelos*. Если же он пожелает отрицать содеянное, пусть два достойных (*probabiles*) мужа, ежели они будут в наличии, предоставят свидетельство истинности обвинения и таким образом да не будет совершенно оправдание по делу..

21. Если же грабитель (*predo*), разбойник (*latro*) или какой-либо злодей (*facinorosus*) проникнет в город, пусть имеет прочный мир, разве только кто-либо не приведет его к судье и не заставит наказать уличенного. Виновник же, если не будет иметь средства для (приглашения?) глашатая для объявления тяжбы, может задержать дело (т. е. расследование) и объявить свою тяжбу для разглашения.

22. Если кто-либо нарушит мир внутри городских стен (*infratugos oppidi*), прольет чью-либо кровь и будет уличен, пусть уплатит 60 шиллингов штрафа или понесет установленное наказание; и как бы горожане (*burgenses*) ни уменьшили размер штрафа, получая эти шиллинги, третью часть пусть получит суд.

23. Если кто будет строить козни своему согорожанину (*consilio*) или силой попытается отнять его дом и будет уличен, уплатит в качестве штрафа 10 марок и каррату вина.

24. Кто глубокой ночью молча проникнет в чей-либо дом и присвоит его имущество тайком или силой и будет уличен, будет предан смерти.

25. Всякое преступление внутри нашего судебного округа (*infrabannum nostrum*), которое карается смертью или отсечением членов, принадлежит юрисдикции фогта, если только не было прежде объявлено принадлежащим юрисдикции сельского графа (*infragensis gogravii*).

26. Каждый, кто уведет из дома или из-под опеки дочь, сестру или ближайшую кровную родственницу своего согорожанина, которую тот под своим покровительством честно хранил и которая прежде имела обыкновение посещать свою владычицу-церковь (*suam dominam ecclesiam visitare*), тот будет обязан сохранить ее, словно законную, и воспитывать любовно с подругами девушки (*cum amicis pulle amica biliter componere*).

27. Клирик или какая угодно замужняя женщина может домогаться в суде движимого имущества, или иного имущества или даров (*mobilia vel bona vel donationes*), или приданого (*caducum*), которое в просторечье называется *gatha*, без попечителя, но если присутствуют зависимые люди (*mancipii*) или недвижимое имущество (*praedium fundale*), что в просторечье называется *forflut* *eggen*, то делать сие без попечителя нельзя.

28. Если в брачном контракте или после заключения контракта муж жене или жена мужу преподнесет какой-либо подарок при свидетельстве добропорядочных мужей и сможет доказать свидетельством двух мужей хорошей репутации, то сверх этого пусть на суде к большему не присуждается.

29. Также установлено, что если наши сограждане повздорят между собой за пределами этого судебного округа (*extra provinciam*), пусть не обращаются в чужеземный суд: пусть или уладят дело между собою, или, если будет столько лиц, пусть назначат судьей одного из сотоварищей, который, если сможет, пусть уладит ссору; если же не сможет, пусть они отложат тяжбу, пока не вернутся домой. Если же кто нарушит сие постановление, пусть платит 10 марок и каррату вина.

30. Если кто передаст своему согорожанину свое имущество (*bona*) для торговли (*ad negociandum*) в присутствии достойных мужей и если тот захочет отрицать это, пусть будет наказан.

31. Также если кто отдаст в залог свой дом или какое-либо строение и оно погибнет от пожара или по иной причине, если захочет тот, чье это строение, пусть восстановит его и оно будет, как раньше, залогом у кредитора. Если же он не захочет этого, пусть возвратит кредитору уцелевшее от пожара или руины и фундамент в качестве залога; кредитор не может домогаться ничего более. Если же хозяин (*dominus*) завладеет остатками фундамента, кредитор может требовать у него всей суммы долга (*summam creditorum*).

32. Все чиншевые участки (*aree sensuales*) внутри города суть публичного права.

33. Если кто захочет подарить или продать свой дом или участок, пусть тот, кому подарено или продано, даст шультгейсу в двойном размере тот платеж, каковой по обычаю уплачивал ежегодно от этого участка, и пусть получит участок без возражений. Если же шультгейс объявит против нового владельца, что он не получил следуемого от этого владения, пусть тот клятвенно подтвердит, что шультгейс получил от того, который мог и должен был дать, или пусть отдаст платеж в двойном размере, как выше сказано, и пусть владеет спокойно, покуда уплачивает ежегодный сбор (*pensionem*). Дети же, ежели таковые появятся, пусть пользуются отцовским наследием спокойно, без двойного ежегодного платежа.

34. Кто бы ни получил из рук шультгейса или от того, кто имеет власть, дом или участок (*aream*), или поля (*agros*), или сад, или часть манса (*mansum vel mansi partem*) и владел спокойно и законно год и день, если кто захочет его преследовать

в судебном порядке, пусть владелец (possessor) докажет свое право, поклявшись на евангелии, и так от прочих его обвинений будет избавлен и не может быть обременен (gravari) сверх званного выше.

35. Если какой-либо магистр (magister censuum) заявит и обвинит кого-нибудь из наших горожан, что тот не уплатил должный чинш и попытается ежегодный чинш увеличить, пусть властно подтвердит свою правду и пусть вымогатель (impetor) более сего не обременяет.

36. Если какой-либо пройдоха (inventus) будет иметь неправильную (неправильную — iniusta) гирию (pondera) или неправильные меры длины (funiculos), неправильные мензуры для вина или мала, пусть он уплатит в доме консулов полфунта штрафа горожанам. Размеры его штрафа пусть будут установлены в третейском суде горожан и судья пусть получит третью часть.

37. В тех деревеньках (viculis), которые называются «ты правительные меры и меры, которые следует исправить, для пива и пива (de appona et de cervisia) относятся к компетенции тех людей, которых называют «burrihtere».

38. Если пекари (pistores) будут печь хлеб не по установленному правилу, пусть они уплатят 5 шиллингов штрафа в доме (in domo); сколько бы ни постановили горожане для уплаты, третью часть пусть получит судья.

39. Если кто по какой-либо причине в присутствии консулов обратится к их свидетельству, пусть он уплатит поручителям 60 шиллингов, и если кто из самих горожан окажется уличенным их свидетельством, тот уплатит названные 60 шиллингов горожанам.

40. Если кто-либо сгоряча расторгнет свое городское гражданство (civilitatem) из-за того, что оскорбил согорожанина, — то либо сию или в отношении имущества, то расторгнет его так, чтобы более не восстановить.

41. Также мы постановили, чтобы никто никоим образом не смел вовлечь своего согорожанина в поединок для свершения преступного дела (de criminale).

42. Если кто-либо перед своим согорожанином может быть обвинен более, чем оправдан в отношении какого-либо дела, пусть покается либо по своему собственному желанию, либо в присутствии двух свидетелей.

43. Каждый, кто по своему желанию, без слова магистра, консулов или судей решит ударить в колокол, уплатит горожанам половину фунта; по решению горожан пусть будет установлено, что следует получить; третью часть пусть получит судья.

44. Если кто из наших горожан без решения магистра консулов выполнит поручение группы горожан к какому-либо графу,

бирону (comitem vel baronem), пусть уплатит горожанам половину фунта.

45. Все глашатаи, введенные в должность нашими горожанами, должны быть готовы без подношения (sine minere) вызывать кого-либо в суд, так что если кто-либо из-за нерадивости глашатаев понесет убыток, они сами сполна возместят истцу ущерб.

46. Если кто, мужчина или женщина, имел нескольких замужних дочерей, а одна останется незамужней, то она унаследует движимое имущество (mobilia) матери, которое в просторечье называется «gathe». Если же все они выйдут замуж, движимое имущество матери наследует старшая дочь. Если же среди них окажется клирик, то он и получит движимое имущество матери, а не ничье другое в своем роду.

47. Если кто из консулов осмелится получить от кого-либо какое-либо определенное подношение за судопроизводство и будет уличен, пусть он уплатит 60 шиллингов штрафа; кроме того, пусть будет изгнан из совета и впредь туда не будет входить. Если подобный проступок совершит тот, кто не является консулом, пусть он уплатит 60 шиллингов, и доступ в совет ему никогда не будет разрешен.

48. Если кто замыслит оспорить какое-либо решение, данное в суде, пытаясь передать дело в другой суд, пусть он уплатит горожанам 10 марок и каррату вина.

49. Каждый, кто замыслит извратить законное решение, данное горожанами, и будет уличен, пусть уплатит горожанам половину фунта.

50. Если кто из тех, кто был призван в суд фогта в качестве *onspreken*, замыслит получить оговоренную плату и будет уличен, пусть уплатит половину фунта и из суда будет выведен, без всяких разговоров.

51. Также мы постановили для крепкого соблюдения, чтобы, если какой-либо наш горожанин будет схвачен из-за своего имущества, которое должно быть отобрано (*auferendis*), пусть не допускается никакой выкуп за него ни от него самого, ни от какого-либо его родственника; что, если совершит проступок и будет уличен, пусть уплатит горожанам 10 марок и бочку вина; уды же пусть получит третью часть. В арбитражном решении горожан пусть будет определено, сколько из десяти марок должно быть получено, — кроме вина, каковое является общим достоянием города.

52. Каждый, кто приведет кого-либо в суд по делу о наследстве (*de herwadio*) или о материнской доле (*gerathen*), пусть даст ему полную свободу и поручительство в течение законного года и дня, прежде чем тот будет обязан отвечать.

53. Также мы с древности и до сих пор обладаем нерушимой городской судебной властью, так что все пребывающие в городе, будь то свободные или министерналы, подчиняются нам и должны помогать трудам нашим для служения господину архиепископу или императору равным образом.

54. Глашатаи, живущие вне города, по праву могут выносить поручения какого-либо из судей в день, когда охраняется рынок в Зесте, чтобы в присутствии судьи он подчинялся праву, также во всех ночных караулах и во все времена года, особенно во время жатвы.

55. Кто бы из людей ни был обязан очистить себя клятвой от решения истца, зависит, захочет ли он принять клятву, или нет. И сверх того, пусть не имеет никакой защиты у самого судьи, разве только в случае какого-либо обращения.

56. Также любой объявленный вне закона (*pro scriptes*) после того, как удовлетворит истца, — во сколько тот определит проскрипцию в отношении города, — пусть из тех денег две части отдаст городу и третью — судье. И судья, получив от него осужденного денарии, которые в просторечье называются «*schillinge*», пусть восстановит его в правах мирно и без возмездия.

57. Каждый из горожан будет оставаться незначительным (*minutus*), покуда не возвысится над улицами (*ad vicos*), никто из глашатаев не может вызывать его в суд.

58. Если кто из горожан разденется для купания и в это время будет вызван глашатаем, он не обязан следовать за ним, пока не вымоется и не обсохнет.

59. Если кто из пекарей будет вызван глашатаем во время выпечки хлеба, он не обязан идти, пока не завершит свое дело.

60. Каждый из горожан, имеющий на руках свой товар, будучи вызван глашатаем, не обязан немедленно идти, пока этот товар не поместит для сохранения, и тогда обязан идти тотчас. А если случится, что судья его из-за этого обвинит, пусть он поклянется, что быстрее прийти не мог.

61. Если кому-либо из горожан для оценки имущества будет предложено 12 денариев, те, кого называют «*burrichtere*», обязаны вынести судебное решение в своих сходках, которые в просторечии называются «*thu*».

62. Подобным образом названные «*burrichtere*», обязаны также выносить приговор о должных кому-либо шести денариях.

63. Если вдруг кто-либо из людей вздумает обвинить или обеспокоить город Зест по поводу его старинного права и обычаев, соблюдающихся издревле, то магистры горожан, и весь совет и

и не понадобится, вся община (totum commune civitatis) города
отстоит свои права и старинные обычаи, поклявшись на
святилище.

ПРАВО Г. РЕГЕНСБУРГА

ГОРОДСКОЕ ПРАВО КОРОЛЯ ФИЛИППА (9.III.1207 г.)

Филипп, божьим соизволением король (rex) римлян, Август...
вспомня давнюю верность, каковую и до сих пор **выказывал** нам
город Регенсбург (civitas Ratisponensis) ради чести и **общей поль-**
зы общины горожан сего города (ad honorem et communem utili-
tatem ipsius civitatis universitati civium) мы согласились и уста-
новили от щедрот наших:

1. Чтобы никому не было дозволено брать заложником горо-
жанина Регенсбурга за долги епископа или герцога (pro duce),
или человека любого иного статуса (alterius conditionis homine),
или налагать на них какое-либо бремя (gravenem) под тяжестью
этих слов, что в просторечье называется sarphant, разве что за
тех людей, которые подчиняются их общему праву (communi iure
fructum) и являются их согражданами, и вместе с ними соблю-
дают их обычаи в уплате долгов и прочего, что относится к поль-
зе города.

2. Также кто бы из горожан ни был вызван в суд из-за того,
что в своем доме содеял убийство, или укрыв в своем доме кого-
либо, объявленного вне закона, или совершил в своем доме ка-
кой-либо иной проступок, за что по праву следует разрушение
этого дома: пусть тот, кто по этому поводу был обвинен, если
тогда не была установлена никакая форма мира, очистит себя од-
нократной присягой, если же была установлена какая-либо иная
форма мира и обвинитель продолжал свою тяжбу в судебном
порядке, пусть ответчик очистит себя троекратной присягой по
мнению неопределенных (им свидетелей?) или докажет свою невиновность по-
пытанием холодной водой.

3. Кто дерзнет вытащить из воды вещи, утонувшие во время
кораблекрушения, ссылаясь на право, которое называется бере-
говым (gruntruhe), пусть пребывает словно вне закона.

4. Кто бы ни вложил в какую-либо торговую деятельность в
городе или вне города деньги или иные вещи, будь то клирик или
мирянин, или иудей, пусть он несет весь груз побóров вместе
всеми гражданами города.

5. Каждый, кто занимает в городе публичную сцену для зрелища, будет считаться вне закона и даже дом его будет присужден конфискации.

6. Горожане Регенсбурга будут иметь право избирать по его решению магистрата, который в просторечье называется *linngrave*, чтобы тот по долгу своей службы соблюдал их права и обычаи в рыночные дни. И если он решит что-либо устроить в городе, сие сможет быть содеяно только в согласии с городскими установлениями и с согласия горожан.

7. Мы также предоставляем им и подтверждаем все права и добрые обычаи, полученные ими от отца нашего и от брата.

ГОРОДСКОЕ ПРАВО ФРИДРИХА II (4.IX.1230 г.)

Фридрих II, римский император... Мы пожелали, чтобы было известно, ...что мы навечно предоставили сим горожанам, наследникам и преемникам их все, что содержится в статьях, четко писанных в грамоте, дабы они пользовались ими мирно и спокойно.

1. Каждый горожанин (*civis*) Регенсбурга, обвиненный в поединке, если сможет очистить себя присягой двенадцати почтенных лиц, пусть будет освобожден от обвинения.

2. Каждый горожанин, будучи обвинен в том, что из его дома или в его доме кто-либо был убит или что он укрывал в доме объявленного вне закона, вследствие чего его дом должен быть разрушен, пусть очистит себя только единоличной клятвой (*judicium*); если это будет правдой и жалобщик возбудит тяжбу, жалуясь на несправедливость, но в то время мир в городе не будет узаконен. Если же горожане поклялись сохранять мир, обвиненный пусть очистит себя присягой трех свидетелей, из которых двое пусть будут из тех, кого называют *depoiminati*.

3. Также никто не должен захватывать дом какого-либо горожанина или присваивать его имущество без судебного приговора города.

4. Подобным образом ни герцог (*dux*), ни иной могущественный сеньор (*potens dominus*) не должен захватывать дом какого-либо горожанина после его смерти или какое-либо его имущество в городе или вне города, — но все добро (*bona*) горожан, домов и прочее, пусть достается их наследникам; и если кто-либо имени сеньора или иного захочет действовать против наследников, он должен быть остановлен судебным порядком.

5. Также каждый горожанин Регенсбурга, если задержит в городе своего согорожанина или его имущество, возбудив против него судебное дело, пусть уплатит за проступок епископу 10 мар.

герцогу 10 фунтов, за исключением тех случаев, когда жалоба прежде была принесена в городе и отклонена судом.

6. Если кто-либо из горожан будет обвинен в уклонении от римского обычая, которым он обязан обвинителю, и если только покажет, что он обитал (*permanserit*) в городе десять лет, ни он не уличенный в сервильном состоянии, затем пусть пребывает огражденным от подобного обвинения.

7. Каждый, кто будет владеть в пределах мира города Регенсбурга (*infra terminos pacis civitatis*) домами, виноградниками, участками земли (*areas*), дворами (*curias*) или иными владениями (*possessiones*) в течение десяти лет без обвинения и после этого срока будет обвинен по этому поводу (*super illis*), он сможет доказать свидетельством семерых (*septima manu*), что владел этим мирно (*quietam possessionem probabit*), пусть и тот, кто владеет этим имуществом в мире.

8. Внутри стен сего города, поблизости (*in vicino*) и за рвом (*extra fossatum*) никоим образом не должно возводить здания ближе, чем на расстоянии 12 футов между стеной и зданием, между зданием и валом и рвом. Если кто-либо поступит иначе вопреки запрету горожан, пусть разрушит строение по судебному повелению горожан.

9. Также пусть герцог (*dux*), когда будет иметь в городе Регенсбурге ежегодное судебное собрание (*solennem curiam*), приглашенное по общепринятому праву, не беспокоит суд жалобами ни против министерялов церкви (*contra ministeriales ecclesie*), ни против горожан (*contra cives*), за исключением третьего, и не выступает против горожан, разве что вследствие решения его сограждан, но не иных людей.

10. Также пусть старший фогт (*maior advocatus*), который в просторечье называется *tumbvogt* и который имеет право суда со стороны епископа, и бургграф со стороны герцога не обнаружат желание объявить кого-либо из горожан вне закона, за исключением случаев, когда они имеют судебное собрание (*placitum publicum*) по древнему установлению, а каждый из них должен не иметь только трижды в году.

11. Также горожане трижды в году, в зависимости от обстоятельств, по воле епископа и герцога испытывают монету с магнанами, назначенными епископом и герцогом для монетного дела (*ad monete officium*), и взвешивают денарии; и ежели при этом испытании окажется какая-то фальшь, они рассудят епископа и герцога.

12. Также пусть горожане имеют власть избирать *hansdravinn* (купеческого графа? купеческого старшину? графа по торговым делам?), который устраивает и руководит сделками на ярмарках

(negotia nundinatum) вне города и внутри него, но лишь тогда, когда они возникают.

13. Также никакой горожанин и его имущество не должно быть задержаны в качестве залога за долги епископа, герцога или иной персоны, но только лишь за своего согорожанина (pro suo concive); к этому добавлено, что задерживающий должен сначала объявить горожанам свою тяжбу и доказать, что ему было отказано в правосудии.

14. Какой бы горожанин ни получил от монастырей или каких-либо иных лиц имущество, — виноградники, дома или имение на время жизни одного лица или нескольких, если считается господину (dominum), которому принадлежит имущество продать его или инфеодировать, или заложить (vendere vel infeodare vel obligare), пусть этот держатель имеет не меньше (и пусть держит на тех же условиях, что и прежде), выплачивая чинш (censum) тому, кто отныне господствует над имуществом (tunc bonis dominatur).

15. Если кто из горожан будет приговорен к изгнанию (transfragium passus fuerit) и по этой причине будет кем-либо ограблен, сам грабитель пусть будет объявлен вне закона империи вследствие жалобы пострадавшего.

16. Если кто из горожан нарушит обычай торговли при покупке или при продаже, пусть тот отдаст горожанам штраф (multas), за исключением клириков, которых мы в подобном случае передаем для исправления епископу.

17. Также по просьбе горожан мы согласились установить, чтобы каждый могущественный (potentes) из города, из тех, которые набирают себе вассалов (vasallos) для возмущения мира в городе (ad turbendam pacem civitatis) и которые в просторечье называются mundman, давал для укрепления города 10 фунтов; тем не менее они от установленной верности не останутся освобожденными. Те же, кто этому не подчинится, пусть пребудут вне закона.

18. Также мы постановили, что горожане Регенсбурга не могут быть принуждаемы обращаться в какой-либо суд вне города, поскольку сие есть их старинное право, исключая те случаи, когда они будут иметь в деревне землю (predia), по поводу которой их обвиняют; по поводу этих владений они обязаны отвечать в присутствии графа (comes comite), в судебном округе которого расположен земельный участок.

19. Постановили мы также, что любому горожанину Регенсбурга можно варить пиво, которое он делает для своей семьи, только с условием, что он не станет его продавать, но изготовит только для потребности своей семьи, не вызывая возражений тех,

имеет право варить пиво для продажи (*qui officium habent
coendi cervisiam*).

20. Постановили мы также, что имперская торговая пошлина (*lunium imperii*), что по обыкновению исстари взимается вне города, которая называется *chalmünze*, должна уплачиваться и дагам же, не вызывая ничьих возражений.

21. Если кто-либо, находящийся в городе, будет обвинен в том, что он чей-то серв (*vogtman*), а он, став горожанином, уплатил им и епископу поборы (*collectas*), подобно прочим горожанам, пусть не отдаст никакому форту сервильные платежи по принуждению (*nulla... servicia... per coactionem*), но уплачивает только строго установленные и исстари определенные поборы.

22. Также если человек, который называется чиншевиком (*cen-
nalis*), будет постоянно жить в городе, соблюдая права города
уплате поборов и во всем прочем, что установлено горожанами
(*civibus*), пусть он вследствие этого не несет сервильных служб
ибору по принуждению (*domino servicia per coactionem*), но
только уплачивает чинш (*censum*). Однако мы хотим, чтобы право
церквей при этом оставалось неприкосновенным.

ПРАВО Г. ХАММА

ГОРОДСКОЕ ПРАВО (I.XI.1213 г.)

Да будет ведомо... что я, Адольф, граф Альтены и Марка (*comes de Altena et in Marca*), желая создать в Марке город (*opidum*), разрешил горожанам избрание своего права (*iurisdictionem electionem opidalibus contuli*). Они избрали для себя право Гиппштадта, каковое гласит:

1. Прежде всего, поселившиеся в городе (*possidentes opidum*) пусть свободны (*liberum sunt*). Впоследствии же пусть они избегают право зестцев (*Sosatiensium ius*), если не измыслят или не найдут другого, более хорошего и выгодного (*aliquod melius et expeditius*).

2. Также все, кого приведут в суд для вынесения приговора о хлебах и напитках, и о подобных вещах, а также о ранах, нанесенных без оружия, и об общих заботах города, пусть подлежат суду членов городского совета (*consiliariis et proconsulibus*).

3. Те же раны, которые будут нанесены оружием, грабежи и воровство пусть остаются подсудны сеньору города (*domino opidi*).

4. Сеньор города будет назначать своего судью с согласия консулов.

5. Пусть никто из горожан не разглашает приговор о смертной казни (*capitalem sententiam*), прежде чем будет вынесено решение проконсулов.

6. Если горожанин совершит убийство, пусть его имущество (*sua possessio*) не будет конфисковано и не будет разрушен его дом, но пусть это имущество перейдет наследникам (*in heredes*), сам же он пусть будет наказан как виновник.

7. Пусть судья города взимает с сограждан (а *conscripti*) штрафы (*vadimonía*) в умеренных размерах, по усмотрению проконсулов.

8. Если кто-либо вступит в сообщество горожан вопреки воле своего сеньора (*ad conscriptum opidi intraverit domino contradicente*), он не должен принуждаться к иному ответу (*ad aliam responsum*), разве что добровольно согласится и уплатит должный побор (*debitam pensionem*), или пусть очистит себя присягой притязаний сеньора и пусть он никоим образом не будет задержан кровными родственниками для расследования этого притязания.

9. Если умрет кто-либо, признавший себя крепостным кого-либо, пусть будет отдан сеньору побор (*ius*), который называется *herewe*, если это был мужчина, или домашняя утварь (*supellectilis*), если это была женщина. Все остальное наследство (*hereditas tota*) пусть поступит наследникам (*heredibus*), а не сеньору; а живущий может подарить свое имущество, кому пожелает.

10. Если чужеземец войдет в город и затем умрет и сонаследники при этом не будут присутствовать, пусть наследство хранится год и день, чтобы наследник, если объявится в течение этого срока, мог получить его согласно городскому праву (*regni opidale*). Если же претендента на наследство не окажется, оно достанется сеньору города; чужеземец же, пока жив, может распоряжаться своим имуществом, как захочет.

11. Никому из проживающих вне города (*nullus extra opidum*) не разрешается наследовать в городе имущество — какое бы оно ни было и чье бы то ни было.

12. Если кто захочет стать горожанином, что бы он ни уплатил, должно быть употреблено для получения согласия горожан.

13. Если будет совершена сделка (*commutatio*) и один другому продаст дом, пусть уплатит 12 денариев сеньору городскому покупавший, а не продающий (*emens et non vendens*).

14. Эти права горожане в графстве Марка избрали для себя с согласия господина графа Адольфа и его сонаследников, и те же были права Липпштадта.

15. Пусть также станет известно, что с любого участка (агес) городе сеньору следует плата 4 денария в год.

16. В рыночные дни каждой недели пусть каждому будет разрешен свободный проезд и пребывание в городе, чтобы никакой кредитор не мог принудить его немедленно уплатить долг с помощью судебного приговора.

17. Равным образом мы считаем, что эта льгота (благодеяние, *idem beneficii*) должна особенно соблюдаться по воскресеньям, с. в дни воскресного торго.

18. Равным образом мы согласились, чтобы во время ежегодных ярмарок, а также два дня перед ними и два дня после них соблюдался тот же порядок.

19. Если кто из горожан будет приговорен судьей к штрафу в 4 солида, пусть судья получит не более шести денариев.

Дано в Марке графом Адольфом в 1213 году от рождества господня, в начале ноября, в понтификат Целестина. Свидетели того и первые консулы (*consules*) упомянутого города суть: мельник (*pistor*) Герман, мельник Теодорик, мельник Вальтер, мельник Генрих, сапожник (*sutor*) Зигебод, Генрих de manso, управляющий (*villicus*) Вольфхард, Вильгельм с нижнего двора (*de inferiori curia*), Генрих фон Хсвенкторне.

ПРАВО Г. БЕРНА

ГОРОДСКОЕ ПРАВО (15.IV.1218 г.)

Фридрих, божьей милостью римский император и король Сицилии, своим любезным и преданным шультгейсу (*sculteto*), совету (*consilio*) и всем горожанам (*universis burgensibus*) Берна в Бургундии шлет свою милость и желает всяческого блага.

1. Поскольку Бертольд, герцог Церинген, основал город Берн (*burgum de Beruo*), предоставив ему всю ту свободу, какую герцог Конрад предоставил Фрейбургу в Брейсгау, и одарил свободой по кельнскому праву (*secundum ius Coloniensis civitatis*), что было подтверждено императором Генрихом с согласия всех присутствующих при этом князей короны Римской империи, — то мы желаем, чтобы вам и всем, кто ныне и присно будет читать эту грамоту, было бы известно: мы авторитетом императорского монушества принимаем под нашу и Римской империи власть и вечную зашитиу сей город Берн и всех горожан, ныне там проживающих и тех, кто впоследствии туда переселится; при этом мы объявляем нас и ваших потомков свободными и освобожденными от всякого

сервильного побора (*liberos... et absolventes ab omni servicii exactione*), каковыми вы были обременены, за исключением только чаша (*censu*) с ваших домов и участков (*agerum*). А именно: каждого участка размером 100 футов в длину и 60 в ширину должно ежегодно уплачиваться в казну империи 12 денариев, принятой монетой. Мы желаем, чтобы через уплату этого чаша вы и ваши потомки были свободны от всякого иного сервильного побора (*ab omni alia servicii exactione*) как с нашей стороны, так и со стороны всех наших преемников и наших викариев. Эту волюность и привилегию (*hanc libertatene et immunitatem*) вас и ваших потомков мы утверждаем нашей монаршей властью.

II. Также мы твердо обещаем вам и вашим потомкам, что город Берн мы будем держать в нашей и имперской власти всем уважением (*honore*) и по его собственному праву и никоим образом не будем отчуждать ни его, ни вас — путем ли инфеокации (*indaliter*), продажи, обмена или иным путем удалять от нашей власти или от власти Римской империи.

III. Но мы желаем, чтобы вы в землях и владениях империи пребывали свободно и без всякого побора (*exactione*) и для вас пользовались феодальным правом (*iure feodali*) подобно другим верноподданным и министериялам империи, свободно владеть правом чеканки монеты (*monetam libere habere*) и пятнадцатидневной ярмаркой (*pundinam*), а именно на праздник св. Михаила и 8 дней после него и на праздник св. Георгия и 8 дней после него.

IV. И всем прибывающим на эти ярмарки я дарую монаршей волюность: во время ярмарки (*publici fori*) я отменяю торговую пошлину (*theloneum*) и обещаю мир и безопасность их жизни и имуществу (*rebus et corporibus*) при въезде и выезде, за исключением тех, кто учинит насилие над горожанином. И если кто либо из купцов во время ярмарки будет ограблен и назван грабителем, я или заставлю вернуть украденное, или возмещу убыток сам.

V. § 1. Мы пожелали также, чтобы во время ярмарок купцы могли устраивать для себя стоянки и торговые палатки без платы и без препятствий всюду, где пожелают, на улицах города или за городом (*vel allodio imperii*), за исключением участков горожан (*prefer allodia civium*).

§ 2. И если во время ярмарки возникнет какая-либо распри между горожанами и приезжими купцами, она не будет подлежать моему суду или суду моего управителя (*reitoris*), но ее рассудят горожане (*a civibus*) по обычному праву купцов (*pro consuetudinario iure mercatorum*), а наипаче — по кельнскому праву.

VI. Также нашей императорской волей уступаем вам лес, который называется *Bremegarto* и который примыкает со всех сто-

к стенам города и используется по обычаю (*pro usuagio*) и в староречье называется альмендой (*almenda*). А сверх того мы дарим вам в нашем лесничестве право пользования и сбора (*communitatem et usufructum*), которое называется *ehafti*, для ваших нужд, однако без ущерба и опустошения (*sine afflictione*).

VII. Мы также обещаем вам, что ни мы, ни кто-либо из преемников наших не назначит вам шультгейса, священника (*sacerdotem*), учителя (церковной школы — *scolasticum*), ризничего (*sacristanum*), консулов, глашатая (*preconem* или иное должностное лицо (*officialem*), но обязуемся утверждать тех, кого вы поставите над собой по общему согласию (*communi consilio*). Также вам предоставляется право каждый год сменять шультгейса и консулов, и всех официалов города и избирать других, за исключением священника.

VIII. Что же касается замка (*domo*), который герцог Бертольд купил около вашего города (*apud vos*), то мы твердо обещаем вам, что вы никогда не будете терпеть из-за него какого-либо ущерба или обременения (*dampnum... vel gravamen*) от нас или наших преемников.

IX. § 1. Также вы никогда не будете обязаны идти в военный поход с нами или с кем-либо, кто будет вашим государем (*dominus*), дальше тех мест, откуда вы могли бы вернуться к своим домам следующей ночью.

§ 2. Если же ваш государь прибудет в город (*in urbem*), то воины и гости (*milites et hospites*) расположатся в домах тех, кто имеет обыкновение принимать гостей. Если же их домов не хватает, гости должны быть размещены также и в других домах, однако без ущерба для горожан.

X. Кроме того, нашей монаршей милостью мы жалуем вам, чтобы вы свободно продавали и покупали хлеб (*annonam*), вино и все другое (*omnes res*), сколько вам будет угодно, без всякой пошлины и запрета (*sine gravamine et banno*).

XI. Любой горожанин может заложить, продать и подарить, кому пожелает, дом, земельный участок (*allodia*) и все, что он имеет, без всякой пошлины и противодействия (*sine omni gravamine et contradictione*). И если кто-либо присутствовал при сделке, когда кто-то из горожан продавал или закладывал земельный участок или иное свое имущество, и сделку не опротестовал согласно праву, а после захотел бы ее опротестовать, то совершивший сделку может доказать с двумя достойными свидетелями, что заявитель присутствовал при сделке и не возражал. И тогда совершивший сделку не обязан удовлетворять иск.

XII. Всякий человек (*homo*), который придет в этот город (*in hunc loco*) и захочет остаться, пусть свободно (*libere*) поселится и останется (*sedebit et remanebit*).

XIII. Если же он будет чей-либо крепостной (*servus*) и нет это отрицать (*dominum negaverit*), сеньор для совершения иска обязан будет в течение года доказать в присутствии семи ближайших родственников, что он — его крепостной; и в противном же случае, если по прошествии года и дня он не был объявлен в крепостном состоянии, то пусть останется в городе свободным и впредь не должен держать ответ перед бывшим сеньором или кем-либо другим. Если же он признает сеньора, и сеньор в течение года заберет его из города или оставит в тюрьме, то он свободным; если в течение года он не будет уведен, то по истечении этого года будет считаться свободным.

XIV. Кто пожелает получить в городе право бюргера (*burgensie in civitate*), какого бы он ни был состояния, должен выполнять все обязанности горожанина (*omnia iura civitalis intelligere*), разве что с общего согласия горожан он будет освобожден от их выполнения.

XV § 1 Никакой чужак (*extraneus*) не может свидетельствовать против горожанина, но только горожанин против горожанина.

§ 2. Любое свидетельство должно быть представлено двумя достойными (*idoneis*) свидетелями и только, если они видели или слышали.

XVI. Также в этом городе ни монахи (*monachus*), ни клирики (*clericus*), ни рыцарь (*miles*) не будут платить торговой пошлины (*theloneum*). Также каждый купивший или продавший сумму до пяти солидов не должен платить торговой пошлины. Если же покупка или продажа превысит 5 солидов, то с каждого пяти солидов должно платить 1 денарий в качестве торговой пошлины. С купли-продажи скота пошлина пусть взимается так как записано в свитке, который содержит ваши права и привилегии фрейбуржцев. Если же кто из тех, кто должен платить торговую пошлину, сознательно и коварно ее утаит, то, будучи изобличен, принуждается к уплате трех фунтов и оболоа. Если же сборщик пошлины (*thelonearius*) кого-либо ложно привлечет к уплате, купец (*mercator*) должен доказать, что уже уплатил, и тогда свободно избежит штрафа; а тот за свою ложь пусть уплатит сумму 3 фунта и истцу 3 фунта.

XVII. Телонсарий обязан содержать в порядке и исправности все мосты в пределах городского вала; и сколько бы ни было на них потеряно или покалечено скота, он должен возместить ущерб и отчитаться в этом.

XVIII. Никто не должен хранить общественные книги (*publicum pondus*) города, кроме тех, кому они будут поручены судьей городским советом. Тот же, кто хранит их, должен бесплатно выдавать любому горожанину, у которого будет в том потреб-

От чужака же пусть получит с каждого центенария оболь-
но больше. Если же получит больше с чужака или что-либо
горожанина и будет уличен, уплатит 3 фунта штрафа шульт-
гейсу и 3 фунта — пострадавшему.

XIX. Кроме того, все меры и весы (*omnia mensura et pondus*)
вина, зерна, серебра и прочего пусть находятся во власти
судей и совета; и после того, как они будут выверены, пусть
будут поручены одному либо двум из горожан для хранения и
облюдения. И у кого бы впоследствии ни была обнаружена ме-
са или гиря, большая или маленькая, тот будет осужден как вор
и обманщик. Если же станет отрицать, то, будучи уличен двумя
свидетелями, пусть будет наказан по заслугам. И кто при про-
даже будет мерить и взвешивать неправильно, пусть будет на-
казан как обманщик и впредь пусть не смеет торговать в городе.

XX. Любой горожанин, член городского совета, за свою вину
(*pro culpa sua*) пусть будет изгнан из совета и осужден по
судебному приговору, и впредь пусть никогда не избирается в
совет или на какую-либо городскую должность.

XXI. Если горожанин что-либо купит вне города, или что-либо
кому пообещает, или каким-либо образом станет должником кого-
нибудь и вследствие этого в городе будет кем-либо обвинен и
если станет отрицать свой долг, то должен будет уйти из города
туда, где такое соглашение или общание было совершено, и там
очистится от обвинения либо путем уплаты, либо через суд, так,
чтобы городу от этого не было никакого ущерба.

XXII. Если горожанин в течение года и дня спокойно владел
каким-либо имуществом, будь то земля или другие вещи (*omnia
bona in allodiis et aliis rebus in quiete habuit possessione*), то после
этого срока он не обязан кому-либо за них платить (*respon-
dere*), разве что тот, кто его обвинит, сможет доказать, что он
(т. е. истец) в это время не находился в городе и его округе
(*in terra et in patria non fuisse*). И всякий, кто незаконно обре-
менит аллоды, феоды, залоги и иное имущество горожанина, ка-
ковой спокойно владел им в течение года и дня, должен уплати-
ть ему 10 фунтов штрафа.

XXIII. Если какой-либо горожанин обвинит другого горожани-
на перед чужим судьей, пусть возместит ему весь связанный с
этим убыток, и сверх того пусть уплатит в качестве штрафа
3 фунта шультгейсу и 3 фунта пострадавшему.

XXIV. Если у кого-либо в городе сгорит дом, но он будет
продолжать платить налог и побор с места (*tributum et collectam
de fundo*), то, где бы он ни жил в пределах области (*in provin-
cia*), права бюргера он не утратит (*ius burgensie non amisit*). Ес-
ли же продаст этот участок чужаку, то не будет чужак считати-
ся горожанином, покуда не построят дом.

XXV. Любой пришелец (*hospes*), поселившийся в городе, выполняющий все городские обязанности (*omnia iura civitatis*) должен пользоваться городским правом, подобно любому другому горожанину, за исключением того, что он не может уличить никакого горожанина в том, что тот отрицает.

XXVI. Если в городе возникнет распря, тот, кто случайно непреднамеренно окажется там при оружии, не обязан кому-либо за это отвечать. Если же зайдет домой и вернется вооруженным и в этом будет уличен, уплатит судье 3 фунта и потерпевшему 3 фунта.

XXVII. Если кто будет подстергать горожанина или нападет на него неожиданно в его собственном доме или на его участке (*ager*) днем или ночью, то, чего бы плохого с ним этот горожанин там ни сделал, он не понесет никакого наказания, а тот (т. е. напавший) пусть терпит ущерб и стыд. Если же горожанин не сможет или не пожелает сам отомстить за причиненную обиду и пожалуется судье, то уличенный свидетелями виновный должен будет уплатить 3 фунта судье и 3 фунта пострадавшему.

XXVIII. Всякий, кто убьет кого-либо в пределах города и внутри городской линии (*infra terminos et pacem urbis*), должен быть обезглавлен без всякого возражения. Если же ранит в плечо, лишится руки. Если же виновный убежит и схвачен не будет, ежели, трижды вызванный на суд, не явится, тем самым себя уличит и осудит. И тогда шультгейс и совет вместе со всеми горожанами пусть разрушат его дом до основания. Но строения на участке пусть сохраняются нетронутыми в течение года и дня; после истечения года его наследники могут дом восстановить, если захотят, и свободно им владеть, однако, прежде уплатив судье 3 фунта. Виновник же, когда бы он потом ни вернулся в город, будучи схвачен, пусть понесет то же наказание, как если бы был схвачен в первый день.

XXIX. Без приговора суда никто не смеет схватить в городе кого-либо, исключая тех, у кого будет найдено краденое или фальшивая монета, или кто будет уличен в совершении в городе убийства. Таких могут схватить трое любых горожан и предоставить на суд, чтобы им был вынесен приговор по заслугам.

XXX. Также каждый горожанин может возбудить жалобу против того, кто убил горожанина в пределах города, а если тот станет отрицать убийство, может вызвать его на поединок, даже если убитый не был его родственником.

XXXI. Всякий, кто в городе нападет внезапно на кого-нибудь и ранит его, лишится руки. Если же станет отрицать вину, и раненый не сможет его уличить (доказать его вину), если захочет, может вступить с ним в поединок.

XXXII. Право же поединка таково. Если же кто вызовет ко

либо на поединок за нанесенную рану, то, если ответчик будет побежден, он лишится руки. Если же будет побежден тот, кто его вызвал, пусть он выкупит каждое оружие, какое на себе имел, за 3 фунта. Если же кто вызовет на поединок кого-либо за совершенное убийство и вызванный будет побежден, он лишится головы. Если же побежден будет тот, кто вызвал, он лишится руки.

XXXIII. Если бюргер (*burgensis*) или пришлый (*hospes*), живущий в городе, схватит сам или подошлет кого-либо, чтобы схватить или ограбить другого согорожанина (*conscive*) или пришлого, проживающего в городе, и если пострадавший присягнет или докажет с помощью достойных свидетелей, что он из-за него пострадал, то виновный должен оплатить ему весь ущерб и сверх того уплатить штраф: шультгейсу 3 фунта и пострадавшему 1 фунта; и пусть он будет лишен всякой чести, словно фальшивомонетчик, и впредь пусть считается предателем.

XXXIV. § 1. Если двое горожан, поссорившись между собою в городе, вырвут друг у друга волосы или избьют друг друга, тот, кто будет уличен свидетелями как зачинщик, уплатит шультгейсу 3 фунта и потерпевшему 3 фунта. Другой же ничего не платит.

§ 2. Если же, прежде чем дело поступит в суд, своими соседями будут примирены, они не будут обязаны отвечать перед судьей по этому поводу, независимо от того, произошло это в городе или вне его. Если же по жалобе дело поступит в суд раньше, оно не должно быть закончено без разбирательства и приговора судьи.

XXXV. § 1. Если двое горожан-друзей выйдут из города и, рассорясь, вырвут друг у друга волосы или избьют друг друга, тот, кто будет уличен свидетелями как зачинщик, уплатит шультгейсу 3 солида, другой же — ничего.

§ 2. Если же недруги, столкнувшись вне города, вырвут друг у друга волосы, избьют, ранят или убьют один другого, пусть понесут такое же наказание, как если бы это было совершено в городе.

XXXVI. § 1. Если горожанин избьет чужака вне города и тот на это пожалуется в городе, он ничего не получит.

§ 2. Если же чужак станет преследовать горожанина вне города или ранит его, и пострадавший своевременно заявит об этом судье и своим согорожанам и принесет жалобу, и если тот (виновник) вдобавок войдет в город, и раненный горожанин схватит его или даже убьет (*occiderit*), он не будет отвечать за это перед судьей.

XXXVII. Если какой-либо пришлый житель (*hospes*) в городе вызовет раздражение бюргера (*burgensem*) словом или делом

вием, что тот избьет его в городе или ранит и сможет доказать с помощью достойных свидетелей, что пришлый — зачинщик, и если рану нанесет, уплатит ему 3 солида, если же убьет, заплатит 3 фунта наследникам пострадавшего и 3 фунта сущего.

XXXVIII. Если какой-либо горожанин намеренно или нечаянно купит краденое и если явится тот, у кого эти вещи были похищены, и со свидетелями докажет, что эти вещи были похищены у него или взяты незаконно, то он обязан вернуть ему все без всякого ущерба. И сие установлено для того, чтобы ни о проступке одного не терпел бесчестья и ущерба город.

XXXIX. Если кто из горожан утратит милость государя (*mini gratiam*), он должен будет в течение шести недель добиться прощения, если, однако, государь будет в это время в области или в городе. И в течение этих шести недель он сам и его имущество должны оставаться в безопасности (*in pace habebili*) как в городе, так и за его стенами, а также в течение этого срока он может свободно распоряжаться всем своим имуществом как пожелает, за исключением дома, в котором он живет, какой вой он не может ни продать, ни заложить, пока не заслужит милости государя. Если же в течение указанного срока он не заслужит милость государя, может располагать своим домом всем имуществом в стенах города, чтобы милость его снискал. Если же так и не сможет обрести любовь государя, тот должен дать ему гарантию свободного проезда (*ducatum*) с имуществом в радиусе двух миль от города. И если опальный имел в городе много домов, государь будет владеть только тем из них, в котором тот жил. Что же касается аллодов, феодалов и другого имущества (*alldiis feodis et aliis bonis*), то государь не должен совсем отягощать опального. Все то, что по истечении шестинедельного срока государь найдет в доме опального, он может взять и свободно им владеть. Если же государя в это время в этой области (*in terra et in patria*) не окажется, до его прибытия опальный пусть постоянно пользуется миром и безопасностью в отношении своей личности и имущества.

XL. Кроме того, мы нашей монаршей волей пожаловали, чтобы горожане (*burgenses*), какого бы состояния они ни были (*si iuscumfuerint conditionis*), вступая в брак в городе или вне его, считались бы равными во всех правах (*parēs sint in omni iure*) и когда один из супругов умрет, пусть другой по праву наследования свободно и спокойно (*libere et quiete*) владеет всем оставленным имуществом. Сеньор города не может препятствовать или возражать, если супруга умершего или супруг умершей захочет вступить в брак с кем пожелает по своему усмотрению.

XLI § 1 Если двое вступили в брак и нарождали сыновей, дети их после смерти родителей пусть свободно владеют всем имуще-

гном родителей по праву наследования без всякого возражения.

§ 2. Однако никто из сыновей не вступит в наследство, если не будет рожден от законного брака.

XLII. Пока же будут живы отец и мать, никто из сыновей, сколько бы их ни было, не может препятствовать родителям поступать со своим имуществом, как они пожелают.

XLIII. § 1. Кроме того, пока отец жив и здоров, и в здравом уме, он может все имущество, каким владеет в аллодах, феодах и в других видах, дарить, продавать, ссужать каким бы то ни было образом кому пожелает, даже против воли детей и жены.

§ 2. Но женщина так поступать не может.

§ 3. Когда же отец сляжет на ложе болезни, он ничего из своего имущества не может дарить без согласия жены на помин души своей или родителей и вообще никому, разве что только в пределах пяти солидов.

XLIV. § 1. Такое же право даруем и жене.

§ 2. Если какой-либо горожанин умрет и оставит своей жене много имущества, то она может все это имущество, за исключением земельной собственности (*preter allodia*), дарить и продавать кому пожелает, даже вопреки воле детей.

§ 3. И если, покуда она будет оставаться незамужней и пожелает воспитывать детей, у нее не будет ничего, кроме аллода, и она сможет доказать это со свидетелями или присягой, то, теснимая голодом (*fame urgente*), она сможет даже аллод частично продать или заложить на сумму до пяти солидов, и так постоянно до тех пор, покуда у нее что-нибудь будет оставаться. И каждый, кто таким образом купит или возьмет в залог под надежное поручительство (*sub bono testimonio*) ее земельную собственность, может владеть этим спокойно и бесспорно.

§ 4. Если же она вступит с кем-либо в брак, то может движимое имущество ему подарить, но с земельными владениями ничего не может сделать без согласия детей; домом же своим может владеть пожизненно.

XLV. Если же кто-либо из сыновей вступит в брак, он может войти в дом матери и жить там же, однако без ущерба для матери. Он должен оставить для матери лучшее место у очага и вообще в доме. Дочь же этого не должна делать, а также и сын, если он имеет в городе свой дом. В доме же отца женатый сын не должен поселяться.

XLVI. Если двое в городе вступят в брак и умрут один другим, не оставив законных наследников, пусть им наследует ближайший из родственников.

XLVII. § 1. Если кто-либо в городе будет иметь несколько сыновей и каждому из них выделит часть своего состояния

потом случится, что сыновья один за другим умрут, не имея и детей, отцу будет принадлежать право наследования их имуществом: но только в том случае, если они никому не передали своего состояния, пока были здоровы и в здравом уме, что они вполне могли сделать помимо воли родителей, братьев сестер и кого бы то ни было.

§ 2. И если отец умрет, и потом случится смерть одного из братьев, другие братья разделят между собой его состояние, мать — нет.

§ 3. Если же все умрут, мать станет наследницей всего.

§ 4. После же смерти матери ей наследует ближайший родственник.

§ 5. Если же после смерти отца и матери останется один из сыновей и умрет, не имея жены и детей, ему наследует ближайший из кровных родственников.

XLVIII. § 1. Установлено (ponatur), что если кто-либо, имея нескольких сыновей, кому-либо из них еще при жизни передает часть своего состояния, то после смерти отца или матери он должен получить эту свою долю, а оставшееся имущество разделить между собой поровну остальные; или же все они (включая и ранее наделенных) объединяют свои доли и затем поровну разделяют между собой.

§ 2. Если же у какого-либо горожанина умрет жена, с которой он имел детей, а затем он приобретет земельное владение (allodia) или другое имущество, он может этим имуществом распоряжаться, как пожелает, независимо от воли детей.

§ 3. Если же, женившись вторично, он народит других детей, он должен оставить им движимое имущество и земли, приобретенные позже. Что же касается феодалов (feoda), то после смерти отца ими на равных условиях владеют дети как от первого, так и от второго брака.

§ 4. Таково же и право жены.

XLIX. Пока сын находится под властью отца и не женат, и еще не получил своей законной доли из отцовского и материнского имущества, и если он что-либо пообещает или заложит без ведома отца, то ни отец, ни сын не обязаны это отдавать или перед кем-либо за это отвечать. После же того, как отец разумно разделит свое и матримониальное имущество (rebus vel matrimonio), то что бы сын ни пообещал или ни заложил, он должен отдавать, а отец в этом деле уже не ответчик.

L. Равным образом, когда умрет отец, а сыновья не достигли совершеннолетия, ни вдова, ни дети не могут делать ничего значительного сами, но только по воле их опекуна и адвоката, которого им назначит судья. И адвокат не должен совершать чего-либо вопреки пользе матери и детей.

II. Если кто-либо в городе умрет без законного наследника, судья и совет должны нерушимо сохранять под своей защитой то, что он оставил, в течение года и дня, чтобы, если вдруг кто-либо на законных основаниях предъявит претензии как наследник, то он мог бы получить это и свободно им владеть, если, однако, докажет, что он законный наследник. Если же по прошествии года того, что хранилось, никто законно не востребует по праву наследника, тогда одна часть состояния будет отдана в пользу бедных на помин души умершего, вторая часть должна быть отдана для украшения церкви и на общие нужды города, третью часть пусть получит судья.

LII. § 1. Каждый достигший 14-летнего возраста может обладать всеми бюргерскими правами (*omnia iura burgensie*), участвовать в суде (*iudicii servare*) и правомочен наряду с другими выступать в суде как свидетель.

§ 2. Каждый, живущий в городе ныне и в будущем, в год, когда ему исполнится 15 лет, должен будет присягнуть, что будет верно соблюдать все права и вольности города (*omnia iura et libertates urbis*) и будет во всем верой и правдой служить Римской империи и государю императору, а также своим согражданам и присяжным (*conspicibus et juratis*).

LIII. Если кто из горожан не пожелает придерживаться и соблюдать вышеизложенные установления (*iura*) и доведется ему предстать перед верховным императорским судом, то, за что здесь полагается 3 фунта, там будет 10, за что здесь следует 10, там будет 20 и так до бесконечности.

LIV Наконец, мы нашей монаршей властью утверждаем и уступаем вам и вашим потомкам все вышеизложенные права и вольности, а также и все те, которые учредил и которыми одарил свободой город Фрейбург в Брейсгау герцог Церингенский Конрад в соответствии с правом города Кельна, при этом поклявшись на святых совместно с двенадцатью именнейшими своими министерialами соблюдать их и, кроме того, дав свою правую руку в руку свободного мужа в знак клятвы, что он сам и его потомки всегда будут нерушимо сохранять эти права и не нарушат их ни по каким соображениям; а также и те права и вольности, которые даровал и утвердил герцог Бертольд, некогда бывший вашим сензором; а сверх того, пусть соблюдаются все права и вольности, какие содержатся в ваших свитках законов и в свитках фрейбуржцев, а также и те, которые вы до сих пор по общему и здравому решению сочли нужным дополнительно включить в ваши хартии и свитки для сохранения и увеличения общей пользы и чести вашего города и империи.

В присутствии и с общего одобрения князей нашей короны а именно: нашего канцлера, божьей милостью епископа Менского

и Шпейерского, епископа Бамбергского, советников нашей курии Людвига фон Оттингена, Готфрида Гогенлоэ, Ансельма фон Юстингена, нашего нотариуса, магистра Конрада из Ульма, виночерпия Эберхарда фон Винтерштетена, стольника Конрада де Вальпурха, нашего маршала фон Папенхайма и многих других наших князей и верноподданных. А также, чтобы мы и наши потомки соблюдали это незыблемо, твердо и вечно, мы приказали написать и дать вам и вашим потомкам настоящий документ и скрепить его золотой печатью нашего императорского величества.

Дано во Франкфурте 15.IV.1218 г.

ПРАВО Г. АНВЕЙЛЕРА

ПОЖАЛОВАНИЕ ГОРОДСКОГО ПРАВА (14.IX.1219 г.)

Фридрих II римский император, Август и король Сицилии.. Мы сочли, что должно быть ведомо всем верным империи, что по примеру нашего пращура Фридриха, некогда славного герцога швабов, и других наших предков мы уподобили наш город (*villam*) Анвейлер городу Морнсбруннену и приняли людей (*homines*), проживающих в нем ныне и имеющих проживание в будущем, под особую милость и покровительство (*sub speciali gracia et protectione*) и из глубочайшего благоговения перед божественным величием решили обласкать и соседний замок (*castrique... intendimus conforene*), одарив его полной неприкосновенностью.

1. Мы уступили уже названному нашему городу с его жителями вечную свободу, городское право и закон (*libertatem perpetuam et ius legemque civilem*) по образцу городского закона Шпейера, — точно так, как они сами пожелали по собственному усмотрению.

2. Мы утвердили это и к тому же добавили, чтобы никогда никто из живущих в этом городе не принуждался платить поголовный побор (*ius capitale*), однако тот побор (*ius*), который и просторечье называется *buteile*, и торговую пошлину (*theloneum*), которая в просторечье называется *zoll*, в пределах империи каждый из них обязан платить.

3. Также мы добавили, что, если кто будет принят в городское сообщество (*consortium civilitatis*), то после того, как это совершилось, он не будет подсуден никакому форту (*nulli advocato subiacebit*); и кто проживет там год, будучи принят в число горожан (*adepta civilitate*), если окажется принадлежащим кому либо по крепостному праву (*servitutis conditione*), и тот, т. е. его

сеньор, в течение года его не востребует, после этого срока уже не будет иметь права его вернуть.

4. Если кто будет искать в этом городе убежища от преследующих его недругов, пусть он возрадуется, огражденный покоем мира (*pacis tranquillitate securus gaudebit*).

5. Границы городской территории мы определяем так: на востоке—вплоть до Сибильтинга; на западе до Друссуфеля; на юге—до Менхинвилара; на севере—до Винкельса. Если кто, перенося границы силой, оскорбит кого-либо, тот выплатит достаточное удовлетворение горожанам и шультрейсу (*dignam satisfactionem civibus et causidico*) этого города.

6. Установив сей закон (*hec legem statuta*), мы пожаловали названному городу (*ville*) и его церкви десятину, уплачиваемую в честь всех святых, особенно же для возвеличения св. Фортунаты — мученицы, и отметили, чтобы не викарий, а сам настоятель церкви собственной персоной служил там богу и святым и достойными мессами постоянно чтил нашу память и память всех наших предков и наследников, и чтобы горожане ежегодно помнили день нашей кончины торжественным сходом.

7. Также мы разрешили им чеканить собственную монету (*propterea facere monetam et habere*), так, чтобы доход от нее служил бы нашему замку Трифельс.

8. Если же кто из горожан приведет жену из иного фогтства (*de alia advocatia*), пусть тот фогт, простив вину, отпустит ее свободной и без взыскания.

ПРАВО Г. НЮРНБЕРГА

ГОРОДСКОЕ ПРАВО ФРИДРИХА II (8.XI.1219 г.)

Фридрих II, божьей милостью римский император... Для очевидности особой милости и расположения, каковые мы питаем к дражайшему нашему городу (*civitatem*) Нюрнбергу, мы не только подтверждаем древние права (*iura antiqua*), данные этому городу божественными предшественниками и прародителями нашими, прославленными римскими императорами и королями Ангустами, но более того, если окажется, что эти права имеют какой-либо недостаток, — поскольку этот город не имеет ни виноградов (*vineta*), ни судоходства (*navigia*), ибо был поставлен в неблагоприятном месте, — мы, исходя из нашей искренней благосклонности, восполним эти права, установив и предписав, чтобы в будущем они неизменно соблюдались.

1. Каждый горожанин (*civis*) этого города не должен ни-
какого фогта (*nullum advocatum*), за исключением нас и
ших преемников, римских королей и императоров.

2. Если какой-либо горожанин станет клеветником (*calumniator*)
другого, то как тот горожанин, который примет его под сво-
защиту, так и тот, кто отдаст себя в клеветы, тем самым
служат нашу милость (*gratiam nostram demerit*) и мир не бу-
нарушен.

3. Никто во всей Римской империи не может вызывать ко-
либо из горожан этого города на посидинки.

4. Если кто-либо отдаст в залог (*obligaverit aut inpignora-
rit*) какому-либо горожанину Нюрнберга какое-либо свое имуще-
ство (*bona*), земельную собственность или феодалы (*predia* и
feoda), то, кому бы это заложенное имущество впоследствии
ни перешло, — сеньору или наследникам (*ad dominos seu ad he-
redes*), — пусть тот горожанин, которому это владение было
тоже, спокойно им владеет, покуда преемники не выкупят его.

5. Если кто-либо какому-либо нюрнбержцу передаст в бене-
фиций (*inbenefitaverit*) свое имущество, земельную собственность
или феодалы и если сеньор феодала когда-либо вдруг откажется при-
знать законность этой инфеодалации, или если кто-либо этого го-
рожанина обвинит по этому поводу, и горожанин с помощью
свидетельств своих сограждан докажет, что он был законным
образом введен во владение бенефицием, то пусть он удержит
владение с миром.

6. Никакой сеньор не должен принуждать никого из нюрн-
бержцев к праву (*ius*), которое называется ленным правом (*le-
henrecht*).

7. Если какой-либо сеньор (*dominus*) или иной должник он
кажется возратить кому-либо из Нюрнберга долг, то пусть ста-
нет заложником того нюрнбержца его держатель (*mansionarius*)
или купец (*mercator*), или его зависимый человек (*voczman*)

8. Никакой нюрнбержец пусть не становится заложником ко-
го-либо, и один купец — за другого.

9. Также если какой-либо нюрнбержец совершит проступок, за
который должен понести наказание лично или материально (*in
persona aut in rebus*), то, если даст удовлетворение (т. е. запла-
тит) нашему шультгейсу, то более не должен никому отвечать
(платить? — *responder*) за этот проступок и сохранит нашу ми-
лость (*gratiam*).

10. К тому же горожане этого часто упоминаемого города
удостоены от всех наших предшественников, прославленных рим-
ских королей, такой милости относительно права, каковую мы
также подтверждаем: если государь император потребует от них

илиты налога (steuram), они должны платить не каждый отдел, но сообща, соответственно возможностям каждого.

11. Также на ярмарке в Верде горожанин Нюрнберга может право обменивать и покупать золото и серебро на нюрнберские деньги, и пусть никто ему в этом не препятствует. И на ярмарке Нордлигена пусть обменивают и покупают золото и серебро на нюрнбергские деньги.

12. Никакой нюрнбержец пусть не платит торговую пошлину каких-либо своих товаров в пользу имперской казны.

13. В Ascha нюрнбержцы пусть платят торговую пошлину со своих товаров не больше, чем судовладелец со своего корабля.

14. От Регенсбурга вплоть до Падуи пусть они не уплачивают никакой торговой пошлины.

15. Если в городе Вормсе на ярмарке в день св. Иоанна Крестителя один нюрнбержец даст фунт перца и две перчатки, пусть все нюрнбержцы в тот год не платят ничего иного или сверх того.

16. В городе Шпейере нюрнбержцы пусть ничего не платят и шпейерцы пусть ничего не платят в Нюрнберге.

ПРАВО Г. ГОСЛАРА

ГОРОДСКОЕ ПРАВО, ДАННОЕ ИМПЕРАТОРОМ

ФРИДРИХОМ II (13.VII.1219 г.)

Во имя святой и нераздельной троицы Фридрих, божьим благоволением император римлян и вовеки Август и король Сицилии. Мы желаем, чтобы стало известным, как город Гослар, основанный предшественниками нашими, божественной памяти королями и императорами, к каковому мы по сравнению с прочими городами питаем особое расположение, был нами наилучшим образом привилегирован установлением священных законов. Посему мы, внимательно выслушав горожан (burgenses) этого города (civitatibus) о том, как они, ради повышения славы нашей и укрепления неприкосновенного доверия к ней, претерпели многие телесные испытания и различные имущественные затраты, и, побуждаемые просьбами этих горожан и желанием достойно их за это вознаградить, повелеваем восстановить и подтвердить права названного города, каковые были дарованы ему древними пожалованиями императоров и королей, но затем некими жителями этого города были извращены. Считая достойным, чтобы эти права, разбросанные по различным рескриптам, были сведены

собраны воедино, мы для вящей крепости постановили, чтобы их в нижеследующем порядке и скрепить их нашей печатью.

1. Всякий, проживающий в городе Госларе и никем при жизни не избалованный в сервильном состоянии, после смерти ни чем не может быть назван сервом, и никто да не посмеет обратить в сервильное состояние (*in servitutem redigere*).

2. Если же какой-либо чужак войдет в этот город для проживания и пребудет в нем год и день так, что никто не обвинит его в сервильном состоянии, да возрадуется он боде, являющейся общим достоянием других горожан, а после смерти никто да не посмеет предъявлять в отношении его притязания как к своему серву (*in servum audeat vendicare*).

3. Каждый, кто захочет выступить свидетелем за другого, пусть даст фогту города (*advocato civitatis*) 5 солидов на судебные издержки и на стряпчего (*pro reliquiis et pro causidico*), чтобы, согласно праву города (*jus civile*), он мог дать свидетельства в пользу того, за кого хочет выступить.

4. Если же кто пожелает очиститься от обвинения в нарушении божьего мира, ничего не нужно ни на судебные расходы ни на стряпчего.

5. Если же кто-либо в качестве свидетеля наймет за деньги продажного и бесчестного человека, истец (*reus*) будет осужден.

6. Если кто-либо несовершеннолетний, живя в городе Госларе, с согласия опекуна своего или покровителя захочет свое имущество или наследство (*possessionem seu hereditatem*) подарить кому-нибудь, пусть свободно сделает это, и эта передача по праву пребудет крепкой и нерушимой.

7. Если кто-либо из горожан захочет отдать в залог свой дом, то, если он приведет к судье города двух или трех правдивых седей своих, этого будет достаточно.

8. Если кто-либо в присутствии судьи признает, что отдал в залог какое-либо имущество, то после он не будет иметь право отрицать это.

9. Всякий, кто арендует (*conduxerit*) дом другого, или если этот дом будет уступлен ему для проживания бесплатно, не может требовать на него никакого права собственности, ложно объявляя его своим, если только не докажет в присутствии согорожан, что законно его приобрел.

10. Если кто кого-либо приведет в суд за долг, тот, кто приведен, пусть никакого протеста не заявляет, а либо откажется от долга, либо признает его. И пусть не говорит, обманывая, что он долг уплатил в другом месте, при другом судье, однако если захочет доказать, что действительно уже вернул долг, пусть подтвердят это один судья и двое или трое горожан.

11. Кроме того, никто из королей или князей империи или из любого из горожан Гослара, но обязан доказать свое обвинение только через граждан города (*per burgenses civitatis*).

12. Никто из императоров или королей не должен приказывать ни одному из вышеназванных горожан, под предлогом своего покровительства, чтобы тот обвинил кого-либо из своих сограждан перед ним самим и тем причинил ему ущерб, разве только кто-либо будет непокорен фогту города и мятежен, и тогда государь император должен привлекать к суду горожан под предлогом неповиновения своему, если именно так будет.

13. Сами же горожане Гослара не должны враждовать или вести войну (*wegam facere*) ни с каким князем против другого князя и не отправляться с кем-либо в военный поход, если не ради защиты родины (*patrie*) к месту, которое называется Гильдесбург (*Hildegessbrch*), где будут пребывать 14 дней на собственном обеспечении (*in propria expensis*).

14. Да имеет этот город нерушимый мир в домах своих, чтобы никто укрывающийся в них (*ad eas fugiens*) не был бы оттуда насильственно извлечен.

15. Если же кто впустит в свой дом кого-либо, объявленного вне закона (*proscriptum quemquam*), и будет в этом обвинен фогтом или жалобщиком (*actore*), пусть объявленного вне закона представит в суд, или же сам с двумя горожанами пусть известит фогта и прочих горожан, что он не знает, скрывается ли в каком-либо закоулке (*angulo*) его дома объявленный вне закона.

16. Любому человеку разрешается схватить и связать человека, объявленного вне закона, застигнутого в кабаке или в пивной (*in taberna vini aut cervisiae*) как бы пойманного на улице.

17. Если кто-либо из жителей этого города там же и скончается и если в течение всей своей жизни он никогда и никем не объявлялся отлученным от церкви, то после его смерти никто не должен объявлять его отлученным.

18. Никто не должен в церковном суде (*in sinodo*) обвинять женщину в супружеской неверности, кроме ее мужа, а мужчина — кроме его жены.

19. Если кто женится вторично или более, приданое первой жены должно сохраняться прочно.

20. Ничья дочь или сестра, если она еще не достигла совершеннолетия, пусть не совершает обручения с кем-либо иначе, чем с согласия своего покровителя (*mundiburdii*).

21. В этом городе никому не будут предоставлены права, которыми наслаждаются (*gaudent*) горожане, если только он нарушит с ними не соблюдает их прав.

22. Если у кого-либо из купцов (*mercatorum*) этого города (*loci*) или у какого-либо иного горожанина, исключая монетария, будут найдены фальшивые монеты, пусть он с этими монетами постарается задержать того, кто их ему передал, и представит его властям, в противном же случае он должен под присягой подтвердить, что, получая и давая эти монеты, он не знает, что они фальшивые, и только в этом случае они должны быть от него приняты и возмещены. Так должно совершаться только однажды. Если же с одним и тем же человеком это случится в четвертый раз, он будет привлечен к ответу как фальшивомонетчик.

23. Если же будут обнаружены фальшивые монеты у монетария в тот момент, когда он их кому-либо дал, то, если он сможет указать того, кто эти монеты ему дал, будет привлечен к суду как фальшивомонетчик.

24. Если же он стяжает милость у судьи золотом, серебром, медью или каким-либо иным подкупом, то может выкупить руку, однако ему это можно сделать лишь однажды.

25. Если же фальшивомонетчик руку выкупит, он будет опрочен, как нарушитель закона, что в просторечье называется *echtlos*, как если бы он за обман руку потерял.

26. Ни в каком доме или сундуке не могут быть разысканы иные вещи, кроме фальшивых денег и вещей, предназначенных для религиозного культа, и должны это делать сами горожане, призвав кого-либо из судей города.

27. Любые деньги (*monete denarii*) в городе Госларе должны обращаться в соответствии со своей стоимостью.

28. Впредь никакой горожанин Гослара не должен предстать перед судом где-либо, кроме суда в этом городе, в имперском дворце, при котором он проживает.

29. Пусть никто из горожан (*civibus*) не смеет привлекать к суду своего согорожанина вне города, или в нашей курии, или в курии наследников наших, или в ином месте, разве что истец будет иметь свидетельство остальных горожан, что тот, кого он хочет привлечь, грубо и дерзко противился фогту города.

30. Пусть ни фогт, ни судья, ни кто-либо иной не задерживает вора или кого-либо иного в городе иначе, как в присутствии того, кто против него хочет возбудить дело.

31. Купцам же названного города мы уступаем, — подобно тому, как поступали предшественники наши, — вечное и нерушимое право, по которому все их товары и сделки будут свободны от всякой торговой пошлины во всей империи, за исключением трех мест, а именно Кельна, Тиля (*Tuele*) и Бардевика.

32. Никто в городе Госларе не смеет иметь тюрем или темниц, кроме общественных (*publica*), которые также называются *gegi*

и, иначе ему самому придется понести наказание от фогта и ирремщика.

33. Фогт города не должен присваивать ничего наследства, с исключением наследства комедиантов (*hystriionum*), жонглеров и чужеземцев. Однако наследство чужеземца должно сохраняться неприкосновенным в руках кого-либо из горожан в течение года, по истечении этого времени, если не придет никто, кто мог бы на него претендовать, — только тогда фогт может забрать это наследство.

34. Также фогт, когда председательствует в суде, не должен спрашивать мнения о том или ином судебном решении (*de ulla contentia debet procuratione*) никого из тех, кого он назначил судьями, ни защитника по делу, ни кого-нибудь из своей челяди, и пусть имеет только четырех судей, и не более. И никто из них не должен быть из числа его зависимых людей (*nec aliquem illorum in sua tenere debet procuratione*).

35. Также пусть названный фогт никого не спрашивает по поводу какого-либо решения, кроме одного из горожан, и пусть этим фогт не приостанавливает и не отвергает этого решения, но только один горожанин (*sed unus tantummodo burgensis*), и он должен найти наилучшее решение (*et idem invenire debet meliorem*).

36. И чье решение одобрит добрая часть горожан, то решение и возобладает.

37. Кроме того, дано императорским предписанием, чтобы не существовало в городе никакого клятвенного союза (*coniuratio*) или сговора (*promissio*) или объединения (*societas*), каковые по-немецки называются *einige* или *gelde*, кроме сообщества монетчиков, для того, чтобы они охраняли от фальшивых монет

38. Если кто-либо, будучи ранен, обвинит в своей ране другого, который скажет, что он не виновен, тот, кто обвинен, должен будет оправдаться свидетельством семи горожан, имеющих собственные дома (*cum VII burgensibus qui proprias habent domos*).

39. Предписываем, чтобы все права, кроме права захвата (*absque captione*), которые в просторечье называются *uaghe*, собиравшиеся как чужеземцами, так и горожанами.

40. Если кто будет обвинен в недоплате торговой пошлины (*thelonei*) и станет отрицать содеянное, пусть оправдает себя только рывкой (*sola manu*). Если же будет уличен или сознается, уплатит самую торговую пошлину и, кроме того, посмертным размере, а фогту города за каждый тенарий обязан будет уплатить 60 шиллингов.

41. Если кто ведет свои дела в городе и ничего не купит и не продаст, пусть уйдет свободным от торговой пошлины. И так

продавая или покупая, что-либо выменяет, обязан уплатить установленную пошлину.

42. Пусть никто из горожан не платит торговой пошлины своего имущества, вывозимого из города, за исключением топы необработанной меди.

43. Никто из горожан или лесных жителей (*silvani*) не должен выкладывать своего имущества в уплату за держания, которыми они владеют от фогтства (*pro beneficiis de advocatia vendis... pandari*), если только это не держания от самого городского фогта (*nisi tantum bona ipsius civitatis advocati*).

Кто же (из лесных жителей?) явится на городской рынок товарами, ничего не должны выкладывать, если только этот товар не привезен кем-нибудь из горожан (*nisi per burgenses huius hatur ad ipsum*).

44. Существует правило, что горожане избирают четырех судей, за что фогту должно дать 6 марок, — ни больше, ни меньше.

45. Никому не дозволено дарить свой дом церкви, разве что продать его и уделить часть серебра церкви, дабы не нанести ущерба интересам императора.

46. Все городские поборы (*redditus*) должны благоприятствовать делам горожан (*ad negocia burgensium debent adiuvare*), потом уж благу клириков и церквей.

47. Существует право, что фогт никого не может обвинить иначе, как в присутствии жалобщика и совета (*consilio*) горожан.

48. Права сильванов (*silvanorum*) таковы: если кто из их слуг (*servientibus ipsorum*) внесет кому-либо из них выкуп (*pretium*) который в просторечии называется *wist* и потом тот его увидит в каком-либо месте, может задержать его свободно без судьи или его посланца. Также сильваны не должны быть ущемляемы в имуществах своих по какой-либо причине, кроме платежей (*red ditibus*) в пользу империи, каковые они должны платить с кузнечных мехов (*follibus*). Сильваны, которые имеют хижины в полевых местах, обязаны с каждых двух кузнечных мехов еженедельно платить в пользу империи лот серебра по той причине, что им разрешено вывозить для плавки уголь, откуда они пожелают.

...Чтобы эти наши установления впредь сохранялись нерушимо, настоящую грамоту мы скрепляем приложением нашей печати.

ГОРОДСКОЕ ПРАВО (1221 г.)

Дабы это городское право (*civile ius*) соблюдалось в городе Мюнстере (*in civitate Monasteriensi*), пусть с общего согласия скабинов этого города (*communi consensu scabinorum civitatis*) сей городской закон (*les municipalis*) будет занесен в эту грамоту и укреплен печатью названного города.

1. Пусть горожане (*cives*) не принимают в свое сообщество (*in concivium*) кого-либо, если его сеньор возражает (*qui habet iurinium contradicentem*).

2. Если же он будет принят, пусть уплатит 4 солида штрафа. 1 солид даст сеньору (*incontinenti* — не сумевшему удержать).

3. Штраф (*vadium*) смягчается в том случае, если он выложит 2 солида в тот же день до заката солнца.

4. Если же не уплатит сразу, то через 14 дней должен будет отдать 4 солида.

5. Если же он будет кем-либо обложен повинностью (*gravamine recipere*) до того, как будет принят в городское общество, город не обязан его от этого освобождать.

6. Но если это бремя постигнет его после вступления, должно действовать ему в этом советом и помощью (*assistere consilio et auxilio*).

7. Если же в течение года и шести недель его сеньор (*dominus*), неожиданно его отыскав, станет законно требовать выполнения повинностей (*de servitute*), пусть он будет отлучен от сообщества горожан без возмещения вступительного взноса (*sine restitutione denariorum quos dederat*).

8. Немошный (*infirmus*) горожанин, пока он дает отдых своим рукам, может передать свое имущество (*res suas*) кому пожелает, за исключением своей супружеской доли, каковая называется *herwede*. Подобным образом может распорядиться своим имуществом и женщина, за исключением той части имущества, которая составляла ее приданое, что называется *rathe*.

9. В момент бракосочетания жених и невеста пусть взаимно передадут друг другу свое имущество, если только не пожелают оставить его раздельным.

10. Из мужниной (*herwede*) и из женной (*rathe*) доли должн внести не менее шести денариев на случай смерти супругов, если другого имущества нет.

11. Если умрет женщина, имеющая дочерей, старшая должна быть выделена (*senior debet partire*), а младшая (*iunior*) пусть выбирает.

12. Если супруга умрет, не имея наследника, то ее долю пусть

разделят поровну (*rathe cedent equaliter*) между ее сестрами, если они одного с нею правового статуса (*si unius sint conditionis*).

13. В качестве мужниной доли (*herwede*) должно даваться из коней мужа (*optimus equus qui viri proprius fuit*) или железную шапку (*galea vel pileum ferreum*), меч, седло, сапоги, удила, копье; панцирь пусть не дается; одежды должны быть внесены в полном порядке.

14. В качестве жениной доли (*ad rathe*) должно вносить: лучшее: лучшее покрывало (*lectisternium*); лучшее из оставшегося пусть получит муж; если будет иметься только одно, пусть останется за нею; подушки, перины, скатерти, холсты; но если много муж получит то, что будет лучшим после наилучшего, то (*augum sanum*), изломанное (*fractum*) не вносится, все из одежды; ткани (*pannus textus*) не вносятся; пряжа нетканная (*fila non texta*) вносится; сундук или круглый ларец (*sigva*) и плетеная корзина (*scrinium super binum*).

16. Если придут судья и горожане (*iudex et cives*), пусть получают бочонок (*ignam*) вина или 6 денариев.

17. Если умрет чужеземец (*extraneus*), пусть его имущество (*res sue*) хранится год и день; по истечении этого срока пусть получает сеньор города (*dominus ville*).

18. Если кто совершит убийство, пусть будет обезглавлен; если ранит острым железом до искалечения, пусть лишится руки; если не искалечит, пусть уплатит 60 денариев штрафа.

19. Если кто совершит нечто подобное *cum patino*, пусть будет наказан подобным же образом.

20. Кто совершит пролитие крови без острого оружия, пусть уплатит 7 солидов или пусть будет выпорот и обрит.

21. Если это случится в харчевне, а не на улице, и если поправившиеся примирятся сами, пусть судья не требует удовлетворения.

22. Кто в присутствии судьи учинит брань без порочных слов (*sine viciosis verbis*), пусть уплатит 3 солида штрафа.

23. Кто содеет это вне суда, пусть уплатит 3 солида; одна треть следует судье, вторая — горожанам, третья — потерпевшему.

24. Те, кто учинит перебранку вне города, если не примирятся, уплатят городу (*civitate*) 6 солидов.

25. Если же примирятся, пусть те, кто присутствовал при этом, получают 3 солида, и город 3 солида.

26. Тот, кто не придет в суд, будучи вызван, пусть уплатит 6 денариев штрафа и внесет за себя залог.

27. Подобным же образом следует поступать и на следующий день; ежели дважды вызванный не придет, будучи дома, пусть судья и город (*iudex et civitas*) заставят его привести.

28. Если чужак (*hospes*) вызовет горожанина в суд за дол

которые назовет, а тот не явится, пусть на следующий день он отдаст истцу из вещей должника (*de rebus debitoris*) те, которые укажет истец.

29. Если иноземный человек будет обвинен горожанином за что-либо, пусть он получит 14 дней отсрочки, если выставит поручителей из жителей города.

29a. Пусть никто не приводит в суд своего горожанина в день его отъезда; если же совершит это, пусть уплатит 2 солида штрафа.

30. Тот, кто вызовет своего согорожанина в суд вне города, пусть уплатит 2 солида штрафа.

31. Как бы ни был горожанин отягощен (*gravatus*) за свою вину, он должен снять ее с себя сам.

32. Кто солжет (*defecerit*) при доказательстве долга, пусть платит 2 солида штрафа и от прочего будет освобожден.

33. Если чужак (*hospes*) солжет при доказательстве долга или поединка, пусть будет оштрафован на одну марку.

34. Если какой-либо пришлый (*extraneus*) захочет обратиться к горожанину в крепостное состояние (*civem in servitutum redigere*), пусть сперва уплатит судье (*certificabit iudicem*) из той суммы в одну марку, каковую он выплачивает, если солжет при доказательстве.

35. Если пришлый (*extraneus*) вручил горожанину деньги (*recepit*), то горожанин, будучи уличен согорожанами, пусть вернет их либо сам, либо его наследники.

36. Если кто, будучи спрошен о решении суда в присутствии нашего сеньора (*coram domino nostro*), попросит об отсрочке для вызова двух отсутствующих скабинов (*ad presenciam duorum scabinorum absentium*), пусть получит 14 дней отсрочки; однако после этого срока пусть вынесет это решение в тот же день или на следующий.

37. Кто учинит беспорядок (*tumultum*) в присутствии нашего сеньора или в присутствии судьи, пусть уплатит 6 денариев штрафа. Кто станет звать к оружию (*proclamavit ad arma*), не будучи ранен, избит или ограблен, пусть уплатит 7 солидов, или будет вышечен и обрит.

38. Если горожанин востребует через суд свои украденные вещи (*res suas furtivas*), пусть суд не имеет от этого дела никакой доли.

39. Если чужак (*hospes*) востребует через суд свои украденные вещи, пусть судья получит третью часть; чужак пусть проведет оценку (*faciet estimacionem*), а судья выберет свою долю.

40. Кто не явится для назначенных переговоров (*ad indictum colloquium*), пусть будет оштрафован на 5 денариев.

41. Кто сможет с помощью двух горожан доказать, что принадлежит первое право владения по отношению к заложному имуществу (*priorem possessionem*), должен получить его.

42. Тому, кто первым принесет жалобу о долге вне или в пределах городской черты (*super vel in wicbelede*), пусть первому будет вынесен и приговор, а после этого — прочим, сколь должно вельсь дело первого.

43. Пусть последующий (*posterior*) принудит первого (*compellit priorem*) прийти в суд, чтобы получить свой долг *de wicbelede* в четырнадцатидневный срок, а затем пусть судятся прочие.

44. Если кто получит судебное распоряжение (*sententiis*), он должен выставить вещи (*res*), из которых его кредитор может выбрать в счет оплаты долга, то ему нельзя выставлять своей и своей жены одежду и домашней утвари (*supelectilem*) или он имеет *wicbelethe* и другие вещи.

45. Каждый, кто спокойно владеет своим *wicbelethe* в течение года, если захочет доказать свое владение (*possessionem*) простой присягой, пусть будет допущен, разве что свидетели пресекут.

46. Если кто незаконно возьмет *wicbelethe* другого, пусть уплатит штраф по 60 солидов за каждый забитый столб, если будет уличен.

47. Никакой горожанин, будучи приведен в суд за долги, пусть не предлагает своему горожанину залог, разве что предложит его раньше.

48. Чужак (*hospes*), если не явится в суд, будучи вызван, штрафуется 60-ю солидами; если же бежит, объявляется подлежащим смертной казни (*peremptorie citabitur*).

49. Кто утаит торговую пошлину (*thelonium deportaverit*), уплатит 60 солидов штрафа или пусть очистит себя семикратной присягой.

50. Тот, кто представит доказательства, что так было совершено, пусть ничего не платит ни судье, ни глашатаю.

51. От каждого участка (*area*), сколько бы зданий ни было построено на нем, пусть не взимается большая плата (*pensio*) нежели та, что была установлена с этого самого участка впервые.

52. Кто проживет (*habitaverit*) в течение года в пределах городской черты (*in wicbelethe*), не будучи никем востребован и как крепостного (*in servitute redigente*), тот должен оставаться свободным (*liberi*).

53. Если кто по ошибке обвинит безупречного скабина, пусть уплатит судье и каждому скабину по 3 солида штрафа.

54. Если между горожанами возникнет распря (*discordia*), скабины могут унять ее по своему усмотрению без участия судьи, если жалоба не поступила к нему самому.

55. Чем бы ни завладел суд и город (*iudicium et civitas*), половина пусть следует судье и половина — на нужды города.

56. Если горожанин отдаст в залог вещи чужака (*res hospiti*) и если в тот же день не явится в суд для уплаты, его имущество (*res sue*) будет заложено в течение 14-ти дней.

57. Если вор (*fur*) или иной человек кому-либо поручит имущество для сбережения и если хранитель (*servator*) скажет, что и имеет их в залоге, что подтвердит присягой, пусть владеет этим имуществом, пока вещи не будут возвращены в присутствии уды.

58. Если муж неожиданно скончается, половину его наследства пусть получит жена и половину — дети.

59. Пусть каждый из детей получает наследство другого, и четвери следует наследство детей.

60. Кроме того, законом (*legem*), которым владеет город Мюнстер, пусть полностью владеет и Билевельд (*Bilevelde*).

Имена скабинов, в присутствии которых были записаны эти законы: Генрих фон Лон, Иоганн Альфхардинг, Генрих Степеколс, Кратиндхорн, Фридерик Вурет, Людольф фон Воркен, Генрих Сальменхове, Хельгер супер Самро, Регемунт, Берихард Мельник, Ангельберт Хофрогге, Арнольд фон Боркен и прочие присутствующие скабины.

ПРАВО Г. ВЕНЫ

ГОРОДСКОЕ ПРАВО ЛЕОПОЛЬДА VI (18.X.1221 г.)

Леопольд, божьей милостью герцог Австрия и Штирии. Отвзавшись на горячую петицию и мольбу наших венских горожан и благочестиво поразмыслив над ними, мы даровали им и их потомкам права, каковые милостиво предусмотрели для их мира и спокойствия.

1. Итак, мы установили, что если кто-либо из горожан, находясь в пределах стен и рвов этого города, убьет кого-либо, чья жизнь оценивается в 50 талантов (букв.: «...убьет кого-либо до 50 талантов»), то таковой убийца не может пользоваться ничем поручительством, но пусть городской судья трижды объявит его убийцей, — или единожды вместо трех раз. Если обвиняемый не явится в суд и захочет доказать свою невиновность, пусть он опстит себя согласно тому, как было установлено в первоначальном городском праве (букв.: «...в первоначальном городском мире»). Если же убийца признает, что он совершил убийство,

силой на силу, — что называется вынужденной защитой (*poiswende*) — пусть докажет это при помощи раскаленного железа. Если же докажет, пусть будет свободен от судьи и от обвинителя. Если же не докажет, пусть имеет возможность бежать, куда захочет, в течение этого дня и следующей ночи, после чего судья пусть объявит его вне закона. И ежели он будет схвачен в городе после этого льготного срока, пусть будет осужден. Итак, мы установили закон города (*pacem civitatis*, т. е. городской закон) таким образом, что защита собственной жизни, именуемая вынужденной защитой, доказывается за убитого раскаленным железом, за раненого же — свидетельством присяжных, а именно двенадцатью достойными персонами, коих точно назначит судья. Если же убийца будет схвачен на месте преступления с окровавленным мечом и если судья сможет это доказать свидетельством семи достойных заслуживающих доверия мужей, которые подтвердят, что он совершил это убийство, не отвечая силой на силу, т. е. не в качестве вынужденной защиты, то пусть он будет обезглавлен. Если же убийца, будучи трижды вызван, не явится на законное судебное заседание, пусть судья объявит его вне закона; и две части его имущества пусть будут оставлены его жене и детям, третья же часть пусть следует судье. Если же он не имел жены и детей до того, как оказался вне закона, пусть оставит эти две части своего имущества, кому пожелает. Если же он бежит из города прежде, чем его объявят вне закона, не оставив никакого распоряжения о своем имуществе, пусть две третьих его имущества сохраняются неприкосновенными в течение года и дня; и если в течение года и дня придет кто-либо, кому должно получить часть его имущества, пусть он его получит, если сможет доказать, что бежавший — его должник. А что останется сверх долга, пусть будет употреблено на помин его души. Если же убийца не имеет или не может выставить в пределах городских стен имущества на 50 талантов, однако сможет найти поручителя, пусть тот поручится за него под угрозой собственной жизни. Но если он не сможет найти поручителя, пусть судья его задержит и держит, покуда ему не будет вынесен приговор согласно городскому праву. Также каким бы ни было постановление в отношении имущества убийцы, если убийство будет доказано или если он не сможет решительно отрицать свою вину, пусть он заплатит головой.

Также если обвиняемый в убийстве, будучи вызван к судье, станет сопротивляться и уже вследствие этого будет объявлен вне закона, пусть в течение этого срока (т. е. до вынесения приговора) не имеет никакой возможности распоряжаться своим имуществом, движимым и недвижимым; однако, если пожелает, пусть передаст его жене и детям; а что касается его собственных ве-

щей, то пусть судья передаст их в нашу казну в присутствии трех достойных свидетелей. Если же окажется, что он был должен кому-либо до того, как совершил злодеяние, пусть будет выплачено кредитору из имущества осужденного, ежели он сможет доказать, что осужденный был его данником. И ежели что-нибудь останется от его имущества после уплаты долга, пусть две трети получают жена и дети, третью часть — наш судья.

2. Если кто-либо будет так ранен, что не сможет прийти к судье, и если будет решено, т. е. доказано, что он не мог прийти, то, если виновник (*reus*) этого прилет к судье, пусть судья задержит его, пока не станет ясно, выживет раненый или нет. Если же кто-либо захочет поручиться за него, пусть внесет за него залог в 50 фунтов, пока раненый выздоровеет или умрет, и в соответствии с этим тогда расплатится. О ранних решается так же. Если кто-либо из горожан кому-либо отсечет руку или ногу, или глаз, или нос, или иной известный член, пусть даст судье 10 фунтов и столько же тому, кто понес ущерб. Если же тот, кто нанес ущерб, не будет иметь денег, пусть будет осужден за проступок по закону: око за око, рука за руку и т. д. Если захочет доказать, что он невиновен, пусть докажет свою невиновность, как установлено миром (*sicut pax est instituta*). Даже если он окажется (знатной) персоной (*talis persona*) мы хотим осудить его так же. Кто бы ни ранил кого-либо так, что грозит потеря членов, что называется *let*, пусть даст 5 фунтов судье и 5 фунтов раненому или будет наказан таким же образом. Если это случится в отношении лица могущественного и почтеннейшего (*magne et honestiori persone*), оно тоже подлежит нашему суду. Если же кто ослепит кого-либо по безрассудству, пусть это останется для наказания судом, но не нами.

Тот, кто отсечет другому палец или ранит так, что будет грозить потеря членов, что называется *lideschaert*, пусть уплатит 3 фунта судье и 3 фунта потерпевшему. Если же не будет иметь денег, пусть будет наказан таким же образом или пусть очистит себя в соответствии с тем, как мы установили. Если же это совершит знатная персона, пусть сохранит нашу милость. Если же кто кого-либо ранит так, что раненый выздоровеет, пусть (виновник) за столь простую рану даст судье 2 фунта и столько же пострадавшему. Если же не будет иметь денег, пусть будет в присутствии судьи обрит и высечен, — не там, где секут раз, — либо пусть будет освобожден, если установит мир. Если же кто горячо законно будет доказывать, что поранит другого без раны, однако повредил жизненно важные члены, и знает, что совершил сие, защищая себя, пусть он очистит себя в присутствии пяти присяжных, названных судьей из двадцати присяжных, присягу в том, что его ложно оклеветали. Если же он не оправ-

дается, пусть воздаст судье, как положено по праву. Если же кто будет ранен в сумерки или ночью, то те, на кого падает подозрение, что они ранили, если они не будут иметь имущества, достаточного для уплаты, или не будут иметь поручителя, пусть будут задержаны судьей до следующего дня, и пусть раненый в присутствии судьи встретится с заподозренными, принеся сначала клятву, что он не станет на них клеветать. Если же раненый не сможет прийти к судье из-за чрезмерной слабости, пусть придет к нему два достойных (*idonce*) лица с посланником судьи и на ложе болезни примут от него клятву, что он не станет клеветать.

3. Мы пожелаем также, чтобы ни от кого не принималась присяга (*iuramentum*), которая называется *vogait*, разве что он так поклянется вторично. Итак, пусть *vogait* не производится вне суда, разве что, как сказано выше, раненый будет бессилён прийти. И если обвиняемый, против которого таким образом присягнули, захочет себя очистить, пусть судья назовет 10 человек его специальности (*sue professiones*) и 10 иных почтенных мужей, дабы из них всех обвиняемый выбрал четырех и очистил себя пятью присягами. Если же он не сможет иметь присяжных, пусть очистит себя судом воды (*cum iudicio aque*) и будет освобожден. Если же обвиняемый скажет, что, когда было совершено то преступление, в котором его обвинили, он находился тогда в каком-либо ином месте, то если докажет это свидетельством трех полноправных и почтенных (*iustos et honestis*) мужей, каковые это подтвердят, пусть будет освобожден.

4. Мы постановили, что кто бы ни избил палкой какого-либо доброго человека (*bonum hominem*), который не является *ahnaer tap*, тот пусть уплатит судье 2 фунта и побитому 2 фунта или пусть очистит себя, как постановил закон. Если даже он является почтеннейшей персоной, все равно не подлежит нашему суду. Если кто-либо, обладающий в пределах городских стен имуществом до 30 фунтов, будет избит палками, пусть избивший даст 5 фунтов судье и 5 фунтов пострадавшему и, кроме того, пусть лишится нашей милости. Если же кто-либо избьет какую-либо бесчестную персону (*inhonestam*), например, *garzionem* (слугу?) или ничтожного жонглера, который словами или иным образом сам заслужил это, если докажет сие, пусть ничего не дает ни судье, ни избитому. Если же кто даст пощечину какому-либо домовладельцу (*domestico, wirt*), который, однако, не принадлежит к почтеннейшим и богатым, пусть он даст 5 фунтов судье и 5 фунтов побитому. Если же окажется таким, т. е. почтеннейшим, пусть сохранит нашу милость.

Если же даст пощечину зависимому (*servienti*) или иной незначительной (*leviori*) персоне, пусть даст 60 денариев судье и

60 денариев побитому. Если же тот, кто нанес пощечину, докажет, что тот сам ему угрожал каким бы то ни было образом, и при этом побитый окажется малодостопочтенным человеком, пусть виновный даст судье 1 фунт, а побитому — ничего. Если же это будет человек зависимый или незначительный (*serviens et vel. . levissima persona*), пусть судья получит 60 денариев, а пострадавший — ничего. Если же тот, кто получил пощечину, окажется окровавленным, а тот, кто нанес удар, докажет, что ударил его только рукой, он должен быть наказан только за пощечину. Если же кто-либо ударит своего серва или служанку без оружия, но так, что окровавит, перед судьей за это пусть не отвечает.

5. Если кто по какой-либо причине будет объявлен вне закона и, желая избежать этого, захочет в присутствии судьи выставить истцу должное удовлетворение, а тот откажется принять его, пусть будет освобожден.

6. Кто бы из горожан ни был обвинен в том, что дал пристанище кому-либо, зная, что тот — вне закона, пусть очистит себя своей собственной присягой и будет свободен. В противном случае пусть даст судье 10 фунтов. Если же не будет иметь денег, пусть лишится руки. Если же он, уплатив 10 фунтов, вновь примет у себя того же преступника и судья докажет это с помощью семи соседей, этот человек и его имущество будут в поамей власти. Если же судья не сможет это доказать, пусть он очистит себя одной только присягой.

7. Если кто повредит кому-либо в каком-то деле и ранит его и согласится явиться в суд, дать должное удовлетворение и понести положенное наказание, а тот, кто пострадал, строптиво откажется принять это удовлетворение, пусть судья примет положенное возмещение и через 14 дней трижды предложит свои услуги при свидетельстве трех или двух свидетелей. Если тот в течение этого срока так и не примет (удовлетворение), пусть судья возьмет его себе, а допустивший беззаконие обязан уплатить нам 30 фунтов. Если же он не будет иметь денег, пусть будет объявлен вне закона и изгнан, и ежели его после этого схватят, пусть он лишится руки.

8. Постановили мы также, что если кто подвергнет насилию девушку или почтенную (*honestam*) женщину и та в течение 14 дней докажет свидетельством двух достойных доверия мужей, что она звала на помощь, пусть тот очистит себя перед судом с помощью раскаленного железа. Если он не сможет очистить себя и, бежав после приговора, будет схвачен, пусть будет приговорен к отсечению головы. Если же потерпевшая в течение 14 дней после содеянного с нею уличит его свидетельством семи достойных доверия мужей, пусть он не получит никакого оправдания, но будет подвергнут вышеназванному приговору. Если же в течение

14 дней эта женщина по своей воле не подаст жалобу, после этого срока пусть ее не слушают. Если же какая-нибудь публичная женщина пожалуется, что ее подвергли насилию, пусть ее даже не слушают.

9. Пожелали мы также, чтобы у каждого из горожан его дом служил местом проживания и защиты его самого, его домоначальца, а также для любого беглого и пришлого человека. Пусть никто не вторгается для битвы в дом чужой или в иное место в городе с луком и копьем. Кто содеет противоположное, если имеет дом должен отдать его нам или выкупить его у нас за 30 фунтов. Если не будет иметь дома, пусть лишится руки, либо выкупит ее за 10 фунтов. Также если кто вторгнется в чужой дом, (холодину) можно защищаться любыми способами, кроме лука и копья. Кто содеет иначе, уплатит нам 10 фунтов. Следовательно, всякий, кто случайно совершит подобное безрассудство или вторжение в дом, что называется *heimsuchunge*, и если хозяин этого дома, принеся на него жалобу по поводу этого вторжения, заставит его самого при двух присягнувших свидетелях отвечать за содеянное, пусть он сам докажет свою невиновность свидетельством пяти достойных мужей. Если оправдает себя, пусть будет свободен. Если же нет, пусть уплатит судье 2 фунта, хозяину, в чей дом он вторгся, — 2 фунта. Если же он в том доме кого-либо ранил, пусть даст судье 2 фунта, хозяину — 3 фунта и раненому 2 фунта. Если же не будет иметь денег, лишится руки. Если же он совершил вторжение не случайно, но преднамеренно, прихватив с собой дружков, пусть уплатит нашему судье то, что ему причитается (т. е. 2 фунта) и сверх того пусть будет предан нашему суду.

10. Мы постановили также, что судья может судить только того, кто присутствует в суде, и того, кто на него подал жалобу, т. е. в присутствии истца и ответчика, или если судья сможет доказать, свидетельством таких лиц, которые не являются ни его людьми (*homines*), ни его подчиненными (*subditi*), что некто подал жалобу на этого (человека) прежде. Кроме того, если кто-либо подаст жалобу на другого, а затем тот, кто жаловался, захочет оставить тяжбу без продолжения, тайно заключив примирение с тем человеком, что называется *halsune*, судья обязан заставить его продолжить свою тяжбу. Если же он не захочет, пусть уплатит судье штраф (*wandel*), каковой причитается уплачивать ответчику.

11. Мы пожелали также, что, если кто-либо войдет в город, чтобы защититься от своих недругов, и если его недруги захотят его схватить или убить в городе, пусть горожане, которые защитили его от врагов, не отвечают судье за этот поступок, даже если при его защите из-за их резкости, — как это имеет обык-

новение в таких случаях, — горожанами нанесен кому-либо какой-либо ущерб. Также если кто войдет в город, чтобы стать горожанином (*civis efficiatur*), горожане (*burgenses*) должны оберегать его от всяческого насилия вплоть до нашего прибытия.

12. Драка или распря, имеющая место в городе, по обыкновению собирает толпу с оружием или без оружия; если кто-либо будет обвинен, что явился туда, чтобы драться, но сам он скажет, что пришел туда только ради успокоения и примирения, то, если сможет это подтвердить собственной присягой, пусть будет свободен от обвинителя и от судьи. Разве что его ясно видели дерущегося с другими: тогда его присяга пусть не принимается. Если же кто из горожан будет обвинен, что или гость его, или друг, или кто-либо из его домочадцев совершил какое-либо преступление вне его дома или в доме, если он докажет собственной присягой свою невиновность в этом, пусть будет освобожден. Если же нет, пусть уплатит судье 3 фунта.

13. Кто бы ни обозвал другого «сыном шлюхи», уплатит судье 60 денариев. Если же оскорбленной окажется почтенная (*honesta*) персона, пусть даст судье 2 фунта. Если же не будет иметь денег, пусть будет острижен и высечен, но не там, где карают воров. Если же это будет знатная персона (*tanta actalis persona*), мы желаем, чтобы он подлежал нашему суду.

14. Если кто будет уличен семью почтенными и достойными веры мужами в том, что он совершил ложное свидетельство, пусть ему отрежут язык или пусть откупится за 10 фунтов. И пусть возместит ущерб тому, кто нанес ущерб своей ложью.

15. Кто станет поносить господа бога и его святых, тому следует отрезать язык, и ему не должно быть разрешено откупиться ни за какую плату.

16. Также у кого бы внутри стен города ни был обнаружен висящий на поясе кинжал, который называется *stechenteczel*, пусть он уплатит судье 1 фунт и отдаст кинжал. Кто же будет носить его скрыто и воровски (*furtive*) в сапоге или в другом месте, пусть уплатит судье 10 фунтов или лишится руки.

17. Также во избежание губительной болтовни и обмана переломных лжесвидетелей, а также нечестности тех, кто имеет обыкновение незаконно, перетолковывать законные и достойные дела людей как ошибку времени, мы постановили, что 100 вернейших и разумнейших мужей, взятых от отдельных кварталов в городе, имена которых занесены в специальную грамоту, должны всегда иметь нижеследующую привилегию: и если один из них умрет, пусть общим советом (*communī consilio*) на его место тотчас будет назначен другой. Мы учредили это для того, чтобы все купли и продажи, поручительство, залог, дарения недвижимой собственности (*prediorum*), домов, виноградников или иного иму-

щества, которое будет оценено свыше 3 фунтов, и любая сложная сделка, достойная памяти, совершалась и предавалась гласности в присутствии двух или более из этих ста мужей. Следовательно, каждый из горожан должен при сделке выбрать двух свидетелей из этих ста: если один из них умрет, (дело) должно быть засвидетельствовано оставшимся в живых и другим достойным доверия мужем. Наконец, если кто из этих ста свидетелей в присутствии судьи или в ином месте перед церковью не захочет быть свидетелем кого-либо в деле, которое он знает, пусть судья призовет его к совершению свидетельства; в случае, если он будет сопротивляться и кто-либо из-за него понесет ущерб, мы пожелаем, чтобы в наказание за упрямство он возместил то же самое.

18. Мы запрещаем, чтобы какая-либо вдова передавала другому мужу, за которого она после выйдет, имущество своих детей, которое относится к их наследству. И такой муж не может быть свидетелем по поводу имущества таких детей, которые еще не достигли совершеннолетия. Если же кто свидетелем двумя или более из тех ста свидетелей, установленных городом, докажет, что мать или друзья детей, пока они не достигли совершеннолетия, с их желания и согласия присвоили себе их имущество, по судебному (fого) или иному соглашению, то мы считаем, что это имущество должно находиться во владении (детей) неоспоримо.

19. Установили мы также, что если кто из горожан умрет, оставив жену или детей, то судья не властен над его имуществом или домом, но они должны пребывать во власти вдовы и детей. Решено также, что вдова может выйти замуж вторично за кого пожелает, и пусть никто не вмешивается в это, если только она выходит замуж за горожанина, а не за рыцаря. Если же она избрет в мужа рыцаря, пусть она сама и ее имущество пребывают в нашей власти. Относительно дочери или племянницы любого горожанина мы установили так же, как о вдове. Если же тот, кто умирает, не имеет жены или детей, он может свободно распорядиться своим имуществом. Если он умрет, не оставив завещания или распоряжения относительно своего имущества, то оно переходит его ближайшему наследнику, ежели тот присутствует в пределах нашей земли. Если же наследник является иноземцем, пусть он переедет на постоянное жительство в наши города или в другие места в Австрии; в противном случае ему ничего не достанется, но все останется нам.

20. Пожелали мы также, что, откуда бы ни прибыл чужеземец, если, умирая, он распорядится о своем имуществе, пусть его распоряжения выполняются нерушимо. Пусть хозяин, в доме которого он умер, в присутствии судьи и горожан тотчас объявит

количество его имущества, а ежели что-либо из его добра коварно украдет, пусть будет осужден, подобно вору. Если же умерший не оставил никакого распоряжения, пусть горожане сохраняют его имущество год и день, чтобы, если в течение этого срока придет тот, кто объявит себя законным наследником, или родственником, или кредитором, ему досталось имущество умершего, если не будет возражений. Если же никто из наследников не объявится, две части его имущества пусть достанутся нам, третья же часть будет отдана на помин его души; и где бы умерший и пожелал быть погребенным, пусть его желание будет выполнено.

21. Постановили мы также, чтобы чужеземец не мог свидетельствовать против горожанина и горожанин — против чужеземца.

22. Пожелали мы также, что если чужеземец (*advena*) горожанину или горожанин пришельцу продаст что-либо или получит что-либо иначе за имущество, то судье за это ничего не причитается, даже если один из них подаст ему жалобу.

23. Никому из горожан Швабии или из Регенсбурга, или из Падуи нельзя входить со своими товарами в Венгрию. Кто нарушит запрет, уплатит 2 марки золотом. Пусть также никто из пришлых купцов не задерживается в городе, т. е. в Висне, со своими товарами более двух месяцев и не продает товары, которые привез, пришельцу, — но только горожанину. И пусть не приобретает золота или серебра. Если же будет иметь золото или серебро, пусть не продает их никому, разве что нашей казне.

24. Предписываем также, чтобы никто из пришлых не входил в город с натянутым луком, но пусть спускает тетиву лука у ворот города; и если он будет вести в городе какое-либо дело, пусть оставляет свой лук в гостинице; и, закончив дела, пусть покидает город также со спущенной тетивой. Кто поступит иначе, пусть за свою дерзость будет лишен и лука, и колчана. И никому из горожан нельзя выходить из города или входить в город с натянутым луком. Если же кто поступит иначе и если у кого-либо из горожан будут найдены стрелы с железными наконечниками, пусть тот уплатит нашему судье 72 денария.

25. Если в доме кого-либо из горожан случится огонь или пожар, так что пламя будет заметно над крышей, пусть тот уплатит судье 1 фунт. Если же его дом весь сгорит, пусть ничего не платит судье, — достаточно с него собственного ущерба.

26. Также у кого бы в городе ни была найдена неправильная гири или неправильный локоть, или иной род неправильной меры, пусть тот уплатит судье 5 фунтов. Но ежели это окажется важная персона, мы хотим иметь его в нашей власти (и по своему суду).

27. Желательно также, чтобы за каждую тяжбу судья получал 1 фунт. Младший судья и глашатай пусть получают от того, кто дал судье, 30 денариев. Если же судья получит полфунта, они пусть получают 15 денариев и так далее, согласно тому, что может случиться.

28. Наконец, мы постановили, чтобы 24 горожанина, наиболее благоразумные (*prudentiores*) в городе, подтвердили присягой, что все дела в торговле и во всем, что относится к чести и пользе города, они будут решать наилучшим образом. И что бы они во всем этом ни сделали и как бы ни распорядились, пусть судья города никоим образом не слушает подстрекателей; а тот, кто содействует что-либо против этой коллегии учрежденных двадцати четырех, пусть уплатит судье штраф, сколько они постановят. И пусть эти двадцать четыре человека как можно чаще собираются для обсуждения дел города.

Среди свидетелей: консулы (*consules*) города.

ПРИВИЛЕГИЯ ИМПЕРАТОРА ФРИДРИХА II. ПОЖАЛОВАНИЕ ПРАВА ИМПЕРСКОГО ГОРОДА (IV.1237 г.)

Фридрих, божьей милостью римский император, август, король Иерусалима и Сицилии... Пусть знают нынешние и будущие поколения, что мы обратили внимание, как верно и преданно любят нас и власть империи горожане Вены (*cives Viennenses*) верные наши все вместе и поодиночке, могущественные и смелые, склонившись под ярмом насилия и беззакония, которыми непомерно и очень несправедливо обременил их герцог Фридрих не походивший на своих предков честностью, и, пренебрегая не личием нашей власти, забыв обеты и верность названных горожан, ожесточался против них правдами и неправдами, бездушно используя против всех горожан произвол вместо суда, полагая, что ему все позволительно, по прихоти, обременяя нищих и тревожа богатых, не принимая во внимание тяготы и лишения ни ребенка, ни вдовы, оставляя себе добычу всех (т. е. стремясь ограбить всех) и выдумывая различные козни против знатных мужей, чем более они были почтенными, и, принимая во внимание, что для нас является важным справедливо помочь вверженному нам народу, поскольку мы и есть те самые, кто обязан заботиться о его благополучии, о благополучии общего дела и всей общины, мы решили воссоздать порядок. Посему мы вновь принимаем названный город и горожан под вечную и нерушимую власть нашу и империи и обязуемся — за себя и за наших преемников — императоров никогда не выпускать их (горожан Вены) из-под нашей и империи власти путем инфеокации, и на-

против, при особой и щедрой защите нашей и империи они будут креплены привилегиями вольностей и подтверждением добрых обычаев, словно под защитой стен,— что будет как бы залогом их верности.

1. Итак, мы постановили и авторитетом настоящей привилегии предписали, чтобы ежегодно в этом городе нами и королями, и императорами, нашими преемниками, по общему решению горожан, — если это будет необходимо, — был назначаем судья (*iudex*), который избирался бы ради чести, пользы и верности нам и был бы подходящим для исполнения этой должности (обязанности — *officium*).

2. Предписано также настоящим постановлением, чтобы никакой судья, со временем назначенный нами, или королями, или кем-либо из преемников наших, не осмеливался наложить на вышеназванных горожан талью (*talliam*) или какой-либо иной побор, — своей ли властью, или нашей, или властью какого-либо преемника нашего, — чтобы они не были обременены и не вынуждаться к каким-либо платежам нами или нашими преемниками, за исключением того, что пожелают дать по собственной воле.

3. Далее, мы разрешаем (уступаем) по великой милости своей, чтобы никому не было позволено принуждать названных горожан к каким-либо службам (*servitium*), кроме такой, при которой они выходят и возвращаются к своим домам в тот же день до заката.

4. Кроме того, следуя долгу католического государя, мы навсегда запрещаем иудеям занимать какие-либо должности в городе, дабы они не утесняли христиан под покровом этой должности, так как императорская власть провозгласила вечное рабство иудеев ныне и присно, и вовеки.

5. Кроме того, мы постановляем и объявляем для вечного соблюдения, что если когда-нибудь против кого-либо из горожан будет возбуждено дело уголовное или гражданское, пусть оно будет рассуждено в соответствии с правами и обычаями, установленными горожанами сего города, за исключением крупных уголовных преступлений, в рассмотрении и разрешении которых горожане не правомочны и которые мы оставляем за собою.

6. Если кто из горожан будет обвинен в поединке, если сможет оправдать себя присягой семи почтенных лиц, то мы разрешаем ему быть освобожденным от подобного обвинения.

7. Желая также пойти навстречу общему желанию обучить детей с юного возраста, мы даруем магистру, который будет получать от нас и преемников наших руководство школой в Вене, полное право назначать, — с согласия наиболее сведущих мужей этого города, — других докторов на факультетах, достойных и почтенных в области своих дисциплин.

8. Далее, чтобы этот город постоянно сохранял даров нами императорское благополучие, мы постановили, чтобы жители и пришлые, желающие жить под нашей империей, были свободны от всякого крепостного обычая (*ab servili condutiene*), пребывая под сенью всеобщего и свободного закона, а именно: кто проживет в городе год и день, не будет никем уличен в крепостной зависимости, тот пусть будет приравнен к горожанам согласно праву и обычаям, принятым в городе.

По врожденной щедрости нашего престола, который способствует в империи мир и справедливость, мы постановляем и предписываем: если когда-либо кто-либо из венских горожан потерпит кораблекрушение, он может свободно владеть своим имуществом и сохранить его от чьего-либо посягательства, ибо мы считаем, что совершенно позорно и немилосердно отнимать у людей, пораженных от кораблекрушения, то, что пощадила даже жажда стремнина...

КОММЕНТАРИИ

К праву г. Вормса

Генрих II — император Священной Римской империи (1002—1024 гг.).

Прелат — общее название представителей высшего духовенства католической церкви.

Граф — королевский чиновник, наделенный судебной и административной властью. С X века эта должность стала наследственной, превратившись в феодальный титул.

Соотношение денежных единиц в XII — первой половине XIII в. в большинстве германских земель выглядело так: самой мелкой монетой был обол; два обоба составляли денарий (пфенниг), который во многих источниках называют просто «монетой» (нумм), поскольку именно денарий был наиболее распространенной денежной единицей. 20 шиллингов = 1 марке = 1 фунту пфеннигов = 2 унциям. 12 унций = 1 таланту. С середины XIII века это соотношение изменяется.

Дагоберт I — король франков (623—639 гг.).

Фогт (лат. advocatus) — светское должностное лицо, исполнявшее судебные функции (главным образом, по уголовным делам) в церковных вотчинах.

Скабины (шеффены) — судебные заседатели, члены судебной коллегии скабината).

Чинш (ценз) — подать деньгами или продуктами, которую обычно платили собственнику земли феодально-зависимые крестьяне.

Министершал (от лат. minister, слуга) — представитель низшего слоя служилых людей церковных или (реже) светских феодалов.

Генрих V — император Священной Римской империи (1106—1125 гг.).

Фридрих I Барбаросса — император Священной Римской империи (1152—1190 гг.).

Каноники — члены канониката или капитула, т. е. духовной коллегии при архиепископах, епископах и крупных церквях; обычно канониками становились младшие сыновья знатных феодальных родов.

Butheil, budeil — одно из наименований посмертного побора.

Houbitrecht (houbetrecht) — право феодала на лучшую голову скота (последняя форма — Besthaupt, Hauptrecht) или на лучшие одежды умершего крепостного крестьянина; следовательно, этот побор, как и вышеназванный Butheil — разновидность посмертного.

Генрих VI — германский король и император (1190—1197 гг.).

Хеймбюргер — член выборной коллегии горожан (бюргеров)

Праздник св. Мартина 11 ноября.

Dirck (=gericht) — суд. Ungeboden (ungeboten) dirck — судебное, куда никого особо не вызывают, но куда должна явиться вся община.
Quadragesima — сорокадневный «великий» пост.

Вицедоминус — министериял, ведавший епископским хозяйством

Шультгейс — чиновник сеньориальной курии, имевший право судить долги и вести имущественные тяжбы.

Консулы — обычное название членов городского совета. На ранних этапах городской истории консулов назначал сеньор; позже, по мере развития городской и коммунальной движения, горожане добивались права избирать консулов без вмешательства сеньора.

Геллер — монета, впервые выпущенная в г. Халле, 1 геллер равнялся 1/100 гульдена.

К праву г. Шпейера

Генрих IV — император Священной Римской империи (1056—1106 гг.)

Buteil — одно из наименований посмертного побора. Освобождение граждан от этого побора было столь важным завоеванием, что горожане не удовлетворялись грамотой, под которой стояла подпись императора и его наследников. Они добились права записать эту свою привилегию на фасаде соборной церкви золотыми буквами.

Bamphennige, scozhennige — поборы, обычно денежные, взимаемые с личнозависимых крестьян.

Banwin — право продавать вино в розницу, то есть по более высокой цене.

К праву г. Фрейбурга в Брейсгау

Конрад фон Церинген — герцог Каринтии, владевший землями в Брейсгау. Известен тем, что охотно давал рыночные и прочие привилегии торговым и ремесленным поселениям и присваивал им статус города.

Фут — мера длины; в то время составлял около 0,3 м. Следовательно, размер домового держания — 0,045 га. Это явно участок под застройку, и не для возделывания, хотя зачастую рядом с домом могли разбить небольшой огород или виноградник; это подсобное хозяйство горожанина тоже могло приобретать товарный характер.

«Присяжные рынка», в дальнейшем консулы города, — коллегия выборщиков, ведавшая рыночными и имущественными делами. Примечательно, что предшественниками городских шеффенов и консулов были именно «присяжные рынка»: органы городского самоуправления вырастали прежде всего из экономических потребностей горожан как товаровладельцев.

Торговая пошлина (thelopeum; отсюда телонеарий — сборщик торговой пошлины) — взималась с каждой торговой сделки, порою и с продавца, и покупателя.

Поединок — форма разрешения спорных вопросов, свойственная феодальному суду. Горожане предпочитали решать спорные дела путем судебного разбирательства с опросом свидетелей, «которые видели и слышали».

«Чужой суд» — как правило, суд поместный. Горожанину было гораздо труднее доказать свою правоту в курии сеньора. Кроме того, перенесение тяжбы из городского суда в «чужой» лишало дохода городского судью. Поэтому муниципальный городской судья получает 3 солида в качестве возмещения за ущерб.

Лишить покровительства или милости сеньора значило практически поставить человека вне закона: такой человек терял право на дом и на все имущество в городе и не мог оставаться жить в его пределах.

«Уехать за Альпы» означало участие сеньора в походе германского императора на Рим.

статья 36-я — освобождает горожан от так называемого «весового сбора»: кане имеют право бесплатно пользоваться любыми мерами веса, которые есть у специально назначенного человека, или даже иметь свои меры веса, но пользоваться ими только в расчетах со своими согорожанами. Если сделка заключалась с чужаком, то взвешивание (измерение) товара должно проводиться только на общественных весах, и чужестранец в этом случае платил сеньору один обол с каждого центнера. Обол — мелкая монета, чеканенная в Регенсбурге. Центнер составлял 31,5 кг.

К праву г. Медебаха

Медебах — город в Вестфалии, «дочерний» город Зеста.

Настоятель — глава церковного капитула. Декан — член капитула, ведавший дисциплинарным надзором над духовенством.

Плата за допуск (ad vohene) — феодальный побор, взимавшийся при смене владельца недвижимого имущества (то есть держателя) за согласие феодала на эту смену (при продаже, обмене, по случаю смерти держателя и т. п.). Моргенгаве — «утренний дар», подарок, преподнесенный мужем жене (и женой — мужу) после свадьбы.

Горожанам разрешено избирать судей, в чьей власти будут мелкие проступки, за которые штраф не превысит 20 нуммов (денариев). Проступки же, за которые влекут штраф свыше 20 нуммов, остались в юрисдикции сеньориального суда.

Виллик — управляющий поместьем церковного сеньора. Он же возглавляет сеньориальный суд.

Модий — мера жидкости = 31 литру.

К праву г. Аугсбурга

Префект — сеньориальный чиновник, обычно возглавлявший судебную коллегия, иногда — глава стражи. Положение префекта сходно с положением магистрат-лейтента.

Курия Ratisponae — имперская курия в г. Регенсбурге.

Монетарий — глава (магистр) корпорации монетчиков.

«Старшие» — видимо, подразумеваются старшие члены кафедрального капитула.

Капелларий — епископский казначей.

Праздник св. Михеля — 26 сентября.

Если кто-то владел двором (усадебой) в течение года и дня, и в течение этого срока никто не потребовал от него уплаты чинша, то после этого срока владелец вправе не платить чинш никому. Держание становилось свободным.

Супруга чиншевика, «дети которой принадлежат церкви», — крестная. Муж обязан сеньору-епископу посмертным побором.

К праву г. Хагенау

Хагенау — город на севере Эльзаса, входивший в Страсбургскую епархию.

Право постоя — право феодала проживать во владениях своих вассалов, получая там кров и содержание для себя и своей семьи за счет вассала и его зависимых людей.

В статье 6 речь идет о тех зависимых людях, которые переселились в город, не выплатив сеньору причитающихся им повинностей, как это предусмотрено в ст. 1.

«Честный человек» — в данном случае тот, кто сполна уплатил чинш сеньору перед переселением в город.

В статье 25 следует отметить весьма редкое в средневековых официальное признание ростовщического процента.

Маршал — министернал, собственно — старший конюший.

К праву г. Кельна

Грамота 1169 г. внешне выглядит как разрешение спора междускими должностными лицами, фогтом и бургграфом, по поводу немочий и, следовательно, распределения доходов между ними. Однако спором скрывались важные вопросы городской жизни — антигегемонии борьбы горожан за свое, городское, право. Не случайно грамота не упоминает о полномочиях кельнских шеффенов, о правах и привилегиях горожан и даже о «древней» хартии городских вольностей.

Wizzeht dinc — буквально «суд (совет?) мудрых». Источник не позволяет узнать, обладал ли этот суд иными функциями, кроме права следствия застройкой городских улиц и разрушать незаконно возведенные дома и строения.

Vürgezimbre — пристройки, нависающие над улицей. С их помощью торговые домовладельцы пытались расширить площадь второго этажа, не увеличив размеры земельного участка, на котором стоял дом. Эти пристройки и концы делали тесными и без того узкие улочки.

Рихерксе — привилегированная корпорация богатейших кельнских горожан, осуществлявшая надзор за цехами и городской торговлей (Richterside — букв. «братство богатых»). В XIII веке эта корпорация фактически держала в руках и городской совет, и коллегии шеффенов, став серьезной политической силой и главою борьбы с архиепископами.

Wagf — площадка, на которой происходил судебный поединок.

Мальтер = 16-ти четвертям, примерно 220 л.

Договор 1258 года (der Grosse Schiedsspruch) был составлен в результате ожесточенной борьбы городской общины против архиепископа. После того как войско архиепископа Конрада было наголову разбито кельнским торговским ополчением, архиепископ вынужден был пойти на уступки и согласился передать в третейский суд разрешение распри.

Килус — орудие пытки, которым сдавливали ступни ног.

Нойс — местечко на Рейне, где издавна действовала таможенная застава архиепископа.

«Два меча» — олицетворение светской и духовной власти в руках герцога-сеньора.

Решение третейского суда 1258 года было слишком компромиссным, чтобы удовлетворить обе стороны. Поэтому и архиепископ, и горожане его не рушили. Преемник Конрада на архиепископской кафедре, Ангельберт II, посылал сборы с горожан, урезал права городского суда, не признавал за Кельном даже тех привилегий, которые были подтверждены в договоре 1258 г. В результате война между городом и сеньором разгорелась вновь. В 1263 году по решению городского совета Ангельберт II был арестован и посажен в тюрьму, откуда был выпущен за большой выкуп. Выбравшись на свободу, он наложил на город интердикт и блокировал его «на суше и на воде», как говорит хронист. Новый третейский суд в 1264 году должен был уладить распри архиепископа и города.

«Названные 37» — это представители кельнского патрициата, возглавлявшие борьбу городской общины с архиепископом; вероятно, они содержались под стражей во время плена. Именно этих горожан архиепископ обвинил в нарушении закона, как только выбрался на свободу, именно на них он вымещал свой гнев за унижение и страх, пережитые в заключении, гоня их в покаянных паломничествах по обширной территории Нижнего Рейна, Фландрии и Нидерландов.

Отлучение от церкви и интердикт (запрет богослужений) были в руках вассалов сильным оружием в борьбе с любым противником. Отлучение от церкви ставило человека вне христианского мира и его законов, жизнь отлученного, не говоря уже о его имуществе, никем не охранялась. Интердикт запрещал на подвергнутой ему территории крестить новорожденных, отпевать умерших, венчать новобрачных, давать отпущение грехов. Мало того, запрещалось вступать в какие-либо сделки с отлученными, что грозило сорвать самые основы жизнедеятельности товаропроизводящего города.

В войне 1263—1264 гг. приняли участие на стороне города Кельна многие крупные и средние феодалы, вассалы архиепископа. Одни были недовольны чрезмерной жадностью архиепископа, который порою отбирал у вассалов важные юридические статьи (например, у Герлаха Изинбургского — право на таможенные сборы); другие пользовались возникшей распрей, чтобы пограбить. Именно вторую группу имеет в виду третейский суд, требуя, чтобы «присвоенное время файды» было возвращено. «Файда» — частная, усобная война, развязанная кем-либо из сеньоров помимо воли сюзерена.

Долги Конрада, предшественника Энгельберта II на архиепископской кафедре, горожанам были достаточно велики. Третейский суд, состоявший, главным образом, из церковников, и рад был бы эти долги аннулировать, но это значило оставить источник неизбежных новых конфликтов. Суд решил, что Энгельберт долги выплатит, но размеры выплаты будут «разумно согласованы» графом Юлихским и Герардом Ланцкронским.

К праву г. Аndernах

Аndernах — город на левом берегу Рейна, к северу от Кобленца. Входил в состав Кельнского архиепископства. Поскольку, как церковная сеньория, Кельн считался вотчиной св. Петра, то и принадлежавший архиепископству Аndernах назван «городом св. Петра».

Приоры кельнской церкви — представители высшего духовенства в архиепископстве.

Грамота 1171 г. существенно изменила порядок избрания членов судейской коллегии. До тех пор, по-видимому, скабины (шеффены) избирались из среды любого имущественного статуса и регулярно переизбирались. Теперь же в коллегию избираются 14 человек, по сути, пожизненно, и из числа богачей. Взамен вышедшего члены коллегии сами назначают нового. Скорее всего, из 14 человек из купцов, недаром грамота дважды оговаривает возможность их отсутствия из-за торговых дел. Грамота, таким образом, оформляет патрицианское правление в городе.

К праву г. Бремена

Wicpilethe, wicheletd, weichbild — городская черта (граница), а отсюда и так называемое «право городской черты», то есть городское право (противопоставленное праву «обычному», феодальному).

К праву г. Страсбурга

Frevela или vrevela (frevel) — в правовых памятниках средневековой Германии так назывались уголовные, не очень тяжкие преступления, за которые полагались не очень высокие штрафы. Например, в Страсбурге к этому разряду преступлений относился пороклонный удар по лицу. По

Geltschulda (Geldschuld) — в средневековой Германии это обозначало денежный долг, так и денежную плату. В средневековом праве, скорее всего, он употреблялся для обозначения обязательств, связанных с обозначать судебные дела, связанные с возмещением ущерба.

Композиция — сумма, которую по приговору суда должен был преступник за совершенный им проступок, т. е. штраф.

«Приговор в отношении кожи и волос» — преступник приговорен к лишению плетью. Часто наряду с поркой ему остригали волосы в наказание.

«Приговор в отношении руки» — то есть приговор об отсечении руки. Barta — особый вид топора.

Tertia manu — буквально: «третьей (или трехкратной) рукой». Это выражение означает судебное доказательство посредством клятвы трех свидетелей или соприсяжников. Аналогичные выражения в статьях 52, 65, 67.

Officium — (лат.) «долг», «обязанность», «служба». В городских документах этот термин обычно обозначает объединенный ремесленников, которых обязывали права иметь свою корпорацию (будущий цех).

«Монета» — в данном случае так обозначен денарий.

Денарии чеканились из серебра. Очевидно, речь идет о количестве, равному по весу пяти денариям.

Епископский барский двор в Страсбурге называли Stadelhof. Stadelhof — очевидно, его управляющий.

Schuchbuze — небольшой земельный участок, обычно $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$ гудфа.

Vaccinus, Cyphus — сосуды для зерна и других сухих вещей.

«Между рождеством св. Марии и праздником св. Михаила», 8 сентября по 29 сентября.

Альза (Илл) — левый приток Рейна, впадающий в него близ Страсбурга. Брейша — приток Альзы. Шуттер и Кинциг впадают в Рейн с правого берега, примерно против Страсбурга.

«Вода — буквально: «вода, стесненная занорами (преградами)». Вероятно, это участки реки, огороженные (цепями?) для каких-то нужд епископа.

К Второму праву г. Страсбурга

«Право области» — земское право, противопоставленное городскому «обычному» феодальному праву, действовавшее в данном случае в Эльзасе.

Прут или соломинка, или стрела в средневековом праве были символом обязательства, слова, обещания.

Ама — мера емкости = 4—5 ведрам.

К праву г. Дибурга

Город Дибург расположен на одном из притоков Майна, к востоку от Дармштадта.

Уюмянугый в грамоте Генрих был архиепископом Майнцским 1112—1153 гг.

Buteil, hegerecht — разновидности посмертного побора.

Праздник св. Блазия — 6 сентября.

К праву г. Липпштадта

Город Липпштадт расположен на реке Липпе (правый приток Рейна).

Бернар фон Липпия, сеньор города, был участником одного из крестовых походов («дело господ») в Прибалтику.

К праву г. Зеста

Зест — город в Вестфалии. Право его — одно из самых древних и самых полных в северной Германии. 1—34 статьи составлены между 1151 и 1156 гг.

акционированы кельским архиепископом Ариольдом II. Статьи 35–52
аны в первом десятилетии XIII в. Остальные статьи дополнили право
рой половине XIII века.

Зестский фогт назначался из числа сеньоров кельнского диоцеза; шультом был, как правило, архиепископский министериал или министериал со-ной церкви.

Монетная система в Зесте строилась по образцу кельнской. 1 марка = шиллингам, 1 шиллинг = 12 пфеннигам. Это — наиболее распространенные ежедневные единицы. Но существовал и более сложный счет, по которому марка = 4 фирдунгам = 8 унциям = 16 лотам. 1 фунт = 20 шиллингам = пфеннигам.

Vorspreken (vorsprecher) — защитник или свидетель в суде.

К праву г. Регенсбурга

Регенсбург — город на Дунае в Баварии, центр епархии и герцогства.

Филипп Швабский, младший брат императора Генриха VI, был провозглашен германским королем и императором Священной Римской империи в 1199 г. во время династических распрей.

«Береговое право» — феодальное право земельного собственника присваивать груз корабля, потерпевшего крушение в пределах его земель.

Hanisgrave, hansgravium — «граф по рыночным делам», чиновник, наблюдающий за порядком на рынке.

Depominati («поименованные») — члены коллегии шеффенов; из их числа порожане должны были выбирать поручителей и свидетелей по судебным делам.

Иными словами, фогт и бургграф могут объявить кого-либо из горожан не законным только в те дни, когда они председательствуют в суде, а каждый из них имеет такое право только трижды в год. В остальное время года судьбу провинившихся будет решать городской суд.

Нарушение «обычая торговли», как правило, состояло в использовании неправильных мер или фальшивой монеты. Клирики в этом случае посылны в город, а епископу, хотя в интересах города было сосредоточить своих в руках все дела о нарушениях правил торговли, независимо от социального статуса нарушителя.

Mundman, muntman (Schützling — клиент; человек, находящийся
ей-либо защитой, опекой. Во многих крупных городах представители горо
кой верхушки, патрициаты, уже в XIII веке стали набирать «свои» защит
ельные отряды (vatagi) из бедноты и пользоваться ими для «ведения
недругами» (см. также право г. Нюрнберга).

Статья 21 противоречит статье 6; вероятно, здесь предусмотрено, когда серва обнаружат в городе до истечения десятилетнего срока. «городской воздух делал его свободным». Следует обратить внимание на то, что в Регенсбурге срок давности не «год и день» как во многих городах Германии.

К праву г. Хамма

Хамм — город на р. Липпе, правом притоке
Липпештадта.

Марк и Альтена — графство, р.о. шир. Во
ке), Мюнстерской епархией (на севере) графе Барн-сон
сау (на юге). Крутиных городов и вон обиде м. та. 1 ре.
вое поселение, возникшее во ре. покровити Пловдана, на

давало графам немалый доход: уже функционировали еженеделные (см. ст. 16 и 17) и ежегодные ярмарки (см. ст. 18). Хамме центром мукомольного промысла (в первый консулат вошли четыре см. список свидетелей, подписавших городскую хартию) Все содержание выразительно говорит о стремлении горожан ограничить сеньorialные поборы и произвол.

Личная свобода — насущная потребность городского товарного производства. Интересно, что в Хамме не был установлен даже годичный срок получения свободы, — все поселившиеся в городе сразу провозглашались свободными. Если же кого-либо из горожан сеньор объявит своим сервом, беглому серву легче доказать свою свободу, чем сеньору — его сервильное состояние (см. ст. 8).

Если кто-либо из горожан признает себя крепостным, то сеньор имеет на посмертный побор.

Сеньор города, граф Марка, был верховным собственником городского мель. На этом основании он получает побор при продаже любой недвижимости. Побор немалый: 12 денариев, в то время как ежегодный чинш городского держание составлял всего 4 денария (см. ст. 15).

В состав первого городского совета вошли ремесленники. Это было редко, обычно консулами становились купцы. Видимо, в Хамме к 1214 еще не сложилась купеческо-патрицианская верхушка.

К праву г. Берна

Фридрих II Гогенштауфен (1212—1250 гг.), король Сицилии и Германии (с 1216 г.), император Священной Римской империи с 1220 г.

Бертольд фон Церинген, герцог Каринтии (1061—1078 гг.) и сеньор Прелсгау, подобно своему преемнику Конраду (см. право Фрейбурга), был «патриархом» многих городов, то есть охотно жаловал статус города поселенцам на его земле торгово-ремесленным поселениям.

Викарий — наместник сеньора.

«Феодалное право» как право сеньоров в данном случае противопоставлено праву (а точнее бесправию) крестьян, обязанных поборам и выкупом до сервильных. Император согласен уравнивать горожан Берна с «министериалами империи», то есть признавать их привилегированной группой населения по сравнению с крестьянами. Право чеканить монету тоже сеньориальная привилегия, которой теперь добились горожане Берна.

Праздник св. Михеля — 26 сентября.

Праздник св. Георгия — 22 апреля.

Кельнское право, право кельнских купцов — для горожан XII и XIII вв. было образцом свободы торговли.

Право утверждения должностных лиц император оставил за собой, скорее всего, эта инвеститура (т. е. введение в должность) осуществлялась за плату. Но император обязался утверждать только тех, кого горожане сами «поставят над собой», в том числе и священника, — это важное завоевание горожан.

Статья IX резко сокращает военную повинность горожан в пользу сеньора императора и освобождает город от сеньориального «права постоя» и рекрутских наборов.

Право распоряжения имуществом, в том числе и недвижимым — важнейшее завоевание горожан, ущемление сеньориальных прав и доходов. См. также ст. XXII, XI, XII.

Запрет «чужаку» свидетельствовать против горожанина имеет социальную направленность: к помощи таких чужаков — своих вассалов или министериалов — чаще всего прибегал сеньор в своих тяжбах с горожанами.

Городское судопроизводство обретает рациональную основу: считать может быть лишь тот, кто «видел и слышал».

В Берне уничтожена сеньориальная монополия на весы и меры.

Во многих городах полноправным членом городской общины считался тот, кто имел в городе свой дом (см. права Фрейбурга, Гольдара), участок земли, если он не был застроен, не давал «права бюргера». Иными словами, полноправным бюргером мог стать только зажиточный горожанин (хозяин дома обходилось дорого), чаще всего купец, ремесленники обычно арендовали часть дома, и следовательно, зачастую не считались полноправными членами городской общины.

Выморочное имущество прежде доставалось сеньору, теперь же сеньор не получает ничего.

К праву г. Анвейлера

Анвейлер — небольшой город на юго-западе Шпейерской епархии

Очевидно, город Морисбрунн получил привилегии от предшественников Фридриха II и, возможно, эти привилегии тоже составлялись по образцу шпейерской хартии. Отсюда выражения: «Мы уподобили наш город Анвейлер роду Морисбрунну».

Поголовный побор, как и посмертный, взимался с лично зависимых людей, с сервов. Горожане Анвейлера освобождаются от поголовного побора, посмертный обязаны платить.

Прожив год в городе, новопоселенец освобождался от крепостной зависимости того сеньора, с земли которого он бежал в Анвейлер. Видимо, он получал личную свободу, но сеньору города, императору, должен был платить посмертный побор.

В начале XIII века Анвейлер был небольшим городом, но, видимо, быстро рос за счет притока беглых крестьян. Поэтому территория ему отведена «маленькой», соседние феодалы могли попытаться на часть пока еще не застроенной земли, «перенести границы силой».

Под защиту городского права берутся браки горожан: «жена из иного родства», скорее всего, крепостная, однако фогт (сеньориальный судья) должен отпустить ее с мужем в город без уплаты поборов.

К праву г. Нюрнберга

Фридрих II сравнительно редко бывал в Германии: для него существовало обязательство империи было его Сицилийское королевство. Для горожан Нюрнберга удобно было иметь в качестве главного сеньориального судьи именно императора — практически это означало почти полное самоуправление.

Клевретов обычно набирали городские богатеи патриции. Малая часть горожан, как правило, протестовала против этого обычая. Император же берет под защиту городских патрициев: они «получают императорскую защиту», скорее всего за плату.

Здесь речь идет опять-таки о патрициях. Ричард Гринхед пишет, что патрицием или мелкий торговец, не мог быть кредитором и выдавать в долг, не предполагая крупную сумму займа. Под защиту императорского суда попадали залоговые сделки городских купцов. Мало того, торговцы могли в городской верхушке могли быть держателями имущественных прав. Но даже в том случае, когда нюрнбергский патриций был феодалом (т. е. держателем феодала) какого-либо сеньора, он не пользовался сеньорскими правами, не был подвластен сеньорскому суду, не нес сеньорских повинностей (правда, «благородных», наследственных), не нес сеньорских повинностей, подчинения его суду и т. д.

На ярмарках в Верде и в Нордлингене нюрнбержцам разрешать серебро и золото, не обменивая предварительно свои денные монеты. Это сберегало и время, и средства, так как за обмен монет было платили.

День Иоанна Крестителя — 24 июня. Перец в те времена был так что ярмарочный побор в фунт перца — побор достаточно купцы Нюрнберга добивались, чтобы сборщики пошлины в Верде вали большего.

К праву г. Гослара

«Никем не может быть назван сервом после смерти». Иными наследников не будут востребовать посмертного побора и других платежей.

Необходимость уплатить 5 солидов за право свидетельствовать отстраняла от участия в судопроизводстве городскую бедноту (ст. 38: быть свидетелями в уголовном процессе могут только горожане и ющие собственные дома).

Эта статья явно ограждает интересы домовладельцев, сдававших (часто — по частям) в аренду. Требовать «права собственности» прежде всего, отказ от уплаты домового чина (арендной платы).

Запреща «чужаку» свидетельствовать против горожан, госларцы ются от вмешательства в городские дела прежде всего феодалов. Именно мог бы выдвигать в качестве свидетелей король или князь империи, а от них горожане не ждали ни правдивых показаний, ни справедливости.

Горожане добились признания неприкосновенности жилища, это вечно ограничивало сеньориальный произвол.

Имущество отлученного от церкви конфисковывалось в пользу церкви. Желая присвоить имущество кого-либо из горожан, церковники могли явить отлученными умерших (живых оклеветать было труднее, свидетели привлекались из горожан) и отбирать приглянувшееся добро у наследника. Данная статья положила конец и этому произволу.

По мере богатения городов часть мелкого дворянства и министерство все активнее проявляла стремление принять участие в городской жизни (в торговле, ростовщичестве, в земельных сделках), войти в городскую общину. Горожане, как правило, шли на это неохотно. В данном случае госларцы добились, чтобы дворяне, вступая в общину, подчинялись их городскому (а «обычному», феодально-ленному) праву, которое уравнивало (и, прежде всего, перед судом) представителей всех сословий.

Имперский дворец (пфальц) в Госларе с XI века был центром управления королевским доменом. Город возник как ремесленное предместье при этом замке. Видно, в начале XIII века по традиции считалось, что Гослар существует «при дворце» императоров.

«Грубо и дерзко» сопротивиться городскому фогту вряд ли мог горожанин, даже из числа богатых и влиятельных. Эта статья имеет, вернее всего, антидворянский характер.

Комедианты и жонглеры (бродячие актеры) на протяжении всего средневековья преследовались сеньориальной (особенно церковной) властью; их творчество носило, как правило, ярко выраженный антисеньориальный характер, в нем была сильна сатирическая струя и жизнелюбие, противоречащее церковному аскетизму. Поэтому церковь ставила жонглеров фактически вне общества, лишала их даже тех элементарных прав, которыми пользовались самые низшие слои феодального общества, лишала церковных таинств, запрещала хоронить их на кладбищах, суд не защищал, ни жизнь жонглеров, ни их имущество. Например, в Вене избиение «ничтожного жонглера» влекло за собой даже малого штрафа (право г. Вены 1221 года, ст. 4), в

время как за побой, нанесенные «доброму человеку», следовало уплатить 1 фунта побитому и 2 фунта судье. Следует обратить внимание, имущество такого чужеземца будет сохраняться в течение года в ожидании наследника, а имущество бродячих актеров, умерших в Госларе, сразу присваивается. (См. также Второе право Страсбурга, ст. 40 и право г. Регенсбурга, ст. 40, ст. 5).

Фридрих II, идя навстречу требованиям немецких феодалов, неоднократно создал организации горожан (см., например, документ № 101 «Отмена феодальных и ремесленных вольностей 1231—32 гг.» // Средневековые восточные славяники / Под ред. Д. Н. Егорова. М. 1913). «Клятвенным союзом» или «клятвенной коммуналь» называлась организация всех горожан, поклявшихся в верности общему делу городской свободы. Обычно она возникала, когда противоречия между городом и сеньором обострились и дело шло к вооруженной борьбе. Ремесленные корпорации и торгово-купеческие союзы (гильдии) тоже были формами активности и организации горожан, существенной помехой сеньориальному обращению и произволу, а нередко, наряду с коммуналь, и застрельщиком освободительной борьбы. Поэтому сеньоры старались не допустить их возникновения, затруднить легализацию, либо, по крайней мере, ограничить в правах. Следует учесть, что в некоторых городах, особенно сложившийся, богатый и влиятельный купеческий патрициат тоже представлял организации ремесленных корпораций, поскольку «неорганизованное» дело легче было подчинить интересам торговой верхушки.

Недвижимость, попавшая в руки церкви, не облагалась налогом в пользу епископской власти. Поэтому император заинтересован, чтобы в городе не увеличивалось число домов, принадлежащих церкви и не приносящих ему дохода. В значительной мере в этом были заинтересованы и горожане.

К праву г. Мюнстера

Мюнстер — центр епископства, учрежденного в 792 году. Сеньор города — мюнстерский епископ, могущественный церковный князь. Но хартия 1221 года устанавливает «с общего согласия скабинов», в их присутствии и скреплены их подписями. Нет ни подписи сеньора-епископа, ни его печати. И доход епископа от города в хартии твердо оговорен только один раз: сеньор получает имущество умерших иностранцев, да и то, если в течение года не явится наследник (ст. 17). Видимо, в начале XIII века позиции сеньора-епископа в городе были заметно ослаблены.

«Немощный горожанин» мог передать свое имущество церкви, обездолив тем самым своих родных. В их интересах размеры подобного дара ограничены: супружеские доли (их состав определен в ст. 13 и 14) нельзя дарить, они остаются в семье.

Нельзя вызывать в суд горожанина в день его отъезда, подразумевается, что поездка — деловая, а делам мешать нельзя (для сравнения — см. Первое городское право Страсбурга, ст. 30).

Залоговые сделки зачастую запутывали имущественные отношения. Городское право старается навести порядок в них, но делает это робко. Не так уж и ясно, о ком идет речь: о том, кто заложил имущество и хочет его выкупить, или о его кредиторе, который хочет получить залог или возмещение долга или его части.

Слово «wicbilette» в мюнстерском праве исполнения и даже наказания во-первых, оно означает городскую черту, граница действия городского права (статья 52); во-вторых, оно означает земельный участок, выделенный в пользу города (ст. 42, 43, 44, 45, 46).

Участки земли в городе часто ставались под залог. Но мере того, как на этом участке возводились постройки, сеньоры постепенно стремились повышать арендную плату.

Леопольд VI — австрийский герцог из рода Бабенбергов.

Право Вены 1221 года весьма выразительно говорит о том, какая существовала в городах под сеньориальной властью: первые статьи, какие пространнее, начинаются не утверждением личной свободы горожан, а с отмены каких-либо поборов, а с урегулирования тяжких преступлений, определения порядка расследования убийства и членовредительства. Право заранее предусматривает, что преступником может оказаться «чужой персона» или «лицо могущественное» и «почтеннейшее» (ст. 2).

Как правило, в средневековом городе устанавливались строго определенные места для совершения наказаний (см., например, право г. Вермаса). И тому вора секли не там, где наказывали виновного в нанесении ущерба, форма наказания одна и та же.

Далеко не все городские хартии столь откровенно и подробно говорят социально-имущественной дифференциации среди горожан. Обычно такие хартии скудны и косвенны. В Венском же во многих статьях подчеркивается, что за одни и те же поступки люди разного имущественного и социального статуса будут наказаны по-разному и потерпевшие получат возмещение ущерба в зависимости от своего статуса. Особо следует отметить, что за повреждение своего серва или слуги его господин вообще перед судом не отвечает.

Рассмотрение тяжбы в присутствии истца и ответчика, во-первых, мешая судьям злоупотреблять своей властью, судить и осуждать человека полагаясь во-вторых, затрудняло попытку ложного обвинения. Статья эта содержит явное свидетельство того, что жалобы в суд подавались обычно в устной форме, поэтому судье нужны свидетели, чтобы доказать, что жалоба истца принесена. Требование доводить тяжбу до конца, не совершать тайного примирения сторон содержится во многих хартиях: в случае тайного примирения заключенного помимо суда примирения судья оставался без дохода. (А доход этот значителен — за каждую тяжбу судья получает фунт. См. ст. 2f).

Эта статья оберегает пришельца-крестьянина от преследования со стороны сеньора.

Особая коллегия присяжных свидетелей, коллегия шеффенов, в Вене состояла из ста человек. Видимо, сделки (даже «сложные, достойные памяти») заключались устно, поэтому свидетели были крайне необходимы.

Запрещение идти с товарами в Венгрию через Вену, транзитом, могло иметь какие-то политические мотивы, но, вероятнее всего, было вызвано, в первую очередь, экономическими интересами венской торговли. Пришлые купцы должны расторгаться за два месяца, это заставляло их продавать значительную часть товаров оптом, что было выгодно венским горожанам, которым доставались доходы от розничной торговли с ее более высокими ценами. При этом купцы зачаток так называемого складочного права.

В праве 1221 года порядок назначения судьи не был определен. При вилегия Фридриха II, «воссоздавая порядок» и «заботясь о благополучии общего дела», право назначения судьи оставила за императором, но горожанам разрешено предлагать своего кандидата. Иными словами, судью ставили сами горожане, но за монаршее утверждение этого выбора они должны были жалить императору.

Талья — первоначально поместный побор с лично зависимых крестьян. Размеры и срок его уплаты обычаям не определялись и зависели только от произвола сеньора. В раннем городе сеньоры часто вносили талью горожан. Вносили его и в Вене, и только право 1237 года отменило талью.

В службах подобного рода вряд ли можно усмотреть барщину или иные работы. Вероятнее всего, речь идет о воинской повинности, и горожане говорили право выставлять отряд или ополчение только в том случае, когда неприятель угрожал самому городу.

«Береговое право» делало добычей земельного собственника корабль и ко-
пелый груз, если корабль терпел крушение в пределах территории дан-
о феодала. Поэтому население портовых (приморских и речных) городов
ю начало борьбу за отмену этого права. (См. также право г. Регенсбурга).

СОДЕРЖАНИЕ

Средневековый город и городское право	3
Право г. Вормса	24
Ограничение судебных поборов с города (29.VII.1014 г.)	25
Из установлений епископа Буркхарда (XII.1023—VIII.1025 гг.)	25
Учреждение цеха рыботорговцев (1106 или 1107 гг., июль)	27
Привилегии Генриха V (30.XI.1114 г.)	28
Освобождение церковных министерялов от уплаты городского налога в пользу имперской казны (31.V.1182 г.)	29
Фридрих I подтверждает и разъясняет привилегию Генриха V от 30.XI.1114 г. (3.I.1184 г.)	30
Избрание должностных лиц (1190 г.)	31
О должностях казначея, шультгейса и хеймбюргеров; об обращении с преступниками; о приобретении права бюргера (XIII в.)	32
Право г. Шпейера	35
Привилегия, данная Генрихом V (14.VIII.1111 г.)	35
Фридрих I подтверждает привилегию Генриха V (27.V.1182 г.)	37
Право г. Фрейбурга (в Брейсгау)	39
Древнейшая часть (1120 г.)	39
Дополнения, внесенные в текст права между 1120—1178 гг.	40
Дополнения, внесенные после 1178 г.	41
Из редакции 1200 г. (так называемый Stadttrotel)	45
Право г. Медебаха	48
Новый порядок правовых отношений (1144 г.)	48
Городское право (31.VIII.1165 г.)	49
Право г. Аугсбурга	52
Древнейшее городское право (21.VI.1156 г.)	52
Право г. Хагену (1164 г.)	56
Право г. Кельна	61
Постановление кельнского епископа по поводу спора между бургграфом и фогтом г. Кельна (1169 г.)	61

Спор между городом Кельном и архиепископом Конрадом Гохштаденским (28 июня 1258 г.)	65
Спор между архиепископом Энгельбертом II и городом Кельном (1264 (1265) г., 8 марта)	83
Право г. Андернаха	93
Порядок избрания шеффенов (16.IX.1171 г.)	
Право г. Бремена	94
Право городской черты (а — 28.XI.1186 г., б — 1206 г.)	
Право г. Страсбурга	96
Древнейшее городское право (1189 г.)	
Второе городское право (1214 г.)	107
Право г. Дибурга	113
Городское право (1194—1198 гг.)	
Право г. Липпштадта	114
Городское право (1198 г.)	
Право г. Зеста	116
Древнейшее городское право (XII в.)	
Право г. Регенсбурга	123
Городское право короля Филиппа (9.III.1207 г.)	
Городское право Фридриха II (4.IX.1230 г.)	124
Право г. Хамма	127
Городское право (1.XI.1213 г.)	
Право г. Берна	129
Городское право (15.IV.1218 г.)	
Право г. Анвейлера	140
Пожалование городского права (14.IX.1219 г.)	
Право г. Нюрнберга	141
Городское право Фридриха II (8.XI.1219 г.)	
Право г. Гослара	143
Городское право, данное императором Фридрихом II (13.VII.1219 г.)	
Право г. Мюнстера	149
Городское право (1221 г.)	
Право г. Вены	153
Городское право Леопольда VI (18.X.1221 г.)	
Привилегия императора Фридриха II. Пожалование городского города (IV.1237 г.)	162
Комментарии	165

**СРЕДНЕВЕКОВОЕ ГОРОДСКОЕ ПРАВО
XII—XIII веков**

Сборник текстов

Под редакцией проф. **С. М. Стама**

Редактор Э. П. Казикина
Технический редактор Н. И. Добровольская
Корректор Н. Е. Лагранская
ИБ 3003

Сдано в набор 14.07.87. Подписано к печати 16.03.89. НГ 42123
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная»
Печать высокая. Усл. печ. л. 10,46 (11,25). Уд.-изд. л. 12.
Тираж 1000 экз. Заказ № 7385. Цена 60 к.

Издательство Саратовского университета, 410601, Саратов, Университетская, 42
Тип. им. Мяги Куйбышевского полиграфобъединения,
443099, Куйбышев, ул. Венцека, 60.

60к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА